

КЧУКОВСКИЙ

АНГЛІЯ
НАКАНУНЬ
ПОБЪДЫ

Петроградъ.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ.

(АНГЛИЧАНЕ и ВОЙНА).

4-е дополненное изданіе,

роскошно иллюстрированное: 90 рисунковъ, 188 страницъ.

Содержаніе: Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. Навстрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ. Юмористы. Спортсмены. „Мы“. „Въ чело-вѣцѣхъ благоволеніе“. Событія послѣдняго времени. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ. Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Великое въ маломъ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также подлежащей допуску въ ученическія библиотеки высшихъ начальныхъ училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., декабрь 1915 г.).

Военнымъ Министерствомъ рекомендована для чтенія въ частяхъ войскъ, учрежденіяхъ военнаго вѣдомства и лѣчебныхъ заведеніяхъ („Русскій Инвалидъ“ отъ 30 декабря 1915 г.).

Учебн. Отд. М-ва Торг. и Промышл. допущена въ библиотеки коммерческихъ училищъ для учащихся старшаго возраста.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній допущена въ фундаментальныя библиотеки военно-учебн. заведеній.

Гл. Морск. Штабомъ рекомендована для судовыхъ и береговыхъ библиотекъ Морск. Вѣдомства.

Цѣна книги 1 р. 50 н., съ перес. 1 р. 75 н.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ, СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ СЪ РИСУНКАМИ.

Содержаніе: Отступленіе или бѣгство? Плѣнные и павшіе. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Послѣ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая волна. О геройствѣ. Ненужныя жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестъ. Чужая боль (раненые). Земцы и война. Свѣтлая душа. Незамѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыкъ и Маркграбово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Учебн. Отд. М-ва Торг. и Промышл. допущена въ ученическія библиотеки коммерческихъ училищъ для учащихся старшаго возраста.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній допущена въ фондъ библиотеки военно-учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 р. 25 н., съ пересыльною 1 р. 50 н.

К. ЧУКОВСКІЙ

АНГЛІЯ
НАКАНУНЪ
ПОБѢДЫ

съ 72 рисунками.

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ.
ПЕТРОГРАДЪ.

Аргистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 39.

**Дружески посвящается
энергичному поборнику англо-русского союза
английскому майору И. А. Торнхиллю.**

Портретъ англійскаго майора И. А. Торхилля, рисунокъ И. Е. Рѣпина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этой весной британское правительство пригласило нѣсколькихъ русскихъ писателей въ Англію, чтобы они посмотрѣли, какъ Англія готовится къ побѣдѣ. Былъ приглашенъ и я. Насъ встрѣтили радушно и шумно—банкетами и пышными спичами. Насъ принималъ самъ король. Намъ показали многомилліонную армію, показали изумительный флотъ и цѣлыя версты заводовъ, работающихъ на оборону страны. Насъ повезли на фронтъ и показали войну. Мы видѣли разрушенную Бельгію. По приглашенію французскаго правительства мы побывали и на французскихъ позиціяхъ,—а нѣкоторые изъ насъ подъ Верденомъ.

Много незабвенно-волнующаго видѣли мы въ Гаврѣ, въ Ле-Бурже, въ Санъ-Лисъ, въ Компьенѣ, въ Клермонѣ, въ Парижѣ, въ Калэ, въ Ипрѣ, въ Касселѣ, въ Гренэ, въ Сантъ-Омерѣ, въ Булони, въ Тэрсо, въ Портсмутѣ, въ Лондонѣ, въ Шефильдѣ, въ Бирмингэмѣ, въ Альдершотѣ, въ Ньюкастлѣ, въ Инвернессѣ, въ Нотрѣ Дамъ де-Лореттѣ и т. д.

Мы бесѣдовали съ Китченеромъ, съ Джеллико, съ Греемъ, съ главнокомандующимъ англійскими арміями, съ виднѣйшими писателями, учеными, дѣятелями,—казалось бы, чего же и желать журналисту! Многимъ ли выпадаетъ такая удача! Но вскорѣ я замѣтилъ, что въ этой поѣздкѣ не все

одинаково интересуеъ меня. Напримѣръ, официальные банкеты и речи,—что могъ бы я о нихъ написать! И что напишу я о флотѣ, въ которомъ ничего не понимаю, и что напишу о Китченерѣ, котораго видѣлъ лишь восемь (даже не десять!) минутъ. И что скажу объ англійскихъ оружейныхъ заводахъ, если я не инженеръ, не механикъ и главное,—если я пронесся по нимъ впопыхахъ, не имѣя возможности ни разговориться съ рабочими ни вникнуть въ ихъ работу, въ ихъ бытъ.

Глупая привычка писать лишь о томъ, что я доподлинно знаю, мѣшаетъ мнѣ рассказать о многомъ, чѣмъ я восхищался въ пути. Неумѣние судить о вещахъ на ура, по бѣглымъ мимолетнымъ впечатлѣнiямъ принудило меня вычеркнуть изъ путевого моего дневника изрядное количество страницъ.

Печатаю то, что осталось.

Интересующихся подробностями нашего путешествiя и пребыванiя въ Англии отсылаю къ книгамъ Вл. Набокова „Изъ воюющей Англии“ и гр. Ал. Н. Толстого, а также къ статьямъ Вас. Немировича-Данченко, Еф. Ал. Егорова и А. А. Башмакова.

Конечно, самое цѣнное въ этой книжкѣ неизданный рисунокъ И. Е. Рѣпина, помѣщенный на первой страницѣ.

Я былъ бы невѣжей, если бы не выразилъ сердечной своей благодарности нашему милому спутнику, корреспонденту газеты „Таймсъ“, мистеру Вильтону, который по просьбѣ Великобританскаго правительства сопровождалъ насъ изъ Петрограда на англійскiя боевыя позиции,—а также прiятному капитану Скэлу, бывшему съ нами неотлучно на фронтѣ.

К. Чуковский.

Типы военного времени. Мальчик-лакей.

АНГЛІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

I.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢТИ.

Въ Лондонѣ меня заинтересовала работа лиги „Синяго Креста“, ухаживающей за ранеными лошадьми. Я пошелъ на Викторія-Стритъ, въ главное бюро этой лиги.

Тамъ сидѣлъ джентльменъ лѣтъ одиннадцати, карикатурно-солидный, насупленный. За ухомъ у него было перо. Съ важностью директора банка онъ читалъ двухаршинный „Times“. Его ноги не доставали до пола.

— Чтѣ вамъ угодно?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь постарше?

— Чтò вамъ угодно, сэръ?

Я робко изложилъ ему свое двухминутное дѣло.

— Мистеръ Дженкинсъ! — позвалъ онъ начальственно.

Вошелъ такой же лилипутъ, десятилѣтнй, въ бѣломъ жилетѣ, съ проборомъ, и почтительно замигалъ передъ нимъ.

— Мистеръ Дженкинсъ, дайте джентльмену всѣ свѣдѣнія.

И онъ снова закрылся газетой. Тщетно пытался я заговорить съ мистеромъ Дженкинсомъ на какія-нибудь постороннія темы, болѣе свойственныя его

нѣжному возрасту, — онъ былъ строго официаленъ и сухъ.

„Да неужели въ карманѣ у тебя нѣтъ ни свистульки ни яблока!“ — думалъ я, слушая его ровную рѣчь о количествахъ поступающихъ пожертвованій.

Когда я уходилъ, величавый патронъ милостиво подаль мнѣ свою одиннадцатилѣтнюю руку и сказалъ, что онъ и впредь радъ служить „нашей доблестной союзницѣ Россіи“. Я сконфуженно промямлилъ благодарность и убѣжалъ, чтобы отсмѣяться на лѣстницѣ...

Вначалѣ все это меня поражало, но вскорѣ я привыкъ, что на подземныхъ желѣзныхъ дорогахъ, въ кассахъ театровъ, у подъемныхъ машинъ, въ ресторанахъ, всюду дѣятели и работники — дѣти.

Мужчины — въ учебныхъ командахъ, во флотѣ, на фронтѣ, женщины — на заводахъ и фабрикахъ, и вотъ къ обслуживанію огромной столицы призваны одиннадцатилѣтнія руки.

Даже въ военномъ министерствѣ, въ прихожей, набрасывается на васъ цѣлая стая шустрыхъ и привѣтливыхъ дѣвочекъ. Какъ онѣ снуютъ по безчисленнымъ лѣстни-

цамъ съ докладами, съ депешами, съ чашками чаю, встрѣчая и провожая просителей, исполняя роль вѣстовыхъ и посыльных! Сколько вносятъ онѣ птичьяго щибета въ угрюмое казенное зданіе!

А маленькіе рыцари, бойскоуты, крошечные донъ-кихотики Англии, ходятъ по всѣмъ улицамъ и жадно оглядываются: не нужно ли кому ихъ услугъ? Теперь они проникли во всѣ уголки. Приходишь въ госпиталь,—бойскоуты тамъ: читаютъ раненымъ газеты и письма, бѣгаютъ въ аптеку за лѣкарствами. Выйдешь за городъ—бойскоуты тамъ: охраняютъ мосты, берега, телеграфныя и кабельныя линіи. Какъ и наши гимназисты-дружинники, они помогаютъ фермерамъ въ уборкѣ хлѣбовъ. Если строится военный заводъ,

Бойскоуты на полевыхъ работахъ. Помощь фермерамъ во время войны.

Дѣвушки-вѣстовые въ военномъ министерствѣ.

они носятъ каменщикамъ кирпичи и песокъ. Если налетаетъ цеппелинъ, они первые прибѣгаютъ съ носилками. Когда въ Англию хлынули бельгійскіе бѣженцы, бойскоуты встрѣчали ихъ на каждомъ вокзалѣ, ухаживали за ихъ малышами, разносили имъ папирсы и пищу.

Бойскоутъ пишетъ адресъ на тюкахъ, посылаемыхъ французскимъ солдатамъ.

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ, —

таковъ апостольскій девизъ этихъ дѣтей. Я присутствовалъ на великолѣпномъ концертѣ, который эти десятилѣтки устроили для ослѣпшихъ моряковъ и солдатъ, и позавидовалъ счастливой странѣ, воспитывающей своихъ будущихъ гражданъ въ такомъ возвышенномъ, рыцарскомъ духѣ.

Самые забавные изъ нихъ — это тѣ, которые зовутся волчатами, восьмилѣтніе младенцы, желторотые, — не бойскоуты, а кандидаты въ бойскоуты.

Имъ доставляло величайшую радость, когда я, незнакомый прохожій, останавливалъ ихъ на лондонской улицѣ:

— Отнесите, пожалуйста, это письмо.

— Позовите мнѣ, пожалуйста, „такси“.

Уставъ этого рыцарскаго ордена требуетъ, чтобы каждый бойскоутъ ежедневно совершалъ хоть одно, хоть маленькое доброе дѣло, — не даромъ на своемъ форменномъ галстукѣ они завязываютъ специальный узелокъ. Жажда подвиговъ снѣдаетъ ихъ сердца. Они ежеминутно готовы къ геройству. Спасти утопающаго — ихъ идеаль: пристально глядятъ они въ Темзу, не тонетъ ли тамъ кто-нибудь.

Изъ 760 медалей, полученныхъ этими мальчиками за

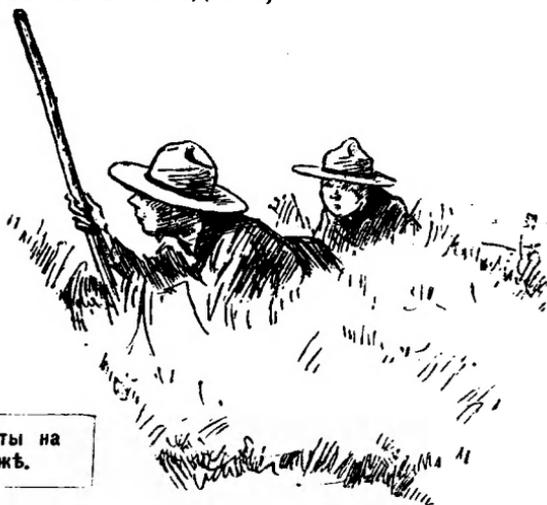
спасеніе человѣческихъ жиней, больше половины дано имъ именно за спасеніе тонущихъ.

Драгоцѣнно отмѣтить, что основатель ихъ ордена генераль сэръ Бѣденъ-Пауэль даже теперь, во время войны, тщательно охраняетъ дѣтей отъ чрезмѣрнаго увлеченія военщиной.

— Они не солдаты, а рыцари, — повторяетъ онъ въ своихъ статьяхъ. — Имъ не нужно муштровки, которая, превращая людей въ части военной машины, стираетъ ихъ индивидуальныя качества. Мы, напротивъ, стараемся развивать въ каждомъ скаутѣ его особенную, независимую личность: пусть полагается на себя одного,

Женщина-пожарный.

Бойскауты на стражѣ.

пусть на свой рискъ и страхъ проявляетъ инициативу, находчивость,—и это закалитъ его характеръ. Характеръ—главное, характеръ—все. Будетъ у ребенка характеръ,—онъ сдѣлается отличнымъ солдатомъ, превосходнымъ купцомъ, замѣчательнымъ ученымъ, кѣмъ угодно. Характеръ—фундаментъ всего *).

Въ этихъ словахъ квинтъ-эссенція британской педагогической мудрости.

II.

АНГЛІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Лондонъ долго былъ въ осадѣ и сдался. Его взяли приступомъ... женщины! Кто ни побѣдитъ на войнѣ,—женщины уже и сейчасъ побѣдительницы. Веселою ордою ворвались онѣ въ улицы покореннаго города и

захватили тамъ всѣ магазины, конторы, банки, мастерскія, аптеки, кофейни, клубы, рестораны, парикмахерскія.

Нѣтъ такого мѣста, откуда онѣ не спихнули бы своихъ бывшихъ властелиновъ—мужчинъ, гдѣ не водрузили бы своего побѣднаго женскаго знамени.

Если въ Лондонѣ еще попадаетъ мужчина-кондукторъ, мужчина-лакей, то всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ, какъ на остатокъ сѣдой старины. Это—такой же архаизмъ, какъ дилижансы и сальные свѣчи.

Женская юбка мелькаетъ теперь на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Женщины стали шоферами, расклейщиками уличныхъ афишъ, под-

Женщина-полицейскій.

*) The Windsor Magazine. „Boy Scouts in War-Time“, pp. 406—407.

метальщиками улицъ, почталъонами, вокзальными носильщиками, городовыми, мясниками, печниками, трубочистами, пожарными, землекопами, сторожами галлерей и музеевъ.

Женщины-городовые, — изумительно! Какъ, должно быть, оскорбились англійскіе жулики, почувствовавъ свой шиворотъ во власти дамскихъ ручекъ. Я видѣлъ этихъ барынь: внушительныя. Какъ монументы, стоятъ на постахъ. Хорошо, что у нихъ нѣтъ полицейскихъ дубинокъ, а только фонари и свистки. Онѣ — не дилетантки, не любительницы, — онѣ выдержали трудный экзаменъ по части сигнализации, борьбы, подачи первой помощи и проч.

Созданы онѣ не участкомъ, а „Лигой Свободы женщинъ“ (Women's Freedom League), участокъ же благословилъ ихъ и одобрилъ, ибо онѣ очень ретивыя. Главная ихъ забота — о женщинахъ; зорко наблюдаютъ онѣ, чтобы какая-нибудь легковѣсная дѣва не привязалась къ подгулявшимъ солдатамъ,

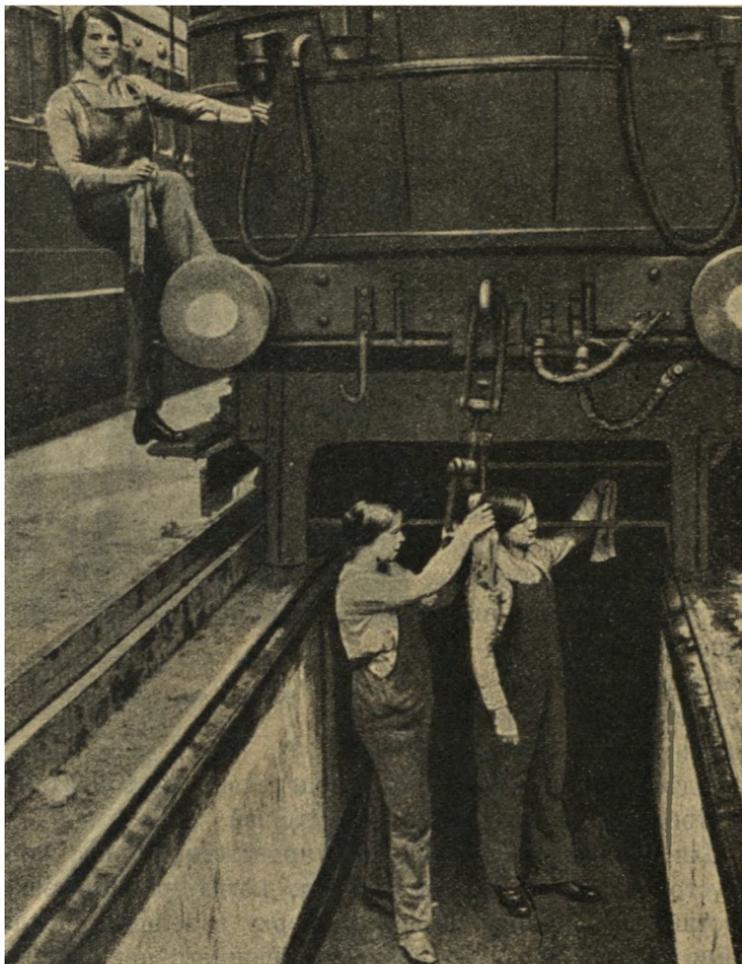
и чтобы тѣ не приволокнулись за ней.

Для наблюдения за женскою нравственностью, столь неустойчивою въ военное время, когда каждый захолустный городишко бываетъ доверху наполненъ солдатами, есть и другія полицейскія женщины, принадлежащія къ „Национальному Союзу Работницъ“, къ „Лигѣ Чести“, къ „Христіанской Ассоціаціи Женщинъ“. Слышно, что многихъ онѣ уберегли отъ соблазна.

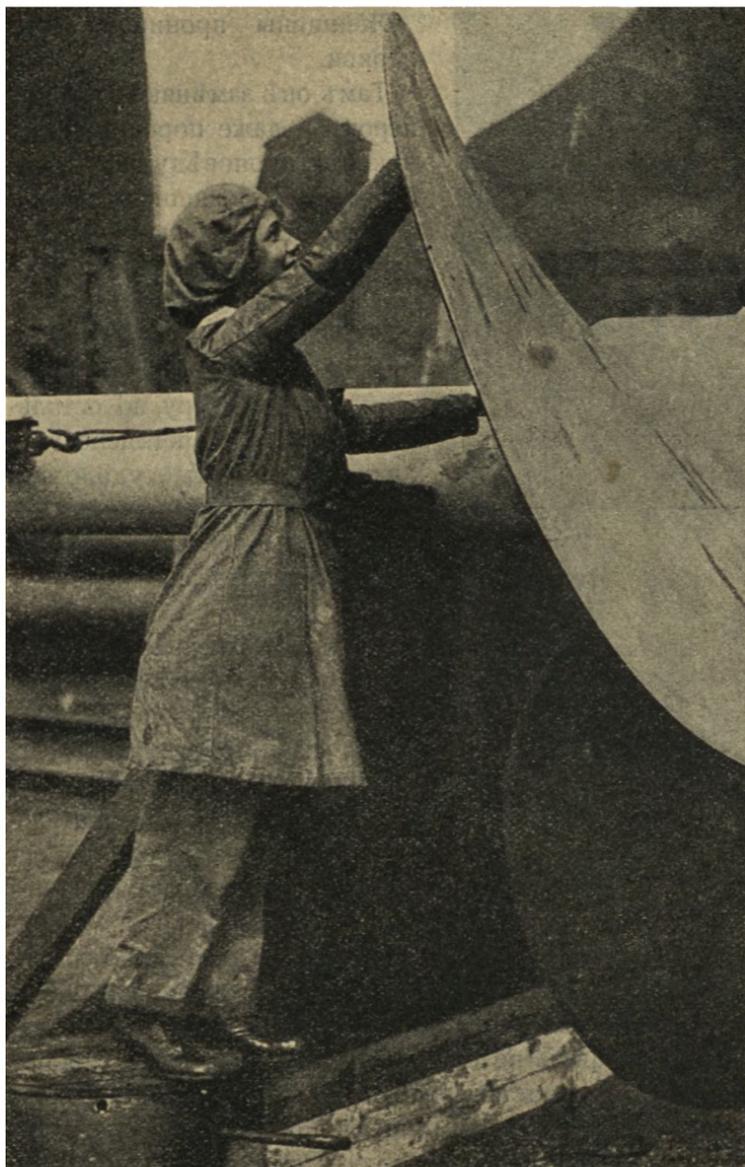

Женщины-мельники.

Цѣлые патрули этихъ оригинальныхъ констэблей наполняютъ парки, сады, перекрестки, исподволь приуговоря британцевъ къ будущимъ притязаніямъ женщинъ на самыя рискованныя поприща.

Женщины-кочегары.

Женщина на судостроительной верфи.

Женщина полевой работчи.

Женщины проникли и въ церкви.

Тамъ онѣ замѣняютъ миссіонеровъ и даже порою священниковъ: проповѣдуютъ предъ собраніемъ молящихся.

Лондонскій епископъ весьма либерально благословилъ ихъ на сей пастырскій трудъ, лишь бы только онѣ не входили въ алтарь и не взбирались на церковную кафедру, но остальное духовенство, согласно церковнымъ канонамъ, осудило ихъ, какъ еретицъ и кощунницъ.

Женщины чрезвычайно обидѣлись. Возгорѣлась жестокая прія:

— Вѣдь даже не въ военное время изъ кого состоитъ главнымъ образомъ толпа молящихся въ нашихъ церквахъ? Изъ женщинъ. Кто выноситъ на своихъ плечахъ благотворительно-приходскую работу? Женщины. Кого посылаетъ „Національное Миссіонерское Обще-

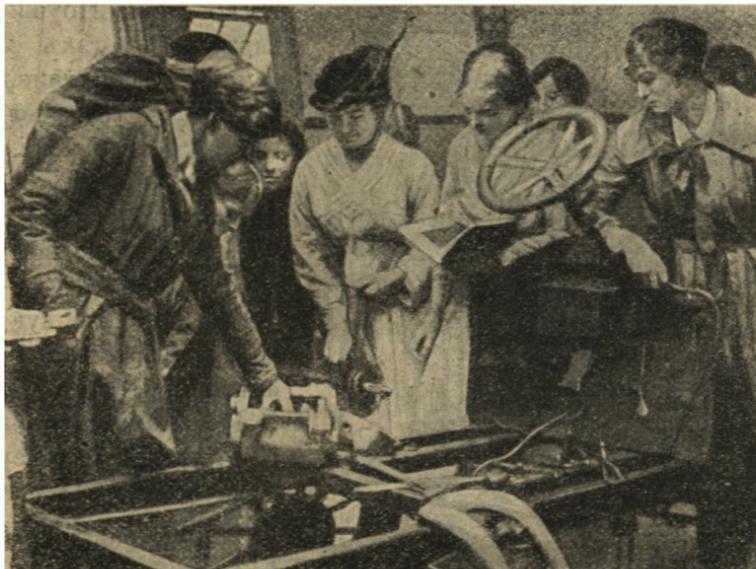
ство“ въ каждую глухую деревню, чтобы пробуждать въ народѣ чувство религіозной отвѣтственности? Женщину. Можно ли серьезно утверждать, что особо-одаренныя женщины не способны сказать дѣльную проповѣдь? Только эгоисты-мужчины, ревниво блюдушіе свои мужскія права, смѣютъ лицемѣрно утверждать, будто имъ однимъ доступно направлять оба пола къ благочестивой и праведной жизни *).

*) Изъ письма г-жи Маріи де-Брокъ въ „Morn. Post“, 1916, Aug. 11. А сущая цитатка Нина Бомль помѣстила въ „Weekly Dispatch“ (20 авг.)

Такъ пишутъ возмущенныя женщины.

Но если имъ нельзя въ миссіонеры, то въ шоферы — дорога открытая!

Въ качествѣ автомобильныхъ шоферовъ женщины надежнѣе мужчинъ: гораздо осторожнѣе, солиднѣе. Но какъ мы испугались, когда, сойдя съ парохода въ Нью-

Школа женщинъ-шоферовъ въ Англии. Демонстрація передъ ученицами различныхъ частей аппарата.

кастлѣ, увидѣли, что наши чемоданы подхвачены какими-то расторопными барышнями, которыя сложили ихъ на крышахъ „авто“, а сами сѣли на шоферское мѣсто и помчали насъ по незнакомому городу. Кто онѣ такія? Откуда онѣ? Гдѣ же настоящіе шоферы?..

пламенные строки, обвиняющія мужчинъ-священниковъ въ томъ, что они всегда потворствовали всѣмъ общественнымъ несправедливостямъ: тѣлесному наказанію, рабовладѣльчеству, эксплуатаціи высшими классами низшихъ.

— И вѣдь какая хорошенькая! — говорилъ восхищенный россиянинъ, только-что доставленный въ отель дюжей британской „шофершей“. Самъ онъ по-англійски ни слова, такъ что она сгребла его, какъ неодушевленную вещь, вмѣстѣ съ его чемоданами и равнодушно выгрузила у порога гостиницы.

Женщина кондукторъ омнибуса.

Это привело его въ восторгъ. Поужинавъ, онъ сѣлъ у камина и вкрадчиво и сладко зазасюкала:

— Можно ли сомнѣваться, что въ ближайшую же войну женщины выступятъ на мировую арену въ качествѣ амазонокъ - солдатъ? Женская эмансипація за эти два года сразу прынула на тысячелѣтіе впередъ, и если нѣтъ такой области мужского труда, куда теперь не проникли бы женщины, то почему же, спрашивается, имъ не проник-

нуть и въ область военного дѣла? Мы еще увидимъ, какъ въ лютомъ бою сшибаются женскія груди. Летчицы, артиллеристки, пулеметчицы станутъ самымъ зауряднымъ явленіемъ. Впервые за десятки вѣковъ бранныя поля обогрѣются женской сладкой, изнѣженной кровью...

Мы слушали его безъ энтузіазма и вскорѣ отправились спать. Конечно, мы забыли бы о немъ совершенно,

Женская боевая дружина в изображении английского карикатуриста.

Что делают наши амазонки, когда им скажут: стоять вольно, оправиться...

В ресторане. Женщина-полковникъ мужчине: „Здравствуйте, полковникъ Макферсонъ. Очень рада, что встрѣтилась съ вами. Объясните мнѣ въ двухъ словахъ, покороче, въ чемъ состоятъ обязанности полковника!“

Женщины-пожарные при лондонской городской лѣчебницѣ для психическихъ больныхъ. Вся эта команда состоитъ изъ больничныхъ сидѣлокъ; инструкторомъ ихъ былъ брандъ-майоръ.

если бы через нѣсколько дней на какой-то мокрой полянѣ не увидѣли арміи въ юбкахъ, окруженной веселыми зѣваками и дѣлающей, подѣ команду дородной фельдфебельши, разнообразные воинственные жесты.

На этихъ женщинахъ были куртки защитнаго цвѣта съ мужскими поясами и карманами.

— Чтѣ здѣсь такое?—спросилъ я у какого-то старца.

Онѣ сердито посмотрѣлъ на меня, сплунулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Добровольческій женскій резервъ, — ухмыляясь, отрапортовалъ мнѣ случившійся тутъ солдатъ.

Юбки амазонокъ трепались отъ вѣтра, мокрые волосы выбивались изъ-подъ ихъ форменныхъ шляпокъ, но дамы молодецки отхватывали свои артикулы, не смущаясь ни дождемъ ни насмѣшками.

Въ большинствѣ это были молоденькія восемнадцатилѣтнія дѣвушки, похожія на нашихъ курстокъ, но были среди нихъ и пожилыя. Какъ я потомъ узналъ, эта милая бабья дружина не питаетъ, слава Богу, завоевательныхъ замысловъ. Ея цѣль—оборона страны въ случаѣ морскихъ или воздушныхъ набѣговъ, борьба съ паникой, тушеніе пожаровъ, уходъ за пострадавшими, спасаніе стариковъ и дѣтей, и т. д. и т. д. Организація строго военная. Командуетъ арміей маркиза Лондондерри. Въ арміи немало майоршъ, лейтенантокъ, полковницъ. Есть штабныя офицерши, мотоциклистки,

Офицерша женской боевой дружины.

развѣдчицы. Есть главная квартира въ Бэкеръ-Стритъ. Ружей амазонки съ собою не носятъ, но въ стрѣльбѣ упражняются ревностно. Запоемъ предаются фехтованію.

Пророчество русскаго полужнакомца, кажется, начинаетъ сбываться. Но, конечно, это—милая блажь, и не здѣсь проявляются британскія женщины.

Нужно видѣть тѣ клубы для англійскихъ солдатъ, съ библіотеками, картинами, роялями, граммофонами, шашками, шахматами, которые (въ числѣ шестисотъ)

Григорьевъ С. 1917

Помѣнялись ролями!

руководятся великосвѣтскими дамами; нужно видѣть этихъ избалованныхъ барынь, покинувшихъ роскошные свои особняки и вставшихъ за стойками солдатскихъ трактировъ въ качествѣ обыкновенныхъ прислужницъ. Нужно заглянуть на минуту въ депо для снабженія лазаретовъ и госпиталей, гдѣ ежедневно работаютъ десятки тысячъ добровольницъ-мастерицъ, изготовляющихъ для раненыхъ туфли, хирургическіе биндажи, больничные халаты, и проч.

Нужно посмотрѣть на работу англійскихъ сестеръ милосердія въ Бельгіи, во Франціи, Сербіи, Итали, Россіи, чтобы понять, сколько идеализма и героической мощи таится въ этихъ непорывистыхъ душахъ. Впрочемъ, и „Женскій Легіонъ“ лэди Лондондерри приноситъ обществу не малую пользу. Изъ него выходятъ отличныя поварихи, которыя обучаютъ стряпнѣ флотскихъ и армейскихъ „кашеваровъ“, а то и сами стряпаютъ для солдатъ и матросовъ. Около тысячи такихъ поварихъ работаетъ нынѣ въ арміи.

„Легіонъ“ также поставляетъ умѣлыхъ работницъ фермерамъ для полевыхъ работъ, для уборки хлѣба и т. д.

Самый высокій постъ, который занимаетъ нынѣ женщина, достался нѣкоей шотландкѣ, миссъ Стивенсонъ. Она служитъ секретаремъ у министра, и у какого!—у военнаго,—у самого Ллойд-Джорджа. Съ честью занимаетъ она этотъ отвѣтственный постъ въ такое бурное и трудное время. Врядъ ли сами женщины подозрѣвали въ себѣ столько разнообразѣйшихъ силъ и способностей, сколько вызвала къ жизни война. Предсказываютъ,

Англійскія аристократки работаютъ въ солдатскихъ трактирахъ.

что послѣ войны все въ нашемъ быту перемѣнится,— всѣ обычаи, привычки и нравы. Міръ обновится. Множество предрасудковъ исчезнетъ. Но, конечно, самая большая перемѣна, внесенная въ міровые порядки войной, произойдетъ въ положеніи женщины.

Впервые въ исторіи женщина выходитъ на міровую арену такой свободной и вооруженной для борьбы, но кто знаетъ, что скажетъ мужчина, когда онъ вернется изъ окоповъ домой?

III.

ФАБРИКА ПОБѢДЫ.

Итакъ, англійскія дѣти и женщины освободили мужчинъ отъ всякихъ житейскихъ заботъ, чтобы тѣ безоглядно, всецѣло могли отдаться войнѣ.

И вотъ мужчины на каждой лужайкѣ, въ каждомъ паркѣ, на площадкахъ и на улицахъ подвергаются муштровкѣ фельдфебелей, которые къ вечеру такъ накричатся, что уже не кричатъ, а лаютъ. Только и слышишь ихъ сильные выкрики:

— Въ атаку!.. Заряжай!.. Пли!..

Присядешь въ Гайдъ-Паркѣ на стульчикѣ, задремлешь, задумаешься, и вдругъ прямо на тебя налетитъ полчище развирѣпѣлыхъ мужчинъ; ты въ ужасѣ кинешься прочь и, только отдышавшись; поймешь, что это—новобранцы на ученіи.

Въ Англии есть цѣлый городъ спеціально для муштровки новобранцевъ. Онъ почти весь состоитъ изъ манежей, казармъ, барачковъ, гимнастическихъ залъ и т. д. Имя его Ольдершотъ. Это—фабрика для изготовленія солдатъ, работающая такъ же солидно и споро, какъ и

всякая английская фабрика. Машины у нея въ полномъ ходу. Туда поступаетъ сырье, — сотни тысячъ фермеровъ, деревенскихъ обломовъ, студентовъ, углекоповъ, приказчиковъ, клерковъ, — и тамъ изъ нихъ молниеносно, въ кратчайшее время вырабатываются конница, артиллерія, пѣхота. Всюду, куда ни пойдешь, люди фехтуютъ, стрѣляютъ, маршируютъ, гарцуютъ, атакуютъ, копаютъ, и фельдфебеля уже не лаютъ, а только безгласо хрипятъ, и на цѣлыя мили вокругъ все занято сплошными новобранцами.

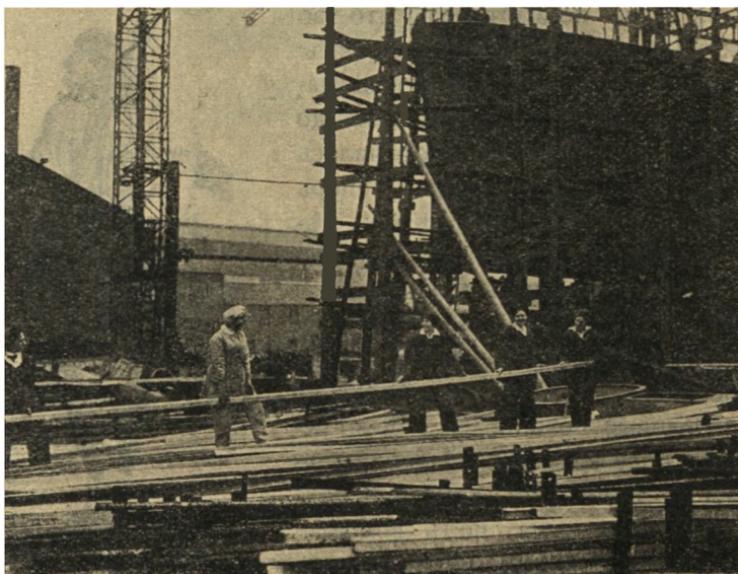
Я и не подозрѣвалъ, что во всемъ мѣрѣ такъ много мужчинъ: я изнемогъ отъ ихъ неистощимаго множества, а между тѣмъ до войны въ Ольдершотѣ обучалось лишь 27 тысячъ солдатъ. Теперь оттуда было послано въ бой цѣлыхъ полтора милліона, а вѣдь въ Англии не одинъ Ольдершотъ! Мы видѣли, какъ эта свѣже-испеченная ольдершотская армія пересѣкала Ламаншъ по дорогѣ на передовыя позиціи. Это было незабвенное зрѣлище. Наверху стерегли дирижабли, справа и слѣва — боевыя суда, подъ водою — стальные сѣти для ловли безпардонныхъ субмаринъ, а посерединѣ, по этой узкой безопасной тропинкѣ, одинъ за другимъ, вереницей отправлялись во Францію транспорты все новыхъ солдатъ.

Если бы германцы увидѣли этихъ огромныхъ, слоподобныхъ верзилъ, которые безостановочно, какъ зерно изъ мѣшка, сыплются и сыплются во французскія гавани, они поняли бы, что надѣяться не на что.

А тамъ, въ Шеффилдѣ, въ Бирмингамѣ, въ Лидсѣ и въ десяткахъ другихъ городовъ сумасшедше вертятся

колеса машинъ, вышвыривая мириады снарядовъ, и кажется, что всѣ прачки, кухарки и модистки, сколько ихъ есть въ королевствѣ, сбѣжали туда на работу, чтобы колеса не остановились ни на мигъ. Вотъ заводы величины потрясающей: въ милю ширины и въ двадцать миль длины, то-есть вчетверо длиннѣе, чѣмъ, на примѣръ, городъ Глазго. Ихъ не осмотришь и въ мѣсяцъ: ходишь, ходишь до послѣдней усталости, а передъ тобою лишь краешекъ, лишь уголокъ завода, и сотни

Женщина на судостроительной верфи.

корпусовъ уходятъ въ горизонтъ. Чтобы ориентироваться въ этой громадинѣ, нужны географическія карты. Обыкновенно такіе заводы строятся семь-восемь лѣтъ; англичане же воздвигли ихъ въ шесть мѣсяцевъ!

— Еще въ прошломъ іюлѣ здѣсь колосились хлѣба! — съ гордой скромностью говоритъ инженеръ.

Въ углу одного желѣзобетоннаго корпуса я увидѣлъ изцѣлѣвшій клочокъ огорода: еще не успѣли убрать.

— Однихъ рельсовъ, обслуживающихъ эту машину, мы истратили 50.000 миль,—говоритъ инженеръ.

Я пошелъ по баракамъ и почувствовалъ себя въ Апокалипсисѣ. Всѣ слова слишкомъ мизерны и мелки, чтобы выразить тотъ восторженный ужасъ, то веселое изступленіе отчаянія, что испытываешь среди этихъ яростныхъ, дьявольскихъ, безумно спѣшащихъ машинъ. И надъ ними множество ритмически мелькающихъ рукъ, кующихъ, плавящихъ, сверлящихъ, раздробляющихъ, готовящихъ милліоны смертей во имя побѣды и мира...

Геперь англичане не могутъ не побѣдить, даже если бы сами того захотѣли. Въ четыре дня здѣсь изготовляется столько снарядовъ для однѣхъ только крупныхъ мортиръ, сколько прежде готовилось въ годъ. Снарядовъ для орудій большого калибра въ одинъ день фабрикуется столько, сколько прежде фабриковали въ семь лѣтъ! До войны было всего три военныхъ національныхъ завода, работавшихъ на сухопутную армію, а теперь ихъ 95. Производство бомбъ увеличилось въ 33 раза, производство ненаполненныхъ бомбъ увеличилось въ 170 разъ. Каждую недѣлю регулярно на военные заводы поступаетъ по 15.000 новыхъ работницъ, и этому наплыву не видно конца.

Я слушаю моего инженера, записываю въ книжечку его страшныя цифры, и въ душѣ помимо воли выговаривается:

— Бѣдные, бѣдные нѣмцы. На что они надѣются? Чего они ждутъ?

Въ Англии, кажется, давно уже нѣтъ ни одного самаго мелкаго завода, который не работалъ бы на усиленіе арміи.

Вы проходите по улицѣ и видите вывѣску:

„Фабрика швейныхъ машинъ“.

Не вѣрьте: вмѣсто швейныхъ машинъ, тамъ давно уже готовятъ пулеметы.

Вотъ другая вывѣска:

„Вѣнскіе стулья“,

но не вѣрте и ей: вмѣсто стульевъ, тамъ фабрикуются ручныя гранаты.

На фабрикѣ граммофоновъ теперь вырабатываются стальные солдатскіе шлемы.

Корсетныя мастерскія изготовляютъ теперь винтики и гайки для орудій, а на велосипедныхъ заводахъ наивно было бы заказывать велосипеды: кромѣ шрапнельныхъ стакановъ, тамъ теперь ничего не готовятъ.

Всѣ воли слились въ одну. Похоже, что въ Англіи нѣтъ ни одного, даже вялаго мускула, который не былъ бы напряженъ для побѣды.

Казалось бы, много ли проку въ морщинистыхъ старческихъ ручкахъ, но Англія не пренебрегаетъ и ими, привлекаетъ къ работѣ и ихъ.

Въ Англіи есть тысячи престарѣлыхъ механиковъ, давно уже ушедшихъ на покой. Они проработали лѣтъ пятьдесятъ, скопили себѣ достаточно стерлинговъ и вотъ, забросивъ инструменты въ кладовую, идиллически доживаютъ свой вѣкъ.

Этихъ шамкающихъ мирныхъ старикашекъ встрѣаешь въ Англіи на каждомъ шагу, возлѣ каждого пруда, каждой рѣчки; они часами цѣпенѣютъ безъ движенія, смотрятъ на воду, кормятъ утятъ.

Не думали они, что когда-нибудь снова придется имъ напяливать свои рабочія кепи и вытаскивать изъ кладовой инструменты. Но теперь, когда на военныхъ заводахъ ощущается такая нужда въ опытныхъ, умѣлыхъ рабочихъ, фабриканты вспомнили объ этихъ ветеранахъ и упросили ихъ вернуться къ станкамъ послѣ десятилѣтняго, пятнадцатилѣтняго отдыха.

Такимъ образомъ, на многихъ національныхъ заводахъ образовались особыя Камеры Старцевъ, гдѣ только и видишь, что сѣдые да лысыя головы. Самые дряблые мускулы въ Англіи—и тѣ напряжены для побѣды.

На что же надѣются нѣмцы? Во Франціи и въ Бельгіи,

на англійскомъ фронтѣ, я былъ подавленъ, ошарашенъ именно количествомъ войскъ. Такого густо-населеннаго фронта нѣтъ-сейчасъ ни у кого, кромѣ британцевъ. На складахъ, въ Калэ и Бретани, цѣлые Гиммалаи солдатскихъ сапогъ, цѣлые коридоры, многоверстныя улицы всякаго съѣстного добра. Я никогда не забуду, какъ умиленно, восторженно ругался мой спутникъ Егоровъ, когда однажды, возвращаясь съ позицій, мы наткнулись случайно на линію моторныхъ грузовиковъ. Такое было множество этихъ машинъ.

Это цѣлые дома на колесахъ. Лондонскіе двухъ-этажные omnibuses рядомъ съ ними жалкія коробочки. Они снабжаютъ англійское войско снарядами, въ каждомъ помѣщается три тонны. Ъдешь часъ, ѡдешь два — имъ не видно ни конца ни начала. Уставъ отъ безконечнаго ихъ созерцанія, Егоровъ восхищенно брюзжалъ:

— Когда же наконецъ это кончится! Безобразіе! Такъ нельзя!

Но взиралъ на „это безобразіе“ влюбленными глазами и черезъ минуту спохватывался:

— Молодцы... ей-Богу... поразительные!

А они все тянулись, какъ будто на зло. Мы пробовали ихъ сосчитать, но куда! Отнынѣ я представляю себѣ безконечность только въ видѣ этой цѣпи фургоновъ. Мнѣ казалось, что, если бы все человѣчество забросило всѣ остальные дѣла и принялось бы фабриковать эти loggies, то и во сто лѣтъ оно не сфабриковало

Дочь полковника Джорджа Гэттона, которая служитъ горничной въ военномъ лазаретѣ лэди Ридли.

бы столько! А англичанами это сдѣлано въ годъ и доставлено черезъ море сюда на тысячѣ тысячъ судовъ. Англійскій журналистъ мистеръ Phillips, бывшій тогда вмѣстѣ съ нами,—очень милый, своеобразный старикъ, редакторъ „Yorkshire Post“,—высчиталъ тутъ же, въ авто, что, если между каждымъ моторнымъ фургономъ установить разстояніе въ шесть футовъ, то всѣ они займутъ сто двадцать миль!

Теперь протяженіе англійскаго фронта равняется 135 километровъ, и онъ съ каждымъ днемъ удлинится.

Фронтъ занимаютъ теперь $2\frac{1}{2}$ милліона солдатъ.

Попробую же, какъ умѣю, рассказать, что я видѣлъ на англійскомъ фронтѣ.

Женщина читаетъ лекцію кулинарнаго искусства англійскимъ военнымъ поварамъ. (См. стр. 24).

Знаменитые „ряды суконщиков“ въ Ипрѣ до войны и теперь. Необходимо отмѣтить, что всѣ печатаемые при этой главѣ снимки съ развалинъ Ипра сдѣланы въ началѣ войны и совершенно не передаютъ нынѣшней картины разрушенія.

КАНАДА ВЪ БЕЛЬГИИ.

I.

ИПРЪ.

Высунувъ невиданно-длинный языкъ, болтающийся, какъ мокрая тряпка, кудлатый песъ везетъ по дорогѣ телѣжку, гдѣ сидитъ микроскопическая дѣвочка съ зонтикомъ и лиловымъ линиялымъ молитвенникомъ: ѣдетъ, должно-быть, на кладбище; ихъ теперь немало по пути.

— Вотъ мы и въ Бельгii, сэръ!—говоритъ мнѣ шоферъ неожиданно.

Вдали маячитъ какой-то соборишко. Мимо въ двухъ-этажныхъ автобусахъ проѣзжаютъ съ позицій солдаты, свѣсивъ ноги въ гвоздеватыхъ сапогахъ. Они перепачканы, замучены, но благодущны: аккуратно козыряютъ бельгiйскимъ мальчишкамъ, которые отдають имъ честь.

Мы миновали Паперингъ, потомъ Фламертингъ и вотъ приближаемся къ Ипру. Какъ странно выкусаны,—словно зубами,—огромные куски придорожныхъ домовъ! Былъ ресторанчикъ подъ вывѣской:

Прiятныя новости.
Веселая встрѣча друзей.

А нѣмецкій снарядъ, отхвативъ отъ него добрую треть, оставилъ въ неприкосновенности лишь вывѣску; домикъ кажется смѣющимся покойникомъ.

Миновавъ водопроводную башню, отъ которой уцѣлѣлъ одинъ скелетъ, мы оставили автомобили у околицы и пошли пѣшкомъ въ городъ Ипръ.

Это не городъ, а рана. Меня буквально затошнило отъ ужаса. Я и не зналъ, что развалины могутъ внушать гадливость. Какъ будто я въ больницѣ, среди гнЮющихъ, дурно пахнущихъ тѣлъ. Дома-калѣки, дома-мертвецы обступили насъ—въ стружьяхъ и гноѣ. У одного изъ нихъ вырваны съ мясомъ бока, другой раздавленъ, какъ тараканъ сапогомъ! Мостовая вся въ ямахъ и язвахъ отъ 42-сантиметровыхъ снарядовъ. И уже не разобрать, гдѣ была мостовая, а гдѣ внутренность домовъ и церквей: все смѣшалось въ тошнотворную кашу... Желѣзные стропила, какъ жилы, истерзаны, изорваны, скомканы...

Надъ городомъ, поблескивая серебромъ, носятся чуть видные аэропланы.

— Ну, теперь берегитесь!—говоритъ намъ полковникъ.—Нѣмцы замѣтили насъ.

Мы думали, что онъ пошутилъ, но вскорѣ затряслась мостовая, грянулъ громъ, и Егоровъ въ двухъ шагахъ отъ себя поднялъ еще теплый осколокъ снаряда.

Какъ-то мы вернемся въ автомобиляхъ домой? Неприятельскій летчикъ увидитъ ихъ сверху и укажетъ своимъ батареямъ.

— Третьяго-дня, — сообщаетъ полковникъ, — на этой же дорогѣ былъ обстрѣлянъ автомобиль мистера Немировича-Данченко.

Въ сосѣдней улицѣ опять разорвался снарядъ; слышно, какъ сыплются камни. Хорошо, что мы оттуда ушли. Я роюсь среди кирпичей, вижу растерзанную дѣтскую куклу, съ разможеннымъ черепомъ, безъ рукъ, и мнѣ представляется, что ея семилѣтняя мать лежитъ гдѣ-нибудь здѣсь подъ развалинами. Отъ дома, гдѣ жила

эта дѣвочка, осталось одно окно во второмъ этажѣ. Оно держится чудомъ и на-дняхъ упадетъ. Надъ окномъ указана дата постройки: „1633“, а на окнѣ—Богоматерь изъ гипса съ изящно поднятой благословляющей ручкой. Во многихъ окнахъ выставлены статуэтки Христа. Гипсовые статуэтки Христа и Мадонны—вотъ и все, что могли противопоставить бельгійцы 17-дюймовымъ нѣмецкимъ орудіямъ! Они цѣплялись за родныя развалины, не хотѣли покидать ихъ до послѣдней минуты, но вдругъ 22-го апрѣля (1915 года) въ полуразрушенный Ипръ вбѣжали тюркосы, съ искаженными, потными, зелено-желтыми лицами, съ кровавой пѣной у рта, и знаками объяснили перепуганнымъ жителямъ, что все кончено, и надежды нѣтъ.

Ипръ. Воронка отъ нѣмецкаго снаряда.

Вскорѣ выяснилось, что нѣмцы выгнали ихъ изъ траншей знаменитыми удушливыми газами. Это былъ первый случай примѣненія удушливыхъ газовъ. Тюркосы задохлись отъ нихъ, а тѣ, которые не задохлись, бѣжали и оставили своимъ отравителямъ 50 орудій и длинную линію траншей.

II.

СПАСИТЕЛИ ИПРА.

Прорвавшись къ Ипру при посредствѣ удушливыхъ газовъ, нѣмцы, никѣмъ не задерживаемые, осыпали городъ снарядами, а жители, поставивъ на окнахъ статуэки Иисуса и Дѣвы, бросились въ окрестныя поля, запрудивъ собой дорогу къ Фламертингу.

— Нѣмцы въ Ипрѣ! Спасайся, кто можетъ!

Правда, кромѣ французскихъ тюркосовъ, Ипръ защищали и канадцы, но кто же помѣшаетъ врагу отравить ихъ такими же газами? Да и въ сущности, что такое канадцы? Пріѣзжіе любители-солдаты (какъ бываютъ

Канадцы подъ Ипромъ. Нѣмецкая атака съ удушливыми газами.

актеры-любители), подъ командой купцовъ, биржевиковъ, адвокатовъ, которые, по неизвѣстнымъ причинамъ, вообразили себя офицерами. Такъ писали о канадцахъ въ нѣмецкихъ газетахъ, почти такъ же думали и мы.

Гдѣ же имъ бороться съ такимъ умѣлымъ врагомъ! Нѣмцы прорвались съ сѣвера, захватили всѣ дороги и заставы, но канадцы не отступили отъ Ипра даже передъ удушливыми газами! Ошеломленные ядомъ, они порою оставляли окопы, но тотчасъ же возвращались назадъ и приняли на себя весь огонь, всѣ штыки, весь *terror furiosus germanicus!* Бывало, что канадскій офицеръ, не видя ниоткуда подкрѣплений, раненый, растерявшій людей, клалъ возлѣ себя два револьвера, не желая отступить ни на шагъ. Потери были, конечно, огромны; одинъ только 48-й батальонъ потерялъ 691 человекъ изъ 896; многія части были совсѣмъ уничтожены, такъ что не осталось ни одного человекъ, а полкъ принцессы Патриціи, состоявшій изъ 1.500 человекъ, сохранилъ только 150, потерявъ около девяноста процентовъ *), но Ипръ былъ спасенъ.

Ипръ былъ спасенъ благодаря канадцамъ. Если бы они не отстояли его, вся Бельгія попала бы въ нѣмецкія руки, кайзеръ объявилъ бы аннексію Бельгіи, война перешла бы во Францію, въ область Азебука и Дюнкерка.

Канада спасла Калѣ.

.....

III.

ВСТРѢЧА СЪ КАНАДЦАМИ.

Обо всемъ этомъ я узналъ уже послѣ, а тогда просто ходилъ и смотрѣлъ.

— Здѣсь была главная площадь,—говорить сопровождающій насъ офицеръ.—Еще прошлой весною я ходилъ сюда въ кофейню пить кофе.

И онъ указалъ на яму, наполненную наполовину водой.

*) См. „Times History of the War“. Part. 54, 58; а также „Canada in Flanders“, p. 70.

Здѣсь было великолѣпное средневѣковое зданіе,— „Дворъ суконщиковъ“, основанное въ 1200 году и строившееся въ теченіе столѣтій; это—самые грандіозные торговые ряды во всемъ мірѣ, одинъ изъ лучшихъ намятниковъ романско-готической эпохи,—воспѣтый самимъ

Метерлинкомъ. Здѣсь же была знаменитая Ипрская ратуша и церковь святого Мартына. Теперь это — дурацкая груда камней.

.....

Мѣшки съ пескомъ въ три или четыре яруса аккуратно прикрываютъ собою полы всякаго полууцѣлѣвшаго зданія: тамъ, внизу въ погребахъ, въ подземельяхъ, ютятся всевозможныя войска.

Изъ подвала вынырнулъ англійскій солдатъ и, принявъ меня за офицера, отдалъ честь. „Я бы долженъ тебѣ честь отдавать!“ — подумалъ я второпяхъ.

Ипръ. Развалины церкви святого Мартына.

Мы вошли въ обширное зданіе тюрьмы, которое почти сохранилось: разрушено только нѣсколько стѣнъ, да нехватаетъ кое-гдѣ потолка. Въ залѣ горѣла свѣчка, и священникъ, глядя въ большую дыру, пробитую нѣмецкими снарядами, казалось, разговаривалъ съ Богомъ, уговаривалъ Его и урезонивалъ. А сзади стояли солдаты съ очень наивными лицами и жадно смотрѣли въ дыру, словно ожидая оттуда чудесъ. Было странно, что это—дѣйствительность, а не картинка изъ рождественскаго нумера „The Graphic“.

— Нѣмецкіе летчики этой зимой сбросили сюда четыре бомбы,—шепчетъ мнѣ кто-то.—Смотрите...

Но я не смотрю,—я бѣгу. Мнѣ гадки эти исковерканныя зданія. Мнѣ кажется, что міръ сошелъ съ ума и умѣетъ только пакостить, портить, ломать, какъ бездарный, отупѣлый идиотъ. Кому мѣшало, что надъ тихимъ каналомъ стоялъ богомольный глухой городишко, и что тамъ семилѣтней фламандкѣ купили на рынкѣ куклу? Гдѣ эта фламандка теперь? Можетъ-быть, и ей

Бомбардировка Ипра 5-го июля 1915 г.

разбили черепъ, какъ этой куклѣ, которую я зачѣмъ-то куда-то несу, и ея маленькимъ мозгомъ обрызганъ здѣсь какой-нибудь кирпичъ?

— Сюда бахнулъ недавно снарядъ и выворотилъ трупы изъ могилы...—слышу я объясняющій шопотъ и, не глядя, бѣгу прочь, къ автомобилямъ.

Мы ѣдемъ закоулками, кружимъ по какимъ-то тропинкамъ, чтобы не попасть подъ снарядъ. Вотъ опять Паперингъ. Госпиталь. У входа въ кожаной курткѣ

Ипръ въ 1915 году.

Къ веснѣ 1916 г. не осталось и тѣхъ развалинь, которыя изображены здѣсь. Весь городъ превратился въ груды камней.

Ипръ.

стоитъ красавица сестра милосердія и жмурится на весеннее солнце.

— Сюда присылали отравленныхъ ядовитыми газами,— говоритъ офицеръ.—Тѣла у нихъ были черны, какъ чернила. Они бились въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Глаза вылѣзали у нихъ изъ орбитъ. Ядовитая жидкость просочилась къ нимъ въ легкія, и когда они умирали, мы хоронили ихъ тамъ,—онъ указалъ на поляну, гдѣ среди деревянныхъ крестовъ виднѣлся цѣлый лѣсъ полумѣсяцевъ.

Здѣсь рядомъ съ христіанами-канадцами покоились мусульмане-тюроксы.

Внизу подъ каждымъ полумѣсяцемъ надпись:

„Ci git un brave,
Mort pour la France“.

На иныхъ вѣночки изъ ивовыхъ вѣтокъ. Чтобы отвлечься отъ тягостныхъ чувствъ, я спросилъ у полковника, нельзя ли повидаться съ канадцами, и вскорѣ недалеко отъ позицій мы увидѣли русскія землянки, съ русскими кособокими крышами, гдѣ на русской соломѣ (а не на одѣялахъ, какъ принято здѣсь), валялись въ сѣрыхъ шинелишкахъ люди, очень похожіе на нашихъ солдатъ.

На погонахъ у нихъ были мѣдныя буквы „Канада“.

Уныніе мое стало понемного разсѣиваться. Я почувствовалъ себя среди своихъ, по-домашнему. Даже то, какъ свертывали они папироски, какъ сплевывали, было какое-то рязанское, тульское.

— Совсѣмъ какъ русскіе, — сказалъ я генералу-канадцу.

— Спасибо за доброе слово!—отвѣчалъ учтивый генераль. (Это былъ генераль Тернеръ, знаменитый въ Канадѣ боевой генераль, награжденный крестомъ Викторіи). — Впрочемъ, у насъ и вправду есть нѣсколько русскихъ. Не дальше, какъ вчера одинъ изъ нихъ (по собственной доброй волѣ,—его никто не заставлялъ) подобрался къ германскимъ позиціямъ и уничтожилъ проволочное огражденіе. „Скучно сидѣть въ окопахъ“, — сказалъ онъ товарищамъ и, конечно, не вернулся, былъ убитъ.

— А какъ его звали?

Генераль не могъ сказать, не зналъ, но черезъ нѣсколько времени молодой лейтенантъ подаль мнѣ листокъ, на которомъ было написано:

— Private Evashko — Wat...

Ивашко—малороссійское имя. Вотъ гдѣ пролилась за-порожская кровь! Нужно было казацкому сыну ѣхать изъ-за Днѣпра на Гудзоновъ заливъ, чтобы умереть за освобожденіе Бельгіи!

— Я его помню,—сказалъ лейтенантъ.—Онъ дружилъ съ однимъ краснокожимъ.

— А развѣ у васъ есть индѣйцы?

— Еще бы. Конечно, есть. У насъ есть и ковбои. Забавные. Ихъ было-отказались принять (въ кавалеріи не было мѣста, а всѣ они хотѣли въ кавалерію), такъ они наняли поѣздъ на свой собственный счетъ и пріѣхали въ Оттаву съ лошадьми: если не возьмете насъ сейчасъ на войну, мы немедленно снаряжаемъ грузовой пароходъ и ѣдемъ сражаться безъ васъ...

— А что это за полкъ принцессы Патриціи? Откуда въ Канадѣ принцессы?

Оказывается, нѣкій богатый купецъ мистеръ Гамильтонъ Голтъ изъ Монреаля, миллионеръ, обмундировалъ на свой счетъ цѣлый полкъ и послалъ его сражаться въ Европу подъ знаменемъ принцессы Патриціи, дочери канадскаго генераль-губернатора.

— Ну, и что же?—любопытствую я.—Отправилъ солдатъ на войну, а самъ торгуетъ въ Монреалѣ попрежнему?

— О, нѣтъ! Онъ тоже пошелъ на войну, былъ раненъ подъ Ипромъ (кажется, въ ногу... или въ бокъ), и весь его полкъ погибъ...

Канадцы атакуютъ нѣмецкій наблюдательный пунктъ.

— А какъ же семьи убитыхъ? Ихъ матери, дочери, жены? О нихъ этотъ купецъ позаботился?

— Еще бы! Каждый солдатъ былъ застрахованъ имъ на случай увѣчья и смерти. Каждому былъ данъ страховой полисъ въ пятьсотъ долларовъ *).

Мы сидимъ въ офицерскомъ собраніи. Генераль бесѣдуетъ о чемъ-то съ Егоровымъ. Я пью чай и попрежнему чувствую себя въ Россіи, среди русскихъ. Только самовара нехватаетъ. Даже веснушчатый, неуклюжій, курносый денщикъ, разносящій на подносѣ чашки съ чаемъ,— вылитый Степанъ или Гаврила, типичное російское чучело.

Офицеры рассказываютъ странныя вещи. Казначей ихъ полка, капитанъ Кастиганъ, такъ страстно тянулся въ бой, что отказался отъ своего немалого чина и пошелъ на боевыя позиціи въ качествѣ простого подпоручика! И такихъ случаевъ нѣсколько: люди сами себя понижали въ чинахъ, лишь бы не остаться внѣ боя. Въ Канадѣ тяга на войну не прекращается. Каждый мѣсяць регулярно вступаютъ въ войска 30 тысячъ добровольцевъ. По тысячѣ въ день аккуратно... И притокъ не убавляется нисколько. Теперь Канада послала въ Европу на передовыя позиціи 350.600 человекъ, но скоро пошлетъ еще; она официально заявила англійскимъ властямъ, что доставитъ имъ полумилліонное войско, снаряженное и вооруженное на ея средства **).

Канада тратитъ на нужды войны по милліону долларовъ въ день; въ мѣсяць—60 милліоновъ рублей.

Золотоискатели, трапперы, фермеры изъ западныхъ прерій; янки съ береговъ Саскачевана, индѣйцы съ Юкона, французы изъ Квебека,—все встали на защиту имперіи.

*) Въ полкъ принцессы Патриціи, какъ я узналъ позднѣе, принимались почти исключительно опытные, побывавшіе въ бою ветераны. Большинство изъ нихъ сражалось въ Южной Африкѣ.

***) Эти данныя проверены мною по официальнымъ печатнымъ источникамъ.

IV.
ЧУДО.

И что́ это за счастливая такая имперія, что сотни самыхъ далекихъ и чуждыхъ народовъ добровольно идутъ за нее умирать!

Чѣмъ она приворожила ихъ, какимъ колдовствомъ? Она не принуждаетъ, не требуетъ,—она знаетъ, что и безъ всякихъ приказовъ,—стоитъ ей только кивнуть,—красные, коричневые, черные, желтые, бѣлые люди выползутъ изъ всѣхъ щелей и закоулковъ вселенной и ринутся, какъ сомнамбулы, въ огонь.

Похоже, что всѣ они въ нее влюблены, тамъ, въ Торонто, въ Мельбурнѣ, въ Кептоунѣ, въ африканскихъ и новозеландскихъ деревняхъ, и ждали этой минуты всю жизнь, чтобы обнаружить передъ ней свою страсть.

Даже буровъ, своихъ вчерашнихъ враговъ, она магнетически приворожила къ себѣ, и тотъ самый Бота, который лѣтъ 15 назадъ такъ люто ненавидѣлъ ее, теперь—ея защитникъ и рыцарь и отвоевалъ для нея территорію, которая больше всей Германіи!

Даже недавніе людоеды изъ Новой Зеландіи, съ которыми она тоже враждовала когда-то,—гогеновскіе маори,—и тѣ добровольно, безъ ея понуканій, пошли ради нея на Галлиполи.

Много чудесъ обнаружила война, но это чудо чудеснѣе всѣхъ. Какіе-то мелкіе народцы въ Африкѣ, о которыхъ сами англичане никогда ни слышали, которыхъ, кажется, нѣтъ ни въ одной географіи,—и тѣ предложили имперіи свои войска, свои деньги, свой скоть. Какой-то базутскій князекъ даже обидѣлся, что Англія не пригласила его воевать!

— Развѣ могу я стоять въ сторонѣ, если мой владыка воюетъ?

Краснокожіе индѣйцы, Богъ знаетъ откуда,—изъ Альбертовой Земли, съ Манитюльскаго острова,—посылаютъ

последнія крохи для того, чтобы, какъ заявляютъ они, „Великобританія могла остаться и впредь вѣрной защитницей слабыхъ народовъ и охранительницей мира на землѣ“.

Среди Ново-Гибридныхъ острововъ есть крошечный островокъ-лилипутъ, населенный всего 120-ю дикарями. И тѣ послали вождю Великобританской державы 50 рублей „на веденіе войны“!

А въ Индіи всѣ до одного магараджи предлагаютъ Британской имперіи свои брильянты, свои войска, свои шпаги, своихъ лошадей, свои жизни. И, что страннѣе всего,—далай-лама тибетскій отдаетъ англичанамъ солдатъ. А давно ли въ этихъ самыхъ англичанъ эти самые солдаты направляли свои допотопныя кремневая ружья?

Въ чемъ же сущность таинственной власти имперіи надъ милліонами человѣческихъ душъ, которыя вѣдь не подчинены ей нисколько, вольны поступать, какъ хотятъ? Канада, Австралія, Новая Зеландія совершенно отъ нея независимы, и если бы она потребовала у нихъ денегъ и войскъ, онѣ могли бы отказать ей наотрѣзъ. Безъ соизволенія народовъ, живущихъ въ колоніяхъ, безъ согласія колониальныхъ парламентовъ Англія пылинки не можетъ тронуть въ своихъ заокеанскихъ владѣніяхъ.

Но именно въ этомъ безвластїи Англіи и заключается вся ея власть. Если бы она вздумала привязать къ себѣ свои колоніи силой, тѣ тотчасъ же отпали бы отъ нея. Канада могла бы воспользоваться южно-африканской войной или нынѣшнимъ всемірнымъ пожаромъ, чтобы навѣки отложиться отъ Англіи, объявить себя новыми Соединенными Штатами, но именно это отсутствіе всякихъ цѣпей, прикручивающихъ ее къ метрополіи, и оказалось крѣпчайшею цѣпью, которой не разорвать никому.

Англія для колоній—источникъ свободы и правды. Она воплощаетъ для нихъ все лучшее, до чего достра-

Дѣйствіе ядовитыхъ газовъ на канадскія войска въ изображеніи
нѣмецкаго художника.

далось въ вѣкахъ челоувѣчество. Всѣмъ этимъ людямъ въ Тасманіи, въ Ньюфаундлендѣ, въ Новой Зеландіи мерещится крошечный островъ, отдѣленный отъ нихъ океанами, какъ нѣкое хранилище священнѣйшихъ цѣнностей, которыя преступно отдавать поруганію.

Конечно, это у нихъ не столько въ сознаніи, сколько въ инстинктѣ. Развѣ знаетъ желѣзо, почему оно влечется къ магниту? Я спросилъ у одного канадца: „Зачѣмъ вы пошли воевать?“ Онъ долго молчалъ, а потомъ насутился и отвѣтилъ: „Не знаю“. Потому что это стихійно, это выше сознанія, это такъ же не нуждается въ нашемъ сознаніи, какъ притяженіе земли. Челоувѣкъ не знаетъ, куда и зачѣмъ, а идетъ добровольно на смерть.

Зенитное орудіе за работсй.

АВІАЦІЯ.

I.

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТЪ.

Въ мартовское теплое туманное утро мы покинули нашъ старинный шато и поѣхали неизвѣстно куда.

Птицы свищутъ, голосятъ, заливаются. За туманомъ чувствуется солнце. Рядомъ съ шоферомъ англійскій полковникъ, сопровождающій нашу ватагу. Онъ глядитъ въ бумажку и твердитъ:

- Бэшмекоу.
- Чукаускій.
- Йегороу.

Бѣдняга зазубриваетъ наши фамиліи. Онъ долженъ представлять насъ начальству, разнымъ генераламъ и сановникамъ, и каждую свободную минуту проводить

за свою бумажкой. Иногда онъ тревожно поворачивается къ намъ и спрашиваетъ, напримѣръ, у Башмакова: „Вы Чуковскій?“. Или у Егорова: „Вы Башмаковъ?“. И снова погружается въ бумажку.

Дѣло его безнадежное, но онъ не теряетъ надежды.

Деревья бѣгутъ и бѣгутъ. Автомобиль убаюкиваетъ. Ласковъ весенній воздухъ во Франціи, яркъ изумрудный пушокъ на ея пріятныхъ поляхъ. Я не вѣрю, что мы въ двухъ шагахъ отъ войны, и что всѣ эти граціозные мальчишки, которыхъ мы встрѣчаемъ по дорогѣ, которые такъ мило маршируютъ и такъ по-дѣтски улыбаются намъ, идутъ убивать и умирать. Какія у нихъ деликатныя лица. Словно это не солдаты, а студенты-первокурсники. Щеки у нихъ преувеличенно-розовыя, кожа дѣвически-тонкая. Тщетно иные изъ нихъ стараются скрыть свою дѣтскость подъ маскою угрюмой солидности,—это придаетъ имъ еще больше ребячливости. И даже стальные шлемы, притянутые ремнями къ ихъ ранцамъ, и противогазовыя маски у пояса кажутся не настоящими, игрушечными. И такія не военныя тѣ тросточки, съ которыми шагаютъ офицеры.

— Куда они идутъ?

— На передовыя позиціи.

Съ тросточками на передовыя позиціи! Но это давняя традиція у британскихъ воеводъ: итти въ бой съ легкомысленной тросточкой.

Справа и слѣва—картины Миллэ: француженки копаютъ лопатами пашню; вѣтеръ весело треплетъ ихъ волосы. Старички, иконописные, кроткіе, чистенькіе, трогательно починяютъ дорогу трясущимися жилистыми ручками.

Но вотъ автомобили останавливаются: что-то мы увидимъ сейчасъ? Каждый день для насъ готовы сюрпризы. Вчера мы остановились такъ же внезапно и вскорѣ оказались въ траншеяхъ, среди перепачканныхъ молчаливыхъ солдатъ, въ самомъ первомъ ряду, гдѣ офицеры шопотомъ просили насъ: „Тише, а то нѣмцы услышатъ“.

Типы британских солдатъ.

гдѣ всюду красовались веселыя надписи: „Не высовывай головы: убьютъ“, „Если не хочешь потерять свою голову, спрячь ее скорѣе подъ-мышку“, гдѣ всякая поганая яма, залитая весенней жижей, называлась „хрустальнымъ дворцомъ“, „венеціанскимъ палаццо“, и проч.

Траншеи вырыты французскими шахтерами (до войны здѣсь были угольные копи), но англичане смѣнили французовъ, чтобы тѣ поспѣшили къ Вердену, и вотъ, черные отъ угольной пыли, сидятъ въ этихъ „хрустальныхъ дворцахъ“ и ежедневно своими тѣлами питаютъ французскія кладбища.

А на-дняхъ мы посѣтили святую обитель, тихій женскій монастырекъ, идиллическій, превращенный въ школу пулеметной пальбы. Въ тихой трапезной мирныхъ монахинь фельдфебели выкрикивали „пли“, и на стѣнахъ, вмѣсто священныхъ картинъ, висѣли чертежи митральезъ. Но на цвѣтныхъ стеклахъ попрежнему сверкали слова „Рах“ и „Caritas“ и въ подвалѣ, гдѣ сложены смертоносные гочкисы, я увидѣлъ на гвоздикѣ четки.

.....

II.

МОЙ ПОЛЕТЪ.

Теперь мы остановились у какого-то поля, и навстрѣчу намъ заторопился офицеръ, высокій англичанинъ съ моноклемъ. Полковникъ отчаянно смотритъ въ бумажку, готовясь называть наши фамиліи, но вдругъ незнакомецъ говоритъ мнѣ по-русски:

— Пожалуйте, здравствуйте!

Это былъ первый сюрпризъ. Имя офицера Морисъ Бэрингъ; онъ—извѣстный англійскій писатель, съ которымъ я давно уже хотѣлъ познакомиться. Его книги о Россіи, о русской словесности создали ему въ Англій прочную славу и въ Россіи завербовали немало друзей. Я нечаянно заговорилъ съ нимъ по-англійски.

— Нѣтъ, пожалуйста, говорите по-русски. Давно ужъ я не слышалъ русской рѣчи. Что русская литература теперь? Меня такъ поглотила война, что скоро я, кажется, забуду читать и писать.

— А гдѣ вы научились по-русски?

— Въ Стокгольмѣ... у церковнаго дьячка.

— Чѣмъ же васъ поглотила война?

— А вотъ... смотрите.

И онъ указалъ на сараи, откуда какіе-то люди выводили, какъ жеребцовъ изъ конюшенъ, одинъ аэропланъ за другимъ.

— Уже больше года я ничего, кромѣ аэроплановъ, не вижу.

Воздушныя машины на мартовской травкѣ кажутся нарядными и праздничными. Возлѣ нихъ гордые, очень красивые летчики. (И почему это летчики всюду такіе красавцы? Слово особая раса людей, лучшихъ въ мѣрѣ, отборныхъ,—будущихъ).

— Нельзя ли полетать?—говорю я.

— Пожалуйста.

И вотъ послѣ недолгихъ хлопотъ на меня напяливаютъ неуклюжую куртку, кожаныя желтыя брюки и теплую шапку съ наушниками. Мнѣ весело, хочется лѣтъ и мальчишествовать. Я никогда не леталъ; панически боюсь высоты; на высокихъ балконахъ и лѣстницахъ прямо-таки умираю отъ страха и однажды, увидѣвъ на колокольнѣ красильщика, въ ужасѣ пригнулся

Морисъ Бэрингъ, известный англійскій писатель, знатокъ русской литературы и жизни.

къ мостовой да такъ и прокоченѣлъ минуты двѣ. Почему же въ этой хрупкой коробочкѣ я чувствую себя такъ мажорно и лихо? Въ стукѣ пропеллера есть восторгъ и экстазъ, и обѣтованіе какой-то свободы, о которой мы тоскуемъ всю жизнь...

Мой воздушный кучеръ садится сзади меня, мы несемся по зеленой лужайкѣ, подпрыгиваемъ на кочкахъ и вдругъ, блаженно замирая, воспаряемъ! Это ощущение восхитительное: словно тусклое, опостылѣвшее твое естество ты покидаешь внизу, на землѣ, какъ грязную и рваную одежду, а здѣсь ты новый, очень легкой, ничѣмъ не опутанный. „Прощайте, людишки, я вырвался изъ вашей міровой чепухи!“—такъ и поется въ душѣ, и все житейское кажется такимъ пустякомъ, о которомъ не стоить и думать.

Смотришь свысока, какъ на игрушечные, на розовые кубики домиковъ, на чистенькій паркетикъ полей, исчерченный паутинными тропами, по которымъ съ забавной медленностью ползутъ автомобильчики-букашки, и радуешься, что ты далеко и съ каждой минутой все дальше. Мы взмыли на большую высоту, нашу бонбоньерку качаетъ, я кричу какіе-то стихи,—благо, ихъ не слышитъ никто,—и мнѣ весело, что впереди стрекозой порхаетъ по поднебесью Егоровъ.

Тамъ, внизу, въ какомъ-то прудѣ или озерѣ мглисто отражается солнце. Меня охватываетъ странное чувство благоговѣйной подобострастной влюбленности въ сидящаго сзади пилота, который,—одинъ во всемъ мірѣ!—дѣлать сейчасъ со мной судьбу, у котораго въ рукахъ моя жизнь и смерть. Говорятъ, что иные больные чувствуютъ передъ операцией такую же нѣжность къ хирургу.

Но вотъ насъ накренило, какъ яхту, отъ внезапно налетѣвшаго вѣтра, и я такъ сильно вцѣпился отъ страха въ желѣзные какіе-то брусья, что они впились мнѣ въ ладони.

Мажорная музыка прекратилась во мнѣ, все словно потухло и поблекло.

Впрочемъ, вотъ и земля, вотъ и наша поляна, снова мы бѣшено мчимся по кочкамъ,—и стоп! Какъ трудно выпутываться изъ авіаторскихъ полярныхъ штановъ! Спустившись на землю, я чувствую себя, какъ уцѣлѣвшій послѣ опасной операціи больной: преувеличенно жму руки Морису Бэрингу, милому капитану Скэлу, полковнику, Башмакову—всѣмъ!

III.

МАШИНЫ И ЛЮДИ.

Теперь, во время войны, не совсѣмъ безопасно хвататься на аэропланѣ за что придется.

Вы схватитесь, на примѣръ, за веревочку, которая болтается у васъ передъ носомъ, и вдругъ выстрѣлить прикрѣпленная у васъ надъ головой митральеза. Веревочка соединена съ ея куркомъ. Орудія теперь помещаются на крышѣ аппарата, наверху, а тотъ, кто стрѣляетъ, сидитъ подъ крышей, внизу, и, стрѣляя, не видитъ своего пулемета. Цѣлится же онъ, глядя на маленькій крестикъ, нарисованный передъ нимъ на стеклѣ.

Не вздумайте также хвататься за тотъ небольшой рычажокъ, который торчитъ слѣва, снаружи, а не то съ вашего аппарата сейчасъ же упадетъ на землю бомба и причинитъ тамъ, внизу, неприятность. Къ рычажку прикрѣплено нѣсколько бомбъ, похожихъ по цвѣту и по формѣ на рыбу.

Когда мы спустились внизъ и сняли съ себя тяжкія одежды, намъ пошли показывать аэропланы, т.-е. не аэропланы, а то новое, сказочное, что зовется этимъ именемъ теперь.

Война мощно двинула авіацію впередъ.

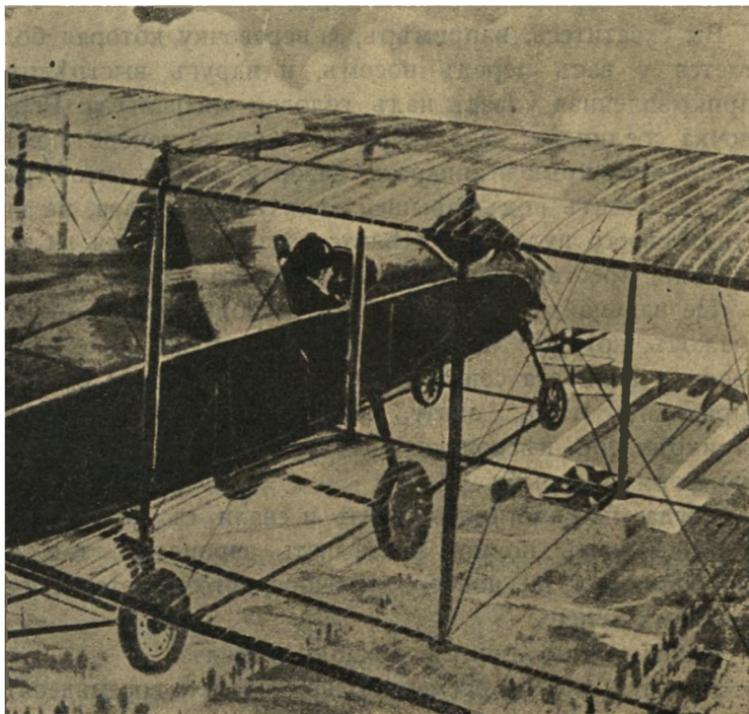
Кажется, что со временъ Влеріо прошло восемьдесятъ лѣтъ, а не восемь.

Прежнія машины рядомъ съ новыми кажутся архаической древностью.

Если бы Вильбору Райту показать какой-нибудь но-

вѣйшій бипланъ, изготовленный нынѣшней зимою во Франціи, онъ не призналъ бы его и за самаго дальняго родственника тѣхъ первоначальныхъ крылатыхъ машинъ, которыя одухотворены его гениемъ.

Вотъ цѣлая крѣпость на крыльяхъ, летающей Верденъ, весь въ бронѣ, съ прожекторами, артиллеріей и бойницами. Вотъ юркій летунокъ, лилипутъ. Вотъ машина, у которой пропеллеръ не сзади, не спереди, а посерединѣ, внутри, чтобы можно было стрѣлять во всѣ стороны. Вотъ огромная летучая мышь съ цѣлой башней на перепончатыхъ крыльяхъ.

Аэропланъ-невидимка съ прозрачными крыльями изъ новозобрѣтеннаго вещества селлона. Эти крылья дѣлаютъ аэропланъ невидимымъ на высотѣ 6.000 футовъ.

— Приготовлено-таки гостинцевъ для Вильгельма!— восхищался французъ-авіаторъ, съ которымъ я черезъ нѣсколько дней леталъ надъ предмѣстьемъ Парижа.— Пусть прилетаютъ теперь цеппелины,—ни одинъ не вернется назадъ.

Ежедневно англійскіе летчики совершаютъ тѣ же неизмѣнные рейсы,—словно трамваи на Невскомъ,—подъ нѣмецкія гранаты и обратно, чтобы изслѣдовать въ тысячный разъ заново позиціи врага: не произошло ли тамъ какихъ перемѣнъ, не подоспѣли ли туда свѣжія силы, подготовляющія внезапный наскокъ.

Нѣмцы высылаютъ имъ навстрѣчу своихъ авіаторовъ, стрѣляютъ въ нихъ снизу изъ пушекъ, и не разъ случалось, что обратно въ свой лагерь человекъ прилеталъ окровавленный и черезъ нѣсколько минутъ умиралъ. Такъ, напримѣръ, умеръ лейтенантъ Родсъ Мургаузъ, который только и успѣлъ сдѣлать рапортъ своему генералу и, не сходя съ аэроплана, скончался.

Баснословные, невѣроятные люди! Съ гордостью вспоминаютъ они молодого Вернфорда, изумительнаго, который атаковалъ цеппелинъ, возвращающійся съ набѣга на Фландрію, бросилъ въ него нѣсколько бомбъ, и когда цеппелинъ взорвался, самъ былъ силою взрыва отброшенъ, какъ щепка, прочь. Пролетѣлъ внизъ головой въ перевернутомъ аэропланѣ надъ позиціями нѣмцевъ и, спустившись на минутку въ ихъ лагерь, снова упорхнулъ къ англичанамъ.

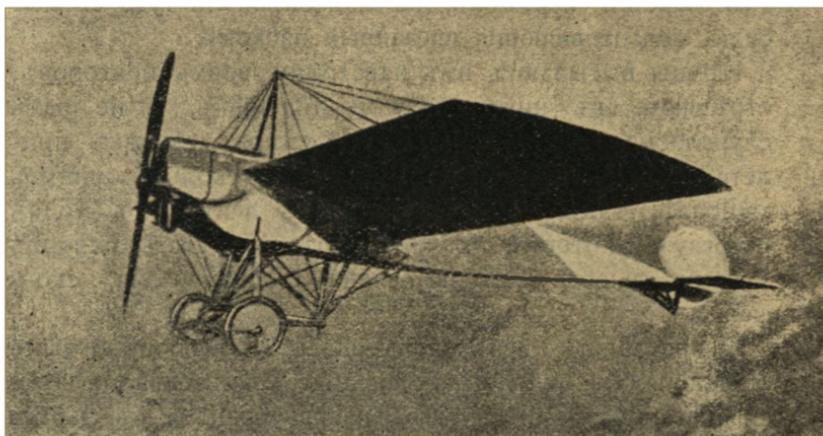
Король наградилъ его крестомъ Викторіи, въ Лондонѣ приготовили ему триумфальную встрѣчу, но онъ на третій день послѣ подвига изъ-за какой-то нелѣпой случайности разбился подъ Парижемъ на-смерть.

„И всѣ они такіе, — думалъ я. — У нихъ стальныя орлиныя лица—воплощеніе воли, упорства и геніальнаго англо-саксонскаго мужества, идеаль англо-саксонской красоты. Какъ застѣнчиво они улыбаются дѣтскими своими глазами! Но застѣнчивость ихъ гордая, высокомѣрная,

аристократически-строгая, — отдѣляющая ихъ, какъ стѣной, отъ всѣхъ остальныхъ людей“.

Какой-то незнакомый мужчина повелъ насъ изъ ангара въ ангаръ и солидно, по-профессорски истово разсказалъ преинтересныя вещи о той великой, неожиданной службѣ, которую сослужила союзникамъ въ эту войну авіація.

А я ходилъ за нимъ и записывалъ въ книжечку.

Нѣмецкій монопланъ фоккеръ.

Рама фоккеровъ стальная, трубчатая; это даетъ возможность примѣнить къ нимъ болѣе сильный моторъ, чѣмъ къ деревяннымъ моранамъ.

IV.

ВОЙНА И АВІАЦІЯ.

Вотъ что я успѣлъ записать:

— Къ необыкновенному разнообразію формъ привела эта война аэропланы, ибо она задала имъ столько разнообразныхъ несхожихъ задачъ. Прежній аэропланъ былъ готовъ на все: и бомбы бросать, и стрѣлять, и руководить артиллерійскимъ огнемъ; теперь же у каждого

своя специальность, и тотъ, который хорошъ для одной, совершенно непригоденъ для другой.

Универсальные аэропланы исчезли и, соответственно своимъ специальностямъ, разбились на четыре разряда:

- 1) аэропланы-развѣдчики;
- 2) бомбометатели;
- 3) руководители орудійной пальбы, и
- 4) аэропланы-бойцы.

Незнакомецъ повелъ насъ по полю и познакомилъ со всѣми четырьмя разновидностями летательныхъ военныхъ машинъ.

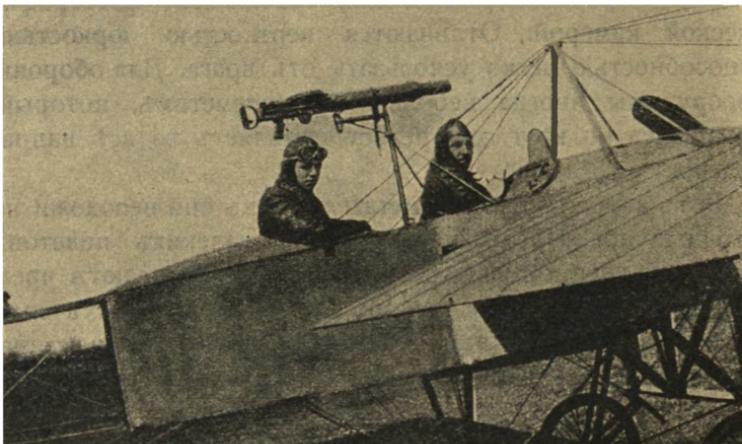
Вотъ аэропланы-развѣдчики, снабженные фотографической камерой. Отличаются верткостью, юркостью, способностью легко ускользать отъ врага. Для обороны вооружены иногда небольшимъ пулеметомъ, который, вращаясь по круглому рельсу, стрѣляетъ во всѣ направленія.

Вотъ аэропланы-бомбометатели. Какъ они непохожи на предыдущіе! Предназначенные для далекихъ полетовъ въ глубь непріятельскихъ странъ, они обладаютъ чрезвычайно мощными моторами, въ 200 лошадиныхъ силъ и больше. Оружія при себѣ не имѣютъ, такъ какъ находятся всегда подъ конвоемъ специально боевыхъ аэроплановъ. Налеты дѣлаютъ цѣлыми стаями, иногда въ пятьдесятъ аппаратовъ, при чемъ выстраиваются клиномъ, какъ дикія утки. Это—аэропланы тяжелые, неповоротливые, съ большой грузоподъемностью, аэропланы ломовики, битюги. Лучшіе—французской системы Кодронъ, забирающіеся страшно высоко, чтобы не попасть подъ обстрѣлъ, до 14.000 футовъ и больше, куда не можетъ досягнуть ни одинъ нѣмецкій аппаратъ. Съ земли ихъ почти не видать. Эти аэропланы бываютъ очень объемисты, съ крыльями въ 70 футовъ и больше.

Нѣмцы почти не совершаютъ аэропланннхъ атакъ, а союзники не разъ предпринимали набѣги на Остенде, Карлсруэ, Зеебрюгге и Мець.

Мы переходимъ къ сосѣднимъ ангарамъ. Вотъ аэро-

планы-споттеры, регулирующие пальбу артиллерии. Они очень медленные, их идеаль — неподвижность. Снабжены беспроволочным телеграфомъ. Вооружения не имѣютъ никакого и потому требуютъ, какъ и бомбометатели, спеціального боевого конвоя. Въ этой области германцы обнаружили немало сноровки и ловкости, но все же преимущество и здѣсь находится на сторонѣ англо-французовъ, у которыхъ споттеровъ впятеро больше. Французская артиллерія въ бояхъ подъ Верденомъ пользуется споттерами впятеро чаще, чѣмъ артиллерія врага.

Французскій боевой аппаратъ.

Копечно, ни одинъ изъ новѣйшихъ аппаратовъ, видѣнныхъ нами на боевыхъ позиціяхъ, не можетъ быть изображенъ въ этой книжкѣ.

Наконецъ, четвертый разрядъ — спеціально боевыя машины. Быстрыя, одномѣстныя, вооруженныя митральезами Льюиса, онѣ чаще всего служатъ конвоемъ для остальныхъ машинъ. При случаѣ не увильнуть отъ поединка. У нѣмцевъ въ этой области прославились фоккеры, изготовленные голландскимъ инструкторомъ Фоккеромъ по образцу французскихъ аэроплановъ Моранъ. Вначалѣ фоккеры внесли большое смятеніе, но вскорѣ

союзники освоились съ ними и приспособили къ нимъ свои аппараты. Трудно учесть, сколько фоккеровъ сбили на своемъ вѣку такіе несравненные французскіе летчики, какъ Гюинмеръ и Наварръ.

Публика неправильно думаетъ, что въ военной авіаціи самое главное, это—схватка съ противникомъ въ воздухѣ, эффектная дуэль въ облакахъ. Все это—второстепенное дѣло. Точно также бросаніе бомбъ не считается главнѣйшей за-

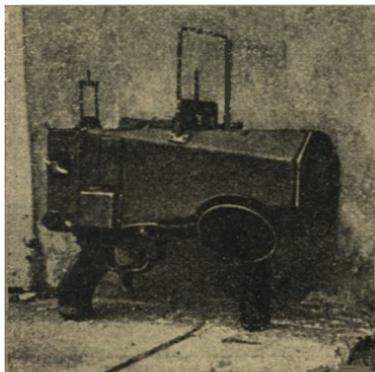

Нѣмецкая аэропланная фотографическая камера.—Французскій авіаторъ Жанъ Наварръ, который сбилъ около 20 вѣмецкихъ аэроплановъ, нашелъ на одномъ изъ нихъ, близъ Суассона, новый типъ аэропланной фотографической камеры, въ видѣ большого пистолета, съ пистолетной рукояткой и пистолетнымъ куркомъ. Авіатору остается только прицѣлиться и спустить курокъ. Длина камеры—60 сантиметровъ. Французы дѣлали ею снимки съ высоты 6.000 футовъ, получались отчетливые и ясные негативы.

дачей. Самое главное и самое трудное, къ чему и направлена вся авіація на французско-англійскомъ фронтѣ, это—фотографическіе снимки съ расположенія врага. Авіаторъ-фотографъ—вотъ главный герой авіаціи. И больше всякихъ бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплана на позиціи, непріятель боится того невиннаго безобиднаго кодака, которымъ нацѣлился въ него авіаторъ. И часто

для того, чтобы этот фотографъ могъ заниматься своей фотографіей, и совершаютъ свои невѣроятные подвиги авіаторы-бойцы, пулеметчики, служащіе имъ охраной и стражей.

Въ штабѣ при главной квартирѣ намъ показали десятки и сотни этихъ аэрофотографическихъ снимковъ. Они изумили меня больше всего, что я видѣлъ на войнѣ. Каждый вершочекъ нѣмецкихъ траншей, каждая солдатская пуговица передъ вашими глазами такъ явственно, словно вы сами—нѣмецкій солдатъ. Все тайное становится

Нѣмецкая аэропланная фотографическая камера въ видѣ пистолета.

явнымъ. Посмотрите въ лупу, въ стереоскопъ,—вы увидите каждый бугорокъ на поляхъ, каждую колею на дорогѣ. Всѣ снимки склеиваются рядышкомъ на широкомъ картонѣ, покрываются географической сѣткой и перечеркиваются при помощи хитроумныхъ приборовъ учеными специалистами-картографами, такъ что получается такая подробная карта, о какой еще годъ назадъ ни одинъ штабъ не могъ мечтать.

Прежде дѣлали дилетантскіе снимки, теперь же все систематично, методично, научно. У cadaго летчика есть свой спеціальныи, заранѣе намѣченный участокъ германскихъ позицій, и онъ снимаетъ его почти ежедневно. Онъ знаетъ его лучше, чѣмъ свой. Что это тамъ на тропинкѣ появились какія-то бревна? Это, конечно,—шпалы для узкоколейной дороги. А тутъ почему ни съ того ни съ сего выросла какая-то роща? Ясно, что это—прикрытіе для новопривезенныхъ батарей. Вы разгуливаете по вражьиъ полямъ, какъ по своей собственной комнатѣ.

Фотографія съ аэроплана, показывающая всѣ зигзаги и развѣтвленія нѣмецкихъ траншей и дающая безцѣпный сѣдѣніа англо-французамъ о расположеніи непріятельскихъ войскъ. На этомъ удивительномъ снимкѣ запечатлѣнъ тотъ моментъ, когда снаряды артиллеріи нашихъ союзниковъ разрываются въ германскихъ окопахъ.

Аппаратъ для фотографій очень длинный. Это узкій расширяющійся книзу ящикъ, вдѣланный въ полъ аэроплана. Подъ самыми ногами авіатора прорѣзано квадратное отверстіе, куда и вставляется ящикъ.

Битва въ воздухѣ.

V.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ.

Черезъ нѣсколько дней,—уже въ Бельгiи,—мы видѣли бой въ облакахъ.

Мы стояли на зеленомъ холмѣ у старинной фламандской мельницы.

Теплый вѣтеръ доносилъ къ намъ музыку: серебряныя ирландскія трубы и жужжащія волынки шотландцевъ. Странно было бы не играть въ этотъ день, словно созданный для праздничныхъ оркестровъ: по дорогѣ мы слышали жаворонковъ и видѣли персиковыя деревья въ цвѣту. Мы видѣли, какъ столѣтнія старухи-фламандки отогрѣваютъ свои мощи на солнышкѣ, сидя неподвижно у столѣтнихъ пороговъ. Все было идиллично и мирно, даже тѣ бѣлыя облачка, которыя, словно тоже подъ музыку, кружатся вокругъ аэроплановъ, поблескивающихъ въ небѣ серебромъ.

Эти облачка—дымки отъ нѣмецкой шрапнели, преслѣдующей англійскихъ летчиковъ. Изъ каждаго, чуть появляется оно въ небесахъ, вылетаетъ короткая молнiя, впрочемъ, тоже нестрашная, мирная.

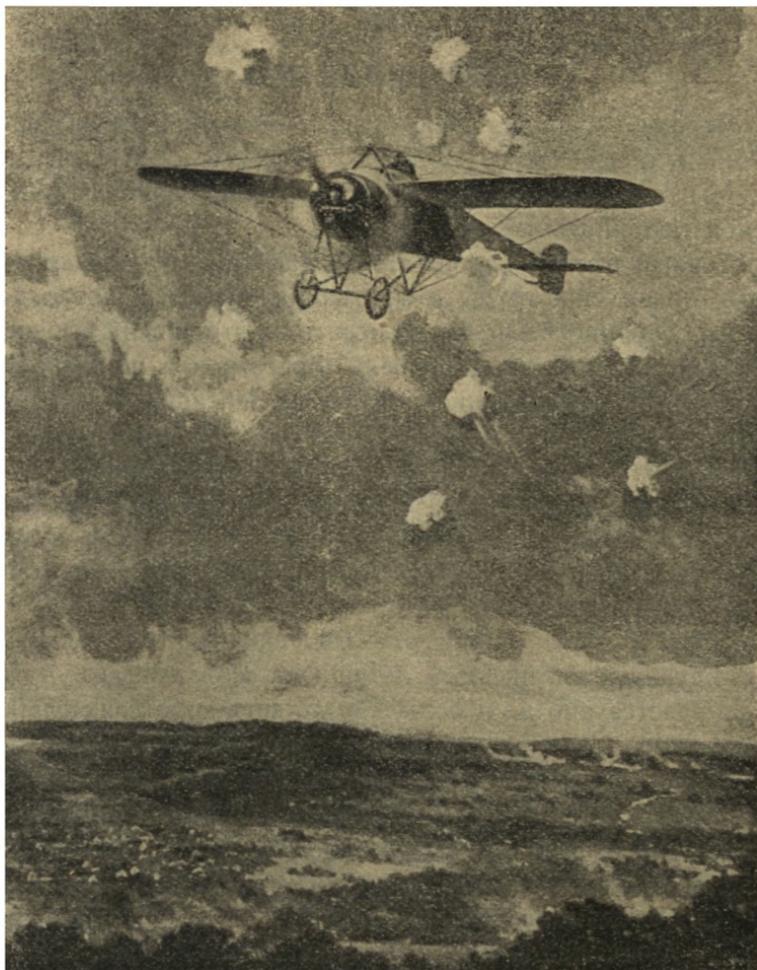
Меня охватываетъ азартъ и какая-то материнская нѣжность къ этимъ безтрепетнымъ мальчикамъ, которые превосходятъ своей смѣлостью все, что я читалъ въ волшебнѣйшихъ сказкахъ.

Отъ волненiя я сажусь на траву.

— Арчибальдъ—штука нестрашная. Они взовьются выше, вотъ и все,—утѣшаетъ меня офицеръ.

Арчибальдомъ англичане прозвали Anti-aircraft gun,—орудiе противъ воздушнаго флота. Дѣйствительно, я скоро замѣчаю, какъ аэропланы круто поднимаются вверхъ, но со своихъ позицiй не сходятъ.

Внизу, въ долинѣ подъ солнцемъ нечасто и тоже празднично, какъ будто салютуя, громяхаютъ орудiя. Мы видимъ ихъ бѣлые дымы. Къ намъ подходитъ

Пальба по аэроплану изъ зенитныхъ орудій. Послѣ каждаго выстрѣла въ небѣ долго остается дымокъ, чтобы артиллеристы могли регулировать стрѣльбу.

часовой и предлагаетъ спуститься ниже, ибо наши силуэты на верхушкѣ холма могутъ быть видны не-приятелю.

«Арчибалд» — зенитное орудие. Орудие устанавливается на бронированном автомобиле, чтобы поспевать за врагом.

За это время на небѣ произошла перемѣна. Откуда-то взялся нѣмецъ и врѣзался въ англійскую стаю. За нимъ другой, третій.

— Фоккеры!—сказаль офицеръ.

У меня былъ плохой бинокль, такъ что трудно было разобрать, гдѣ нѣмецкіе аэропланы, а гдѣ англійскіе.

Я видѣлъ, какъ они обмѣнялись безшумными короткими молніями, и вдругъ одинъ,—неизвѣстно, какой,—кувыркнулся и кинулся на землю, какъ камень; мое сердце полетѣло вслѣдъ за нимъ, я взволновался до обморока, но черезъ минуту, къ изумленію, увидѣлъ, что, не долетѣвъ до земли, аэропланъ на всемъ лету задержался и спокойно продолжалъ свой путь.

За нимъ закувыркались другіе.

Это былъ просто маневръ, чтобы уйти отъ погони. Но вмѣсто того, чтобы вернуться назадъ, англичане упрямо полетѣли впередъ подъ обстрѣлъ нѣмецкихъ арчибальдовъ.

И только когда откуда-то снизу полетѣла къ нимъ сигнальная ракета,—такая странная днемъ подъ солнцемъ,—они повернули домой.

АВСТРАЛІЙЦЫ.

I.

Александръ Александровичъ Башмаковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, порывисто протянулъ повару руку, а поваръ подалъ ему величаво два пальца.

Поваръ очень похожъ на Шаляпина: такой же царственно-спокойный, огромный. Чтò ему за дѣло до статскихъ совѣтниковъ!

Мы смотримъ на него и конфузимся; потомъ бросаемся на его вкусное варево и говоримъ, суетясь:

— Великолѣпно. Первокласно. Отлично.

А онъ улыбается равнодушно и милостиво: чтò ему за дѣло до нашихъ похвалъ.

Мы въ лагерь австралійскихъ солдатъ, только-что вернувшихся съ Галлиполи. Выйдя изъ поварни, я вскорѣ съ изумленіемъ увидѣлъ, что весь лагерь наполненъ Шаляпинами. Шаляпины играютъ въ чехарду, Шаляпины носятъ ведра, Шаляпины стоятъ на часахъ.

И впрямь они похожи на актеровъ: поступь гордая, фізіономіи бритыя и даже шляпы актерскія—широкополая, фетровыя. Небрежно повязанный шарфъ и худо-

жественныя складки шинелей довершаютъ это странное сходство.

Трудно повѣрить, что передъ нами солдаты самой трагической арміи, остатки тѣхъ австралійскихъ полковъ, которые вернулись съ Галлиполи. Отправляясь въ ихъ лагерь, я думалъ, что увижу обалдѣлую чернь со слѣдами катастрофы на лицахъ, а увидѣлъ безза-

ботныхъ красавцевъ съ тѣлами гладиаторовъ и глазами дѣтей.

Я почувствовалъ себя на минуту въ Австраліи. Не даромъ шляпы этихъ круглощекихъ господъ украшены изображеніемъ кенгуру и перьями австралійскаго страуса. Чуть только разыгралась война, они добровольно, безъ всякаго зова, кинулись на помощь старой Англіи, которой никогда не видали; вынесли всѣ ужасы галлиполійскихъ боевъ и болѣзней (а болѣзни были страшнѣе боевъ!) и теперь отдыхаютъ подъ Вульвичемъ, неподалеку отъ

Офицеръ австралійскаго войска.

Лондона, наканунѣ отплытія въ Египетъ, готовые къ новымъ боямъ.

— Австралія послужитъ Британіи до послѣдняго чело-
вѣка и до послѣдняго шиллинга!—заявилъ въ началѣ
войны лидеръ оппозиціи мистеръ Фишеръ, впоследствии
первый министръ заокеанской колоніи.

Этотъ Фишеръ шагаетъ теперь вмѣстѣ съ нами по

лужамъ промокшаго лагеря, а рядомъ—тяжеловѣсный, пунцовый, огромный сэръ Ньютонъ Муръ, генераль, начальникъ всѣхъ австраійскихъ частей, находящихся на отдыхѣ въ Англии.

Но лагерь не очень взволнованъ посѣщеніемъ столь важныхъ особъ. Начальство входитъ въ одинъ изъ бараконъ. Солдаты играютъ въ карты и... продолжаютъ играть. Не отрываются отъ своихъ трефъ и бубенъ. Генералы проходятъ вдоль лагеря, а солдаты наводятъ на нихъ свои кодаки и спокойно фотографируютъ ихъ. Мы входимъ съ солдатскій трактиръ (santeen). Поющій солдатъ продолжаетъ попрежнему орать свою полутрезвую пѣсню. Хоть бы съежился, засуетился, смутился. Станные, очень странные люди! Полковникъ подозвалъ къ себѣ сержанта, тотъ подошелъ такой свободной и неторопливой походкой, словно онъ королевичъ на сценѣ.

— Прекрасные солдаты!—говоритъ мнѣ полковникъ.— Но дисциплину понимаютъ по-своему. Никакъ, напримеръ, не привыкнуть отдавать офицерамъ честь. Спасибо и за то, что не хлопаютъ васъ по плечу. А то, бывало, въ началѣ войны подходитъ къ вамъ вотъ этакій дѣтина, улыбается во весь ротъ и кричитъ: „Галло, Гарри! How do you do?“, и протягиваетъ огромную лапшу.

Съ неба сыплется чортъ знаетъ чтò: не то дождь, не то снѣгъ. Лагерю не видно конца. Это цѣлый городъ деревянныхъ бараконъ, съ церковью, библиотекон, парикмахерскон и большимъ зубоврачебнымъ кабинетомъ. Въ кабинетѣ десятокъ дантистовъ и техниковъ вста-

Кокарда австраійскихъ солдатъ.

Кокарда ново-зеландскихъ солдатъ.

Солдатъ-австралиецъ.

вляють солдатамъ зубы, дѣлають имъ пломбы изъ золота.

Солдаты — богатѣйшій народъ. Самый простой рядовой получаетъ въ день по шести шиллинговъ, не считая подношеній и подарковъ. Многіе изъ нихъ—сыновья очень зажиточныхъ скваттеровъ. Есть банкиры, архитекторы, стряпчіе. Не нужно забывать, что они—изъ страны, гдѣ всякій батракъ зарабатываетъ больше, чѣмъ русскій чиновникъ; гдѣ у каждого крестьянина есть ванна; гдѣ кухарка получаетъ сто рублей. Когда эти солдаты стояли въ Египтѣ, они покупали ковры по 700, по 1.000 рублей, обѣдали

въ первоклассныхъ отеляхъ и ѣздили не иначе, какъ въ таксомоторахъ. Немало тонкихъ шелковыхъ шалей и шарфовъ послали они изъ Каира невѣстамъ.

Я всю жизнь собирался купить себѣ золотое перо, Fountain Pen, и не собрался до сихъ поръ. А вотъ у этихъ солдатъ, почти у каждого, выглядываетъ оно изъ кармана.

Здѣсь, въ Англіи, ихъ очень балуютъ, устраиваютъ имъ концерты и спектакли. Лорды приглашаютъ ихъ къ себѣ погостить. И правильно: столько нечеловѣческихъ тягостей выпало этимъ людямъ на долю тамъ, въ Лошинѣ Смерти—въ Анзакѣ, въ Габа-Тепѣ, что нельзя не баловать ихъ теперь. Вѣдь потеряла же ихъ первая бригада, въ одинъ только день, послѣ контръ-атакъ и атакъ, семьдесятъ пять процентовъ состава и всѣхъ, кромѣ одного, офицеровъ. Вѣдь бывали же случаи, что изъ двухъ тысячъ солдатъ, составляющихъ четыре бригады, они теряли двѣ тысячи триста, то-есть чуть не 115 процентовъ.

И вѣчно подъ пулями, безъ передышки, по девятнадцати, по двадцати недѣль, безъ надежды на отдыхъ въ резервѣ! А грязь, а лихорадка, а поносъ! А неотвязная, кусливая муха, которая порою хуже пули! А то кровавое воскресенье въ апрѣлѣ, когда эти люди кидались прямо изъ шлюпокъ въ воду безъ всякой команды, на собственный рискъ, бѣжали подъ пулями къ берегу, выгоняя турокъ штыками изъ каждой норы и дыры, захватывая съ разгона, съ налета одну турецкую траншею за другою, и шли противъ пушекъ на неприступныя кручи и падали безъ счета, окровавленные, ради Англии, которой никогда не видали!

II.

ЭНДРЬЮ ФИШЕРЪ.

Офицеры угостили насъ лэнчемъ на-славу, а мистеръ Фишеръ произнесъ въ нашу честь очень ласковую, забавную рѣчь.

Этотъ Фишеръ—человѣкъ замѣчательный.

Сынъ углекопа, онъ съ десятилѣтняго возраста работалъ въ шотландскихъ шахтахъ; возилъ вагонетки съ углемъ по такимъ узкимъ подземнымъ ходамъ, что стучался о потолокъ головой. Потомъ, когда онъ немного подросъ, онъ сдѣлался не то чтобы агитаторомъ, а все же безпокойнымъ человѣкомъ, и хозяева прогнали его. Онъ нигдѣ не могъ достать себѣ работы и былъ вынужденъ уѣхать въ Австралію, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ оказался первымъ министромъ, некоронованнымъ королемъ цѣлой части свѣта.

Теперь онъ полномочный представитель австралійской колоніи при великобританскомъ правительствѣ. Онъ—вольможа, важнѣйшій сановникъ, а простъ и доступенъ, какъ кондукторъ въ трамваѣ, и любой австралійскій солдатъ кажется рядомъ съ нимъ генераломъ. Бродя съ нимъ по лагерю и бесѣдуя съ нимъ, я долго не зналъ,

что онъ—Фишеръ, думалъ, что онъ—мелкій чиновникъ, служащій у Фишера въ Office'ѣ.

— Гдѣ же мистеръ Фишеръ?—спросилъ я его.

— Я мистеръ Фишеръ и есть,—просто отвѣтилъ онъ.

Потомъ помолчалъ и добавилъ:

— У насъ, въ Австраліи, не принято раскланиваться. Шляпы мы снимаемъ лишь передъ дамами, а знакомымъ только киваемъ чуть-чуть. Во время боя австралійскій солдатъ подчиняется приказу офицера, но послѣ боя они снова друзья...

Мистеръ Фишеръ—весь сѣдой, черноглазый. Роста средняго. Лицо незамѣтное. Встрѣтишь на улицѣ и не оглянешься. А, между тѣмъ, онъ—Петръ Великій Австраліи: одинъ изъ создателей австралійскаго флота,—самаго юнаго въ мірѣ. Если австралійскимъ „Сиднеемъ“ былъ потопленъ нѣмецкій „Эмденъ“, то здѣсь отчасти заслуга этого сѣдого человѣчка въ котелкѣ и потертомъ пальтишкѣ, прыгающаго сейчасъ черезъ лужи.

— Австралія послала на помощь метрополиі 200.000 добровольцевъ-солдатъ и черезъ 2—3 мѣсяца пошлетъ еще 100.000,—говоритъ мнѣ мистеръ Фишеръ, направляясь къ своему автомобилю.—Неудачи на Галлиполи насъ не смутили. Мы знаемъ, что Англія борется за торжество міровой демократіи, и этого для австралійцевъ достаточно. Правительству даже не приходилось печатать воззванія къ народу: добровольцы такъ и хлынули сами.

Намъ подали автомобили. Пора уѣзжать. Но развѣ можно такъ скоро разстаться съ этимъ фантастическимъ лагеремъ фантастически-свободныхъ людей, пришедшихъ изъ своей легендарной страны добровольно умереть за Европу, которой никогда не видали!

— Разрѣшите мнѣ не уѣзжать,—залепеталъ я передъ мистеромъ Фишеромъ.—Мнѣ нужно остаться здѣсь. Вы всѣ уѣзжайте, а меня оставьте, пожалуйста, съ солдатами безъ генераловъ, одного.

Мистеръ Фишеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, и вскорѣ я щагалью одиноко по грязнымъ улицамъ лагеря.

III.

ГЕРОЙ.

Ко мнѣ подошелъ молодой капитанъ, франтоватый, съ сигарой въ зубахъ, и, сказавъ, что онъ—здѣшній священникъ, повелъ меня осматривать церковь. Церковь очень милая, уютная, съ карманнымъ портативнымъ органчикомъ, но молящихся въ ней никого.

— Не заманишь ихъ сюда никакъ,—грустно говорилъ капитанъ.—Въ Бога они вѣрятъ, конечно, но до церквей не охотники. Я раздаю имъ брошюрки объ ангелахъ, о загробномъ блаженствѣ, но они предпочитаютъ романы о привидѣніяхъ и сыщикахъ... Въ глубинѣ-то души они набожны, но...

Я разсѣянно слушалъ его. Мнѣ хотѣлось поскорѣе пробраться въ отдаленный баракъ F 2, намѣченный мною заранѣе. Тамъ живетъ вмѣстѣ съ другими солдатами величайшее чудо всего австраійскаго лагеря—сказочный, удивительный Кизоръ, о которомъ я такъ много читалъ, портреты котораго видѣлъ въ витринахъ и на конфетныхъ коробкахъ, прославленный газетами Кизоръ... Но, Боже, неужели это онъ?

Маленькій, хилый, невзрачный, онъ мало похожъ на героя. Неужели это онъ пятьдесятъ часовъ кряду защищалъ товарищей отъ турецкихъ ручныхъ бомбъ, ловя ихъ и отбрасывая, словно дѣтскіе мячики, и, раненый, истекающій кровью, отказался отнравиться въ госпиталь, покуда не свалился безъ чувствъ!

Я вглядываюсь въ его немолодое лицо, въ длинную извилистую линію рта, и внезапно меня осѣняетъ:

— Послушайте: вы, вѣдь, еврей!

Онъ улыбается древней еврейской улыбкой. Лицо у него острое, морщинистое. Совершеннѣйшій одесситъ изъ экстерновъ! Относится къ себѣ то иронически, то съ большимъ почтеніемъ, торжественно.

— Да, мы — евреи, изъ Персіи. Но я родился англичаниномъ, въ Англіи, и родной мой языкъ—англіійскій.

— Разскажите что-нибудь о вашемъ... подвигѣ.

Онъ вяло качаетъ головой.

— Не надо. Я такъ часто разсказывалъ. Да и что я сдѣлалъ особеннаго? Другіе дѣлали больше. Ихъ только не видѣлъ никто, а меня случайно замѣтили.

— Почему вы вступили въ добровольцы?

— А почему мнѣ было не вступать въ добровольцы?— отвѣтилъ онъ еврейскимъ оборотомъ.

— Гдѣ же вашъ орденъ?

— А вотъ.

Онъ вынулъ изъ кармана желѣзную штучку—крестъ

Викторіи, рѣдчайшую въ мірѣ награду, которая выдается такъ скупю, за такіе чрезвычайные подвиги, что получившій ее дѣлается знаменитъ на всю Англію. Его принимаетъ во дворцѣ самъ король, газеты печатаютъ его біографію, въ музеѣ мадамъ Тюссо помѣщается его восковая фигура, и толпа при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ привѣтствуетъ его. Этотъ крестъ дается главнымъ образомъ тѣмъ, кто спасъ чужую жизнь

Рядовой Кизэръ спасаетъ товарищя, отбрасывая почти 50 часовъ враду турецкія бомбы обратю въ траншею врага.

передъ лицомъ непріятеля. Кизоръ именно это и сдѣлалъ. Въ полуофициальной книгѣ „Deeds that thrill the Empire“, изданной съ предисловіемъ лорда Дарби, о Кизорѣ напечатано слѣдующее:

„Однимъ изъ лучшихъ бомбометателей австралійскаго корпуса былъ рядовой Леонардъ Кизоръ. 7—8-го августа во время жестокаго боя въ юго-восточномъ углу лоньпайнскихъ траншей нашимъ солдатамъ, подъ напоромъ врага, пришлось временно покинуть траншеи, не давая однако туркамъ возможности проникнуть туда. Въ это время Кизоръ не только швырялъ въ непріятеля наши бомбы, но и успѣвалъ накрывать шинелью и мѣшками съ пескомъ тѣ бомбы, которыя бросали въ насъ враги. Иныя онъ ловилъ налету, не давая имъ возможности взорваться. Въ это время онъ дважды былъ раненъ, но въ лазаретъ итти не пожелалъ, а предложилъ свои услуги другой ротѣ, у которой всѣ бомбометатели были убиты. Въ общемъ, онъ почти непрерывно бросалъ эти бомбы въ теченіе 50-ти часовъ!“ (Part I, p. 12).

Къ описанію приложена картинка: Кизоръ, вдохновенный красавецъ-гигантъ, въ эффектнѣйшей позѣ Леонида Спартанскаго красуется въ огнѣ и дыму.

Я еще разъ посмотрѣлъ на него: маленькій, хилый, невзрачный.

— А каково на Галлиполи?

— Ничего. Только грязно. Не умываешься по цѣлымъ недѣлямъ. А въ морѣ купаться нельзя: турки палятъ по купающимся. Впрочемъ, мы не обращали вниманія.

Бесѣда происходитъ въ солдатскомъ клубѣ, въ Recreation Room, гдѣ солдаты пишутъ письма, читаютъ газеты и книги. Клубъ декорированъ флагами: австралійскими, французскими, русскими и сербскими.

Кизоръ захотѣлъ закурить.

— Спичку, пожалуйста,—сказалъ онъ вполголоса.

Нѣсколько коробочекъ протянулись къ нему.

IV. ВЪ ЛАГЕРЪ.

Но я заболтался съ Кизоромъ, а вокругъ такъ много интереснаго.

— Вы видите сербскій флагъ? → сказалъ мнѣ одинъ изъ Шаляпиныхъ.— Въ Австраліи мы теперь очень любимъ сербовъ и, когда стояли въ Каирѣ, устроили грандіозный балъ въ пользу сербскаго Краснаго Креста.

Вотъ до чего дожилъ міръ: австралийцы помогаютъ славянамъ въ Африкѣ, среди пирамидъ! Перепуталась вся географія.

Австралийцы.

— Мы не забываемъ и поляковъ, — говоритъ мнѣ тотъ же солдатъ и суетъ мнѣ газету, гдѣ значитъ, что изъ полутора милліоновъ рублей, которые собрала для поляковъ Великобританія, наибольшая доля денегъ пожертвована австралийскою колоніей *).

— А бельгийцамъ, — продолжаетъ солдатъ, — мы дали около десяти милліоновъ. Нашъ парламентъ отвалилъ сто тысячъ

*) См. „Sheffield Independent“, 24 March, 1916.

фунтовъ (больше милліона рублей), да городъ Сидней далъ столько-то тысячъ, да штатъ Викторія столько-то тысячъ... А сколько мороженой баранины... соленого коровьяго масла!..

Я слушаю солдата и волнуясь. Перепуталась вся географія. Ударили по Бѣлграду, а Сиднею больно. Обидѣли Польшу, ее утѣшаетъ Квинслендъ! Человѣчество и само не знало, какими оно связано связями. Вѣдь, эти сытые заокеанскіе фермеры могли бы сидѣть въ своихъ фермахъ, ѣсть свою любимую баранину, почитывать въ газетахъ о войнѣ, и кто могъ бы согнать ихъ оттуда въ Шрапнельную Долину, на Галлиполи — за 15.000 миль отъ ихъ фермъ!

Вѣдь Британская имперія не въ правѣ требовать у своей свободной колоніи ни единого солдата себѣ на подмогу! Вѣдь эта колонія давно уже стала республикой, самовластной, ни отъ кого не зависящей. Власть монархіи надъ нею лишь кажущаяся. Не даромъ англійскій министръ колоній написалъ въ одной книгѣ недавно:

„У насъ не было власти принудить какую-нибудь изъ нашихъ колоній дать намъ хоть одно пенни, прислать намъ хоть одного человѣка, и все же онѣ прислали намъ своихъ лучшихъ людей, отдали лучшее свое достояніе“. (Предисловіе Бонаръ-Лоу къ книгѣ „Canada in Flanders“).

Я снова пошелъ слоняться по лагерю. Темнѣло. Солдаты изъ грязнаго снѣга молча лѣпили Вильгельма.

— Куда вы запропали, идите скорѣе: черезъ четверть часа обѣдъ!—подбѣжалъ ко мнѣ молодой лейтенантъ.— Какъ жаль, что васъ не было въ 31-мъ баракѣ, я только-что боксировалъ съ рядовымъ Гендерсономъ.

— И кто кого?

— Конечно, онъ меня, — въ пять минутъ. Онъ вѣдь лучший боксеръ, чемпионъ.

Жаль, что мнѣ не удалось увидеть, какъ нижній чинъ, рядовой, мѣситъ кулаками офицера. Я захожу къ парикмахеру побриться передъ обѣдомъ. Парикмахеръ—тоже

солдатъ. Нужно ждать очереди, у него бездна кліентовъ. Отъ нечего дѣлать я завожу разговоръ.

— Ну, что, вамъ понравились турки?

— Очень,—отвѣчаютъ всѣ вразъ.—Настоящіе джентльмены, отличные.

И вскорѣ вся цырюльня дружнымъ хоромъ принимается восхвалять непріятеля: и ружья у него превосходныя, и онъ самъ молодець, не трусь, и съ плѣнными обращается ласково, и въ Красный Крестъ никогда не палитъ. Я думаю, Ахметъ удивился бы, если бы услышалъ, какъ хвалятъ его тѣ гяуры, съ которыми онъ такъ остервенѣло сражался.

— Это не то, что нѣмцы. Мы оставили имъ граммофоны.

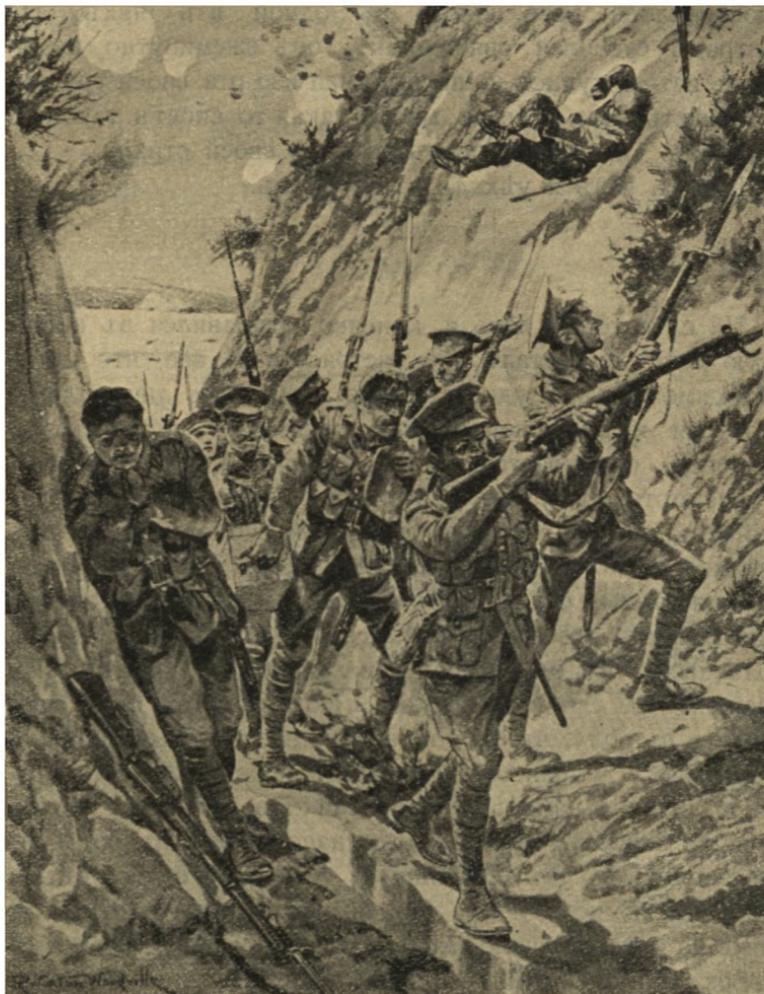
— Какіе граммофоны?

— Обыкновенные. Намъ изъ Англіи прислали граммофоны, и, когда мы покидали Галлиполи и сжигали всякую дрянь, мы не сожгли граммофоновъ. Оставили ихъ Ахмету съ запиской: „Дорогой Ахметъ, не печалься. Мы вскорѣ встрѣтимся опять. Вотъ тебѣ покуда граммофонъ“.

Солдаты гогочутъ, какъ гуси, а я иду къ офицерамъ обѣдать. Рядомъ со мной оказался генераль, докторъ Стюартъ, скромный рябой человекъ, съ пріятными усталыми глазами, который,—какъ я послѣ узналъ,—былъ раненъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій и все же проволочъ у себя на спинѣ подъ жестокимъ огнемъ другого такого же раненаго.

Послѣ обѣда состоялся солдатскій концертъ.

Пріѣхали изъ Лондона пѣвицы и простуженными голосами въ холодномъ сараѣ, на фонѣ краснаго австралийскаго флага, усѣяннаго рѣдкими звѣздами, прохрипѣли популярныя куплеты, гдѣ восхвалялись солдаты. Тѣ, привыкшіе къ такимъ комплиентамъ, благосклонно, но равнодушно внимали имъ. У каждаго въ зубахъ была трубка. Изъ рта пѣвицъ шелъ бѣлый паръ. Пѣсни были подбодряющія:

Австралийцы въ Дарданеллахъ.

Осыпавые турецкой пушнелю резервы третей австралийской бригады пробивали себѣ дорогу въ узкомъ оврагѣ, неся въ рукахъ запасы амуниціи. За каждымъ кустикомъ, въ каждой расщелинѣ скалы прятались турецкіе стрѣлки, и отряду приходилось пробивать себѣ путь подъ ежеминутнымъ огнемъ.

Улыбайтесь, ребята, улыбайтесь!
Smile, boys, smile! —

повторялось безъ конца въ одной изъ нихъ. На эстрадѣ суетился священникъ: онъ ежеминутно выходилъ изъ-за кулисъ и, не вынимая изо рта своей трубки, сообщалъ, что сейчасъ миссъ такая-то споетъ такой-то куплетъ. Онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи...

Черезъ часъ я уѣхалъ въ Лондонъ.

V.

На слѣдующій день я, конечно, отправился въ книжную лавку и досталъ объ австралійцахъ все, что могъ. Въ самомъ дѣлѣ удивительные люди. Ихъ дисциплина, которая мнѣ съ непривычки показалась недостаточно суровой, оказывается, выше похвалъ. Когда одно изъ транспортныхъ судовъ „Саутлендъ“, везшее 1.500 австралійцевъ, было взорвано нѣмецкой субмариной, и отъ взрыва погибли десятки солдатъ, и въ трюмы хлынули потоки воды, солдаты стояли, какъ статуи, каждый на указанномъ мѣстѣ, и, покуда не спустили въ лодки раненыхъ, ни одинъ не шевельнулся на палубѣ. По первому же слову командира нѣкоторые изъ нихъ бросились въ воду, чтобы поправить перевернутыя шлюпки. Когда всѣ усѣлись въ этихъ шлюпкахъ, командиръ спросилъ, не найдется ли охотниковъ вернуться на тонущій корабль, бывший уже наполовину въ водѣ, и доставить его въ ближайшую гавань. 6 офицеровъ и 17 солдатъ немедленно покинули шлюпки и отправились на почти вѣрную смерть. „Порядокъ былъ во всемъ сверхъестественный!“ — писалъ впоследствии одинъ капитанъ. Даже обувь они сняли по командѣ.

Такихъ случаевъ приводится немало. Вся высадка въ Галлиполи подъ пулеметнымъ огнемъ — чудо дисциплины и выдержки. Люди бросались по горло въ воду и падали, сраженные турецкими пулями, раньше, чѣмъ ступали на сушу, но за ними, какъ зерно изъ мѣшка,

сыпались все новые и новые — ритмически, ни разу не замѣшкавшись, и, мокрые, не передохнувъ ни минуты, кидались на неприступную гору, укрѣпленную покойнымъ фонъ-деръ-Гольцемъ.

Какъ жадно порывались они въ бой! Когда выяснилось, что изъ африканскаго лагеря отправится на Галлиполи только пѣхота, а кавалерія останется на мѣстѣ, всѣ кавалерійскія бригады, одна за другой, немедленно стали зачисляться въ пѣхоту, лишь бы ихъ послали въ огонь! Сержанты соглашались итти рядовыми, отказываясь отъ нашивокъ и денегъ.

Теперь Австралія съ избыткомъ пополнила убыль галлиполійскихъ полковъ. Къ іюню нынѣшняго года она обѣщала имперіи 300.000 великолѣпно вооруженныхъ солдатъ — и выполнила свое обѣщаніе. Теперь они во Франціи на одной изъ самыхъ опасныхъ позицій, уча-

Анзаки во Франціи.

ствують во многих бояхъ; между прочимъ, въ знаменитомъ захватѣ укрѣпленной деревни Позьеръ имъ принадлежитъ главная роль. Тамъ ихъ широкополая шляпы, по выраженію корреспондента „Morning Post“, „сдѣлались вѣнцами славы Великобританской имперіи“.

Для краткости я всюду называю этихъ солдатъ австралийцами, но не нужно забывать, что и новозеландцы съ самаго начала кампаніи раздѣляютъ съ ними боевые труды. Англичане, которымъ длинныя слова ненавистны, употребляютъ только первыя буквы ихъ длиннаго официальнаго названія: „Австралийскіе и Новозеландскіе армейскіе корпуса“, — образовавъ такимъ способомъ новое слово Анзакъ, обозначающее не только солдатъ этихъ двухъ великобританскихъ колоній, но и тотъ участокъ земли на Галлиполи, гдѣ высадились эти солдаты впервые.

ИРЛАНДЦЫ.

Мы были во Франціи, неподалеку отъ нѣмецкихъ позицій. Передъ нами, загораживая нашимъ автомобилямъ дорогу, прошла длинная колонна солдатъ.

— Что это у нихъ за зеленое знамя?

— Это — ирландскій флагъ. Видите, на немъ вышита золотая ирландская арфа.

Арфы я не рассмотрѣлъ, но подъ мартовскимъ солнцемъ, на фонѣ молоденькой травки, мнѣ понравилось это зеленое знамя, такое веселое, весеннее, буйное. Вѣтеръ трепалъ его въ разныя стороны, и, казалось, оно сейчасъ улетитъ.

— Куда эти солдаты идутъ?

— Должно-быть, въ церковь. Куда же имъ итти! На то они и ирландцы, чтобы ходить по церквамъ. Набожны, какъ богомолки. А если поблизости не случается церкви, бухаются на колѣни прямо въ грязь и молятся въ канавкахъ, гдѣ придется... Главные ихъ командиры — попы.

Это говоритъ офицеръ-англичанинъ. Безъ непріязни, благодушно, и смѣется. Онъ рассказываетъ, что ирландскіе патеры—истинные вдохновители ирландскихъ полковъ. Ихъ власть надъ католической паствой безмѣрна. Подъ ихъ вліяніемъ многіе солдаты-ирландцы смотрять,

Ирландскіе солдаты на молитвъ.

будто бы, на эту войну, какъ на крестовый походъ въ защиту католической Франціи и католической Бельгіи.

Ирландцевъ на позиціяхъ множество. Или это мнѣ такъ показалось? Куда ни пойдешь, ирландцы.— „Кто вы такіе?“ — спрашиваешь у встрѣчныхъ солдатъ.— „Королевскіе ирландскіе стрѣлки“. Черезъ часъ попадаютъ новые.— „А вы кто такіе?“ — „Ирландская гвардія“.

И это всюду, куда ни пойдешь. Вотъ сѣверная ирландская конница. Вотъ южная ирландская конница. Вотъ Мюнстерскій полкъ, который почему-то зовется „Грязныя Рубашки“ — „Dirty Shirts“, и т. д., и т. д. безъ конца.

И не только въ специально ирландскихъ полкахъ, но и среди ланкаширцевъ, шотландцевъ вы встрѣчаете уроженцевъ Ирландіи.

Иногда это выходило забавно:

— Смотрите, какой типичный шотландецъ! Такихъ только на картинкахъ рисуютъ! — воскликнулъ я, увидя въ шотландскомъ полку долговязаго дѣтину-шотландца, съ голыми колѣнями, въ туникъ.

Спросили у него, кто онъ такой, и онъ съ раскатистымъ ирландскимъ акцентомъ отвѣтилъ:

— Я—ирландецъ, изъ Дублина, сэръ!

Около 150 тысячъ ирландскихъ солдатъ разсѣяно во разнымъ англійскимъ полкамъ. Они вкраплены во всю британскую армію.

Я встрѣчался съ ними на каждомъ шагу, но, признаться, не слишкомъ въ нихъ всматривался, ибо кто же могъ предвидѣть тогда, что черезъ какой-нибудь мѣсяць они поднимутъ въ своей Типперери мятежь!

Только и запомнился мнѣ хорошенькій зеленый флажокъ, эмблема ихъ Изумруднаго Острова.

А нынче читаю въ газетахъ, что этотъ зеленый флажокъ они подняли въ Дублинѣ, въ знакъ мятежа, на революціонныхъ своихъ баррикадахъ.

Захвативъ надъ рѣкой какой-то пакгаузъ и превративъ его въ крѣпость, они развернули на крышѣ такое же зеленое знамя, такъ что англійскимъ войскамъ пришлось сбивать его изъ тяжелыхъ орудій.

Кому же служить это зеленое знамя? Намъ или нашимъ врагамъ? Или мнѣ померещились тѣ полки добровольцевъ-ирландцевъ, которые я видѣлъ въ англійскихъ окопахъ, въ огнѣ? Неужели эти люди—враги, доби- вающіеся германскихъ побѣдъ?

Конечно, это—идіотическій вздоръ.

У Англій изстари не было болѣе преданныхъ и вѣрныхъ солдатъ, чѣмъ ирландцы.

Сражаться за Англію—давняя ихъ спеціальность.

Не забудемъ, что съ помощью ирландскихъ полковъ англичанами завоевана Индія; что въ битвѣ подъ Ватерлоо ирландскіе стрѣлки (Inniskilling) потеряли больше солдатъ, чѣмъ всѣ другіе полки англичанъ; что во время южно-африканской кампаніи они проявили такую безпримѣрную лихость, что королева Викторія, желая наградить ихъ подвиги, сформировала изъ нихъ почетную ирландскую гвардію, — высшій знакъ монаршей благодарности!

Въ 1829 г. герцогъ Веллингтонъ сказалъ въ палатѣ лордовъ:

— Добрая половина тѣхъ войскъ, во главѣ коихъ я былъ поставленъ всемилостивѣйшей волей Монарха, состояла изъ католиковъ-ирландцевъ, и безъ ихъ крови, безъ ихъ героической доблести, побѣда (надъ Наполеономъ) не могла бы быть достигнута, и самый блестящій военный талантъ оказался бы совершенно безпомощнымъ*).

Въ нынѣшней всемірной войнѣ не было такого боя на Изерѣ, Узѣ и Марнѣ, гдѣ не пролилась бы ирландская кровь. Во Фландріи, во Франціи, на Галлиполи и на Балканахъ ирландцы, какъ и въ былые годы, добровольно умирали за Англію. Первый офицеръ, получившій въ эту войну высшую награду, — крестъ Викторіи, — не даромъ оказался ирландцемъ. Ирландцы — люди подвиговъ и жертвъ; они словно предназначены для военнаго дѣла. Замѣчательно, что англійскій фельдмаршалъ и англійскій военный министръ оба по происхожденію ирландцы: имперія въ такое труднѣйшее время ввѣрила управление своими миллионными арміями ирландцу Китченеру и ирландцу Френчу **).

Къ сожалѣнію, мы почти не знаемъ о тѣхъ драгоценныхъ услугахъ, которыя въ теченіе этой войны Ирландія многократно оказывала нашему общему дѣлу.

Многимъ ли извѣстно, напримѣръ, что въ арміи генерала Саррайля, задерживавшей болгаръ въ Македоніи, чтобы сербы могли ускользнуть изъ австро-болгарскихъ тисковъ, былъ двадцатитысячный ирландскій отрядъ.

Многіе ли знаютъ, что тамъ, на горныхъ хребтахъ у Дойранскаго озера, двѣ части ирландскихъ стрѣлковъ (Иннискиллинговъ), прикрывающихъ отступление союзниковъ, были начисто истреблены непріателемъ — всѣ до одного человѣка.

Многіе ли знаютъ, сколько было искалѣчено и убито ирландцевъ при высадкѣ на Галлиполи, на самомъ юж-

*) Hugh Law, M. P. „Why is Ireland at War?“

***) „General French and Adm. Jellicoe“, by A. Rae, p. 9.

номъ (опаснѣйшемъ) концѣ полуострова, когда вода была красной отъ крови и воздухъ кипѣлъ отъ пуль. Еще сидя въ лодкахъ, не доѣзжая до турецкаго берега, они были встрѣчены такимъ жестокимъ пулеметнымъ огнемъ, что изъ первыхъ трехъ ротъ, рискнувшихъ приблизиться къ берегу, не осталось ничего, кромѣ труповъ.

Лодки были полны мертвецами, въ морѣ копошились умирающіе, и страшно подумать, что чувствовалъ живой человѣкъ, придавленный тѣлами убитыхъ.

— Прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить что-нибудь, — рассказываетъ уцѣлѣвшій офицеръ, — я весь былъ заваленъ мертвыми. Не зная, что они мертвые, я кричалъ имъ, чтобъ они отодвинулись, потому что они придавили меня. Я весь былъ пропитанъ ихъ кровью, и когда съ меня сняли тѣхъ, которые лежали на мнѣ, оказалось, что всѣ они — трупы. Лодка была наполнена водою и кровью.

Таковъ былъ ирландскій десантъ на Галлиполи. И все же, когда мюнстерцамъ и дублинцамъ удалось добраться до берега, они тотчасъ же кинулись въ штыковую атаку вверхъ на прибрежныя скалы противъ проволочныхъ загражденій, пулеметовъ и бомбъ, и послѣ пятнадцатидневнаго непрерывнаго боя захватили турецкій поселокъ и фортъ, считавшійся дотолѣ неприступнымъ.

А десятая ирландская дивизія, высадившись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Сувлской бухтѣ, на сѣверѣ, захватила знаменитую „Шоколадную гору“ и три линіи турецкихъ окоповъ, въ безводной скалистой пустынѣ, во время невыносимыхъ жаровъ, подъ такимъ свирѣпымъ обстрѣломъ, что нѣкоторыя ихъ части, на примѣръ, дублинскіе „Pals“, были почти совсѣмъ уничтожены.

Правда, къ десятой дивизіи запоздали прійти подкрѣпленія, и она была принуждена отступить, но это не умаляетъ ея подвига. А сколько моряковъ ирландцевъ уже третій годъ охраняютъ имперію на британскихъ военныхъ судахъ from the Arctic to the Antarctic! Въдъ въ одномъ только Ютландскомъ сраженіи ихъ погибло около 300 человѣкъ.

Ирландскіе солдаты на позиціяхъ.

Обо всемъ этомъ и о тысячѣ подобныхъ вещей я узналъ лишь на-дняхъ, очень поздно, изъ интереснѣйшей англійской книжки, только-что полученной мною изъ Лондона: „Что сдѣлали ирландскіе полки“.

Книжка составлена мистеромъ Парнеллемъ Керромъ. Авторъ подробно прослѣживаетъ судьбы каждаго ирландскаго полка на каждомъ театрѣ войны. Онъ съ энтузіазмомъ рассказываетъ, какъ мюнстерцы во французскомъ городишкѣ Этре были отрѣзаны отъ главныхъ британскихъ силъ и, окруженные со всѣхъ сторонъ непріателемъ, оборонялись до послѣдняго патрона; какъ ирландская гвардія выбивала германцевъ штыками изъ французскаго городка Ландреси; какъ коннаутцы неподалеку отъ Марны защитили безоружныхъ англійскихъ саперовъ, на которыхъ неожиданно налетѣли пруссаки; какъ дублинцы, не испугавшись удушливыхъ газовъ, отстояли отъ нѣмецкаго нашествія Ипръ.

Этихъ исторій у него безъ конца. Вся его книга основана на официальныхъ, проверенныхъ данныхъ, на сообщеніяхъ англійскихъ штабовъ, на депешахъ главной британской

квартиры. Это не „военные рассказы“, а быль. И все же нѣкоторыя изображаемыя ею событія кажутся почти невѣроятными,—такъ много въ нихъ величаваго эпоса. Мнѣ особенно запомнилось, какъ въ началѣ войны, въ октябрѣ, молодая ирландская гвардія спасла англійскія войска отъ разгрома. Дѣло было неподалеку отъ Ипра, на Ипрскомъ каналѣ, у деревни Гелювельтъ, которую ирландскимъ гвардейцамъ было приказано удержать какой угодно цѣной, иначе Ипру—неминуемая гибель. 12 дней они были въ непрерывномъ огнѣ. Ихъ траншеи были взорваны минами, и когда, наконецъ, въ черную осеннюю ночь имъ пришлось отойти назадъ, они дали торжественную клятву другъ другу, что наутро либо прогонятъ германцевъ назадъ, либо всѣ до одного падутъ мертвыми. У нихъ погибло много офицеровъ, но оставшіеся собрали уцѣлѣвшихъ солдатъ и на разсвѣтѣ, бросившись въ штыковую атаку, выгнали врага изъ окоповъ.

Послѣ этого типично-ирландскаго подвига бригадный генералъ лордъ Каванъ писалъ въ приказѣ командиру геройскаго батальона гвардейцевъ:

„Передайте вашимъ людямъ, что, по моему убѣжденію, безопасность праваго фланга британскихъ позицій зависѣла всецѣло отъ нихъ. Тѣ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ, совершили великій историческій подвигъ, и я не въ силахъ отблагодарить ихъ, какъ слѣдуетъ, за то, что они такъ скоро воспрянули послѣ столь тяжкихъ потерь и показали германцамъ, что такое ирландская гвардія“.

Конечно, англичане никогда не забудутъ той братской помощи, которую въ эти тяжелые дни имъ оказали ирландцы, столь охотно отдававшіе жизнь за великое общее дѣло.

Въ послѣднемъ эпизодѣ мнѣ очень понравилась клятва на полѣ сраженія. Въ ней есть что-то театрално-эффектное. Безъ этого ирландцы не могутъ: они всегда немного театралны,—любители красивыхъ позъ и фразъ. Я не удивился бы, если бы эту великолѣпную клятву они

продекламировали въ звучныхъ стихахъ. Всѣ они — наполовину актеры и чувствуютъ себя въ бою, какъ на сценѣ. Достаточно имъ красиваго слова, чтобы вскипятилась ихъ кельтская кровь.

Ирландцы — прирожденные воители. Они не любятъ сидѣнія въ траншеяхъ, — они словно созданы для безоглядныхъ атакъ и наскоковъ. Имъ, какъ и французамъ, нужны на войнѣ яркія знамена, звонкія слова, красивые жесты, риторика батальныхъ рѣчей. Мнѣ показалась чрезвычайно типичной та наполеоновски-эффектная рѣчь, съ которой обратился къ коннаутскимъ „рэнджерамъ“ ихъ пламенный командирь-ирландецъ:

— Глаза всей Ирландіи смотрятъ на васъ! Я знаю, что вы не посрамите своей старой отчизны и не уступите германцамъ побѣды, покуда въ рукахъ у васъ — ружья, а въ грудяхъ — сердца. Впередъ! На враговъ! И если вы не разобьете ихъ вдребезги, не смѣйте смотреть мнѣ въ глаза ни на землѣ, ни на небѣ!

Безъ такихъ рѣчей и война — не война для ирландцевъ. Романтика — ихъ родная стихія. Конечно, передъ атакой они не позабыли помолиться Пречистой, чтобы Та не кинула ихъ бѣдныхъ сиротъ, буде имъ самимъ суждено быть убитыми. Никто не умѣетъ такъ картинно и живописно молиться, какъ эти патетическіе люди.

Послушайте, какъ ирландецъ рассказываетъ о какомъ-нибудь военномъ событіи, котораго онъ былъ очевидцемъ. Въ каждой фразѣ — гиперболы, ослѣпительно-яркія краски. Все этимъ людямъ рисуется въ пышныхъ, гомерическихъ формахъ. И сами они часто гомерическіе, какъ, напримѣръ, ихъ знаменитый герой Майкъ О’Лири, гвардеецъ-капраль, который одинъ-одинешенекъ (въ родѣ нашего Козьмы Крючкова) убилъ съ одного маху восьмерыхъ, а двоихъ умудрился взять въ плѣнъ и вернулся съ ними въ свой окопъ невредимымъ. Это не беллетристика, а официально зарегистрированный подвигъ, за который бурнопламенному кельту былъ выданъ ко ролемаъ крестъ Викторіи.

Всѣ ирландскіе подвиги отличаются такою сценичностью. Небезынтересно отмѣтить, что одинъ изъ ирландцевъ, рядовой Робертъ Морроу, за такой же живописный поступокъ былъ пожалованъ нашимъ солдатскимъ Георгіемъ.

Жаль, что въ книжкѣ мистера Керра не сказано объ юморѣ ирландскихъ солдатъ. Ирландцы — остроумнѣйшій народъ. Это опять-таки роднитъ ихъ съ французами. Если въ англійскомъ театрѣ существуютъ легкая комедія, фарсъ, водевиль, то все это безъ исключенія ирландское. Начиная съ великаго Гольдсмита и кончая Бернардомъ Шоу, всѣ авторы комедій — ирландцы. Могъ ли бы Оскаръ Уайльдъ написать свои безсмертно-веселыя пьесы, если бы онъ не былъ изъ Дублина!

Но эта сторона ирландскаго національнаго духа въ книжкѣ мистера Керра не отразилась никакъ.

Высадка ирландцевъ на Галлиполи.

АНГЛИЧАНЕ И СІОНСКАЯ ДРУЖИНА.

I.

Если бы Іуда Маккавей воскресъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ и внезапно очутился бы въ этомъ лагерѣ, онъ не замѣтилъ бы большихъ перемѣнъ.

Тѣ же знакомыя израильскія лица, та же библейская рѣчь и даже пѣсни тѣ самыя, которыя два тысячелѣтія назадъ онъ слышалъ среди такихъ же палатокъ.

Большинство офицеровъ — евреи. Солдаты — евреи сплошь, мелкіе ремесленники, лавочники. Но есть и профессоръ. Есть палестинскій раввинъ. Есть студенты — богословы, юристы и медики.

Откуда-то взялся и русскій солдатъ, георгіевскій кавалеръ, безъ руки. Его тотчасъ же произвели въ капитаны, и онъ началъ муштровать новобранцевъ, командуя по древне-еврейски.

Слова команды, конечно, тѣ самыя, что были и при братьяхъ Маккавеехъ.

Міръ отвыкъ отъ еврейскаго воинства. Вотъ уже двадцать вѣковъ мы не видѣли ратей Израиля. Но наше невѣроятное время, столь богатое чудесами и странно-стями, создало и такую диковинку.

Произошло это такъ. Изъ Палестины, спасаясь отъ турокъ, бѣжало не мало евреевъ. Иные попали въ Египетъ и тамъ сформировали особый сіонскій отрядъ, который и предложилъ себя Англии. Къ Англии евреи чувствуютъ большое пристрастіе, видя въ ней своего

давняго друга. Къ Турціи же, подъ игомъ которой ихъ святая земля, Палестина, они естественно не очень пріязнены. Вотъ они и обратились къ англійскимъ властямъ, чтобы тѣ обучили ихъ военному дѣлу и послали воевать противъ турокъ:

— Мы рады умереть за Палестину!

Но гдѣ тотъ Гедеонъ, тотъ Навинъ, который превратитъ этихъ смиренныхъ ремесленниковъ въ крѣпкую закаленную рать, достойную своей библейской славы?

Такимъ Гедеономъ оказался англійскій полковникъ Дж. Г. Паттерсонъ, опытный вояка. Ему-то и предложили британскія власти вымуштровать еврейскій отрядъ. Онъ ретиво принялся за дѣло: досталъ своимъ солдатамъ превосходныя ружья, отнятыя незадолго передъ тѣмъ англійскими войсками у турокъ; досталъ имъ лошадей и вьючныхъ муловъ; досталъ сѣдла, палатки и штыки и устроилъ въ трехъ миляхъ отъ города лагерь на пятьсотъ человѣкъ.

Срокъ для обученія былъ страшно короткій—три или четыре недѣли.

Правда, рекруты оказались смышленные, схватывали все налету, но врядъ ли даже для еврейской смышленности достаточенъ такой молніеносный срокъ.

Англійскій полковникъ, человѣкъ дошлый, сразу сблизился со своими солдатами: ходилъ съ ними въ синагогу, посѣщалъ ихъ раввина, праздновалъ съ ними еврейскую Пасху. Еврейская Пасха ему чрезвычайно понравилась:

— „Мы вкушали опрѣсноки и горькія травы,—разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ,—пили вино и укусу въ память тѣхъ великихъ испытаній, которыя ждали евреевъ на пути въ Обѣтованную землю. Въ этомъ было странное очарованіе“.

II.

И вотъ евреи снова пошли изъ Египта къ той же Обѣтованной землѣ.

Ихъ было мало, всего пятьсотъ человѣкъ, и—увы!— ихъ нынѣшній вождь не слишкомъ походилъ на Моисея.

Когда они роптали на жажду, онъ не могъ изсѣчь для нихъ воду изъ камня. Когда они роптали на голодъ, онъ не могъ призвать на нихъ манну небесную. Онъ не могъ окружить ихъ облакомъ, чтобы спрятать отъ турецкаго огня.

Но все, что было въ человѣческихъ силахъ, онъ сдѣлалъ. Съ большими приключеніями и трудностями доставилъ ихъ на галлиполійскія скалы и, чуть они тамъ очутились, повлекъ ихъ за собою въ огонь.

Это было въ маѣ минувшаго года. Незадолго передъ тѣмъ на Галлиполи высадился британскій десантъ. Къ нему-то на помощь и пришли сіонисты со своимъ восточнымъ караваномъ. Если у англичанъ не хватало патроновъ, сіонисты нагружали патронами муловъ и гнали ихъ на передовыя позиціи. Если не хватало сухарей, сіонисты доставляли сухари. Если англичане страдали отъ жажды, каждый мулъ привозилъ имъ въ окопы по 16 галлоновъ воды.

Не думаю, чтобы это было легко.

Легко ли пробираться впотьмахъ по бездорожью съ пугливыми, полудикими мулами, подъ перекрестнымъ огнемъ, карабкаться на какія-то кручи, проваливаться въ какія-то ямы, наткаться на убитыхъ и раненыхъ? Только что съ невѣроятными трудностями сіонисты доставятъ на передовыя позиціи воду, какъ ихъ гонять назадъ за снарядами („да поскорѣе! бѣгомъ!“)—и снова за консервами, за сыромъ, и такъ порою цѣлыя сутки безъ отдыха. Не даромъ за два мѣсяца этой нудной работы отрядъ потерялъ больше половины людей, и полковнику Паттерсону пришлось ѣхать въ Египетъ за новыми.

Но имъ было мало и этой работы; они, какъ говорится, рвались въ бой и даже подали генералу Вестону петицію, чтобы ихъ включили въ ряды атакующихъ войскъ:

— Потому что мы—солдаты, а не погонщики муловъ.

Но генераль отказаль, заявивъ имъ, что ихъ обозная служба столь же нужна и цѣнна, какъ и боевая солдатчина. Тѣмъ не менѣе, бывали минуты, когда сіонисты, не выдержавъ, бросались вмѣстѣ съ англичанами въ бой. Такъ, когда ирландскіе стрѣлки „Иннискиллинги“ понесли въ одной изъ яростныхъ схватокъ тяжелый уронъ, сіонисты, привезшіе имъ снаряды, покинули своихъ муловъ на произволъ судьбы и, во главѣ съ капраломъ Гильдштейномъ, бросились отстаивать траншеи.

Точно также, когда испуганные внезапной стрѣльбой мулы взбеленились и понесли на враговъ, которые, принявъ ихъ въ потемкахъ за конницу, кинулись отъ нихъ вразсыпную, — сіонисты побѣжали вслѣдъ за ними и открыли такой сильный огонь, что совершенно dokonали бѣжавшихъ.

III.

Значить, они молодцы? Отличные солдаты? Герои?

И да, и нѣтъ.

И герои и трусы,—какъ придется, всего понемножку.

Тѣмъ-то мнѣ и нравятся записки полковника Паттерсона, что въ нихъ онъ безпристрастно рассказываетъ, не политиканствуя, не лукавя, не льстя, обо всемъ плохомъ и хорошемъ, что онъ замѣтилъ въ евреяхъ.

Онъ искренно, напимѣръ, восхищается смѣлостью капрала Розенберга, который провелъ сквозь жестокой огонь свой караванъ со снарядами въ то время, какъ другіе смутились и поддались назадъ.

Онъ гордится такимъ бравымъ служакой, какъ Неемія Ягуда, который прославился на весь полуостровъ своей веселой безтрепетной лихостью и былъ любимцемъ во всѣхъ батальонахъ, куда бы ни являлся съ обозомъ. Батальонные командиры такъ и просили полковника:

— Нельзя ли доставить патроны съ Ягудой...

— Здѣсь другому не справиться: пришлите Ягуду...

Въ самое опасное и трудное дѣло всегда былъ посы-

лаемъ Ягуда. И весь его отрядъ былъ лихой, весело шелъ за Ягудой. Онъ умѣлъ намагнитить солдатъ.

Но Паттерсонъ не скрываетъ и слабостей этого сіонскаго воинства. Онъ рассказываетъ, напримѣръ, объ одномъ арабскомъ еврей севардѣ Дабани, который во время пальбы забивался куда-нибудь въ щель и начиналъ вдохновенно молиться. Чѣмъ жарче пальба, тѣмъ жарче молитва.

— Куда вы схоронились!—крикнулъ ему офицеръ.— Ступайте, присмотрите за лошадейю.

— А кто же присмотритъ за мной!—и онъ юркнулъ еще глубже въ землянку.

Но это были единичные случаи, и гдѣ же ихъ не бываетъ!

Свое первое боевое крещеніе сіонисты вынесли стойко и твердо.

— „Я зорко слѣдилъ за моими людьми, — говоритъ полковникъ Паттерсонъ, — и съ удовольствіемъ убѣдился, что всѣ они, за однимъ исключеніемъ, вышли изъ испытанія съ честью, выказавъ полное пренебреженіе къ опасности. Исключеніемъ оказался одинъ молодой человѣкъ изъ Емона, который при звукахъ выстрѣловъ бился и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Но, когда, подойдя къ нему, я задалъ ему хорошую встряску, онъ успокоился и принялся за работу“.

Точно также не умалчиваетъ авторъ о тѣхъ двухъ—едва ли доблестныхъ—воинахъ, которые, испугавшись тяжелой пальбы, кинулись изъ строя на утекъ (стр. 205).

Но, благодаря этой откровенной хуль, у насъ больше довѣрія къ его похвалямъ и восторгамъ.

Онъ, напримѣръ, даже не можетъ говорить равнодушно о томъ безрукомъ капитанѣ Трумпельдорѣ, который такъ хорошо отличился во время русско-японской войны, что получилъ всѣхъ Георгіевъ. Это человѣкъ удивительный: чѣмъ лютѣ огонь, тѣмъ онъ радостнѣе.

— Ну, вотъ это куда веселѣе!—воскликаетъ онъ, когда бомбардировка усиливается.

Капитанъ Трумпельдоръ.

Раненый пулей въ плечо, онъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ свою боевую работу и отказывается итти въ лазаретъ.

Жаль, что полковникъ, восхищаясь Трумпельдоромъ, не сообщаетъ его біографіи. А между тѣмъ она весьма не банальна. Мнѣ разсказалъ ее во Франціи, въ Булони, одинъ раненый французскій лейтенантъ, бывший вмѣстѣ съ нимъ на Галлиполи.

Оказывается, капитанъ Трумпельдоръ былъ въ Россіи простымъ пролетаріемъ. Жилъ впроголодь, въ забросѣ, въ нищетѣ, и была у него одна мечта—Палестина. Этой мечтой пламенѣло тогда множество лучшихъ еврейскихъ сердець.

Если не мы, такъ хоть правнуки наши войдутъ въ Обѣтованную землю!—мечтали оскорбляемые, голодные люди, и съ ними пролетарій Трумпельдоръ.

Началась японская война. Трумпельдоръ—въ Портъ-Артурѣ. Геройствуетъ, теряетъ руку, получаетъ кресты. Уходитъ изъ арміи и (калѣка!) на крошечную свою грошовую пенсійку покупаетъ учебники, нанимаетъ учителей, зубрить, начиная съ азовъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ становится Петроградскимъ студентомъ.

Потомъ, окончивъ университетъ, не впрягается въ обычную лямку, а уѣзжаетъ въ Палестину и становится тамъ землепашцемъ.

Потомъ идетъ умереть за Обѣтованную землю—и становится британскимъ офицеромъ.

Очень пестрая, разнообразная жизнь: въ каждой ея черточкѣ огромная моральная сила.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ я.

— Не знаю... Кажется, убитъ на Галлиполи.

Къ счастью, слухи оказались невѣрными.

И этотъ лейтенантъ и полковникъ говорятъ о немъ въ почтительномъ тонѣ. Очевидно, было въ немъ что-то внушающее.

Вообще сіонская дружина пользовалась большой популярностью. Самъ главнокомандующій, сэръ Айанъ Гамильтонъ, въ официальной бумагѣ восхвалилъ ея боевыя заслуги:

— „И офицеры и солдаты сіонской дружины выка-

зали большую отвагу, доблестно неся обозную службу подъ тяжелымъ артиллерійскимъ огнемъ“ (стр. 214).

Много получила она аттестатовъ и благодарственныхъ писемъ отъ различныхъ батальонныхъ командировъ, которымъ доставляла свою кладь.

VI.

Въ томъ Вавилонѣ, какимъ былъ въ ту пору Галлиполи, никого не могла удивить крошечная израильская армія.

Тамъ, на этой узкой полоскѣ земли, словно на гигантской этнографической выставкѣ, сгрудились со всего свѣта народы—новозеландцы, австралійцы, маори, индусы, синегалезцы, алжирцы, ирландцы, зуавы, турки—такъ что еврейское воинство было совершенно подъ стать этой пунтицѣ племенъ и нарѣчій.

Трудно ему было вначалѣ. Одного сіониста какой-то немудреный французъ принялъ за турецкаго шпіона и, услышавъ его непонятную рѣчь и найдя при немъ турецкое оружіе, приказалъ, безъ дальнѣйшихъ затѣй, немедленно его разстрѣлять. Несчастнаго поставили къ стѣнѣ и черезъ минуту убили бы, если бы случайно проходившій сержантъ-сіонистъ не объяснилъ офицеру, въ чемъ дѣло.

Такихъ случаевъ было немало.

Встрѣтивъ какъ-то французскихъ зуавовъ въ восточномъ одѣяніи, въ фескахъ, сіонисты, въ свою очередь, приняли ихъ за турокъ и чуть-было не расправились съ ними.

Но, познакомившись, они быстро сошлись. Французы толпами стали стекаться къ кострамъ сіонистовъ послушать печальныя древне-еврейскія пѣсни, въ особенности знаменитый Маккавеевскій маршъ. А англичане при встрѣчѣ съ ними говорили имъ:

— Шоломъ Алейхомъ!

что по древне-еврейски означаетъ: привѣтъ.

Вскорѣ всѣ привыкли къ сіонистамъ и къ нѣкоторымъ ихъ маленькимъ странностямъ. Уже не удивлялись тому, что эти экспансивные люди, увидя упавшаго раненаго, по-библейски падали ему на грудь и, рыдая, цѣловали его; что они такъ торжественно, съ плачемъ и воплемъ, хоронили своихъ убитыхъ героевъ; что надъ каждымъ они ставили памятникъ съ изображеніемъ давидова щита.

Этотъ давидовъ щитъ, являющійся какъ бы гербомъ сіонизма, былъ начертанъ на солдатскихъ и офицерскихъ кокардахъ,—и не странно ли, что, подкапываясь подъ какое-то зданіе, сіонисты въ одномъ изъ турецкихъ селеній нашли подъ фундаментомъ тотъ же щитъ, древній, начертанный на мраморной плитѣ.

Въ торжественной процессіи, какъ нѣкій святой талисманъ, перенесли они эту находку въ свой лагерь и помѣстили ее на почетномъ мѣстѣ въ казармѣ—для защиты отъ непріятельскихъ пуль.

Талисманъ оказался волшебнымъ; пули такъ и кишѣли вокругъ, но ни одна не причинила вреда.

Однако на Галлиполи все больше становилось могилъ, украшенныхъ давидовымъ щитомъ, и вскорѣ полковнику пришлось ѣхать въ Египетъ за новыми отрядами евреевъ. Онъ вербовалъ ихъ гдѣ могъ, главнымъ образомъ, конечно, въ синагогахъ. Сошелся съ разными еврейскими нотаблями, и тѣ помогли ему устроить митинги въ храмахъ. Митинги въ синагогахъ — неслышанно! Англійскій полковникъ, проповѣдывающій въ іудейскихъ молельняхъ—видано ли подобное зрѣлище на всемъ протяженіи вѣковъ!

Въ одномъ только Каирѣ ему удалось набрать до 150 добровольцевъ-сіонистовъ, и, конечно, если бы дѣйствія франко-британскихъ войскъ развивались на Галлиполи успѣшнѣе, если бы вскорѣ не выяснилась безнадежность ихъ дерзновенной попытки, и главное, если бы евреямъ представился случай, дѣйствительно, сразиться за Палестину, всѣ лучшія силы еврейства примкнули бы къ сіонской дружинѣ... Но уже вѣяло оттуда оцѣпенѣ-

ніемъ и вялостью, предвѣстниками скорого конца, и пламенный энтузіазмъ молодежи, не разгорѣвшись, померкъ...

Книга полковника Паттерсона, изъ которой я позаимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія, вышла въ Лондонѣ и озаглавлена такъ: „With the Zionists in Gallipoli, by Lt.-Colonel J. H. Patterson, D. S. O.“ (Hutchinson & Co, 1916).

Готовится русское изданіе этой книги.

ПЛѢННЫЕ РОССІЕЙ.

I.

РОБЕРТЬ ВИЛЬТОНЪ.

Конечно, мистеръ Вильтонъ, какъ всегда, собралъ вокругъ себя цѣлую кучу канадцевъ и сталъ имъ говорить о Россіи.

Робертъ Вильтонъ съ морскимъ бойскоутомъ въ Шотландіи.

Мистеръ Вильтонъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ нами на англійскій фронтъ. Онъ—корреспондентъ газеты „Times“, краснолицый, сѣдой англичанинъ.

Недавно въ его жизни случилось событіе, о которомъ онъ не можетъ забыть: онъ побывалъ въ русской арміи и видѣлъ тамъ казаковъ-пластуновъ.

Съ тѣхъ поръ куда бы мы ни пришли,—къ австралійцамъ, къ йоркширцамъ, къ шотландцамъ,—онъ при всякомъ случаѣ говоритъ:

— Конечно, вы—хорошіе солдаты, отличные, но вотъ въ

Россіи есть казаки-пластуны, такъ тѣ...

И рассказываетъ о пластунахъ чудеса.

Не объ однихъ пластунахъ. Онъ знаетъ русскаго солдата превосходно,—выросъ въ приволжской деревнѣ.

И, когда я хотѣлъ доставить ему высшую радость, я подговаривалъ англійскихъ солдатъ:

— Спросите у этого джентльмена что-нибудь о Россіи.

Тѣ охотно спрашивали, и мой джентельмень расцвѣталъ.

— Россія, это такая страна...—начиналъ онъ медовымъ голосомъ.

Онъ былъ истиннымъ апостоломъ Россіи. Генераламъ, денщикамъ, авіаторамъ, въ лагеряхъ, въ госпиталяхъ, въ ресторанахъ, въ поѣздахъ, на миноноскахъ, въ окопахъ онъ проповѣдывалъ Россію, какъ Евангеліе.

Его энтузіазмъ равнялся неосвѣдомленности его аудиторіи. Солдаты слушали его съ любопытствомъ, какъ будто онъ говорилъ о лунѣ, съ которой почему-то свалился. Одинъ только разъ шотландскій унтеръ-офицеръ, ветеранъ, поразилъ его своими познаніями. Онъ сказалъ:

— Мы были очень рады, когда вы взяли Пи-Аръ-Зедъ-Эмъ-Уай-Эсъ-Эль.

Такъ онъ называлъ Перемышль. Не желая коверкать русскія имена и фамиліи, онъ изъ вѣжливости перечислялъ только буквы, изъ которыхъ эти слова слагаются. Генерала Рузскаго онъ называлъ:

— Ар-Ю-Даубль-Эсъ-Кэй-Уай (R-U-S-S-K-Y).

Вильтонъ былъ восхищенъ его познаніями.

Но стоило мнѣ похвалить мимоходомъ пудингъ шотландскихъ горцевъ, которымъ угостилъ насъ этотъ унтеръ, какъ Вильтонъ воскликнулъ патетически:

— А наши щи; наши дивныя солдатскія щи!

Про все русское онъ выражается „наше“ и про англійское тоже „наше“. Для него не существуетъ мы и вы.

— Ходячій русско-англійскій союзъ!—буркнулъ про него одинъ изъ насъ.—Вы полюбуйте его одѣяніемъ: французскій шлемъ, англійскій макинтошъ и русскіе сапожищи бутылками.

Въ ознакомленіи французскихъ и англійскихъ солдатъ

съ ихъ русскими далекими товарищами Вильтонъ видѣть священную миссію и набожно выполняетъ ее:

— Отправляйтесь-ка въ нашу русскую армію, рассказывайте тамъ объ англичанахъ, обо всемъ, что вы видѣли на нашемъ, англійскомъ фронтѣ, — не разъ говорилъ онъ намъ. — Безъ ознакомленія другъ съ другомъ какой же возможенъ союзъ?

Этому взаимному ознакомленію Россіи и Англій мистеръ Вильтонъ началъ служить еще задолго до официального союза обѣихъ странъ: онъ создалъ „Русское прибавленіе къ „Таймсъ“, въ которомъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ трактовались передъ многомилліоннымъ читателемъ вопросы русской литературы и политики.

Сынъ мистера Вильтона съ самаго начала войны вступилъ въ русскую армію добровольцемъ и за боевыя заслуги былъ произведенъ въ офицеры. А самъ мистеръ Вильтонъ, вернувшись изъ Европы, поспѣшилъ на русскій фронтъ, къ Барановичамъ, гдѣ выказалъ столько геройства, что получилъ двухъ Георгіевъ.

II.

ВИЛЬЯМЪ-ДЖОНЪ БЕРКБЕКЪ.

Но здѣсь я хочу рассказать объ удивительномъ мистерѣ Беркбекѣ.

Съ нимъ я познакомился въ Норвегіи, по дорогѣ изъ Ньюкастля въ Петроградъ.

Мы только-что прибыли въ Бергенъ. Справа и слѣва фьорды. По улицамъ ходятъ Ибсены. А мистеръ Беркбекъ стоитъ на мосткахъ парохода и говоритъ мнѣ по церковно-славянски:

— Радуйся, Невѣсто Невѣстная!

И глаза у него молодѣютъ, добрѣютъ.

Мистеръ Беркбекъ ѣдетъ въ Россію ради московской пасхальной заутрени. Онъ такъ любитъ пасхальное богослуженіе въ Москвѣ, что для него не помѣха ни подводныя лодки, ни мины, ни таможенныя пытки на

границахъ. Онъ ѣдетъ въ Успенскій соборъ черезъ Лондонъ, Христіанію, Стокгольмъ.

Чуть только мы познакомились, онъ съ неподражаемымъ англо-саксонскимъ акцентомъ прочиталъ мнѣ прелестный акаѳистъ:

— Молю, Дѣво, душевное смущеніе и печали моя бурю разорити...

Это было волнующе-странно. Кругомъ на пароходѣ—дѣльцы, маклера, маклаки, говорятъ о шиллингахъ и кронахъ, а онъ — о Богоневѣстной Невѣстѣ:

— Ты бо, Богоневѣстная, Начальника тишины Христа родила еси...

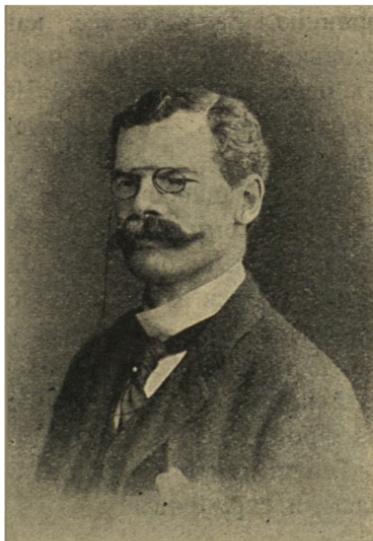
И произносить: натшалника.

Самые звуки церковно-славянскихъ молитвъ обаятельны для мистера Беркбека. Какъ чеховскую героиню, его умиляютъ слова: „дондеже“, „аще“, „обаче“. О двойственномъ числѣ онъ не можетъ говорить безъ волненія: гдѣто въ Хапарандѣ, среди шведскихъ жандармовъ, процитировалъ мнѣ съ удовольствіемъ:

— Очи же Ею держастся, да Его не познаета!

И тихо радовался: двойственное число.

Его мечта — сблизить нашу греко-россійскую церковь съ англиканской. Для этого онъ переводитъ на англійскій языкъ наши ектеніи и акаѳисты и печатаетъ ихъ въ видѣ брошюръ, а инья молитвы перелагаетъ въ стихи. Его страсть — возить англиканскихъ епископовъ

Вильямъ Беркбекъ.

въ Москву, а русскихъ архіереевъ въ Лондонъ. Здѣсь, въ дорогѣ даже американскому дѣльцу изъ Санъ-Франциско онъ рассказывалъ объ архіереяхъ и мощахъ. Эрудиція въ этой области у него необъятная.

— Пошелъ я однажды къ Иверской, — вспоминаетъ онъ въ вагонѣ. — Шубы не запахнулъ, и, когда хватился часовъ, — нѣту! Срѣзалъ церковный воришка! И такіе умные эти русскіе жулики: онъ не только отрѣзалъ часы, но и засунулъ отрѣзокъ цѣпочки обратно въ мой жилетный карманъ, чтобы я не замѣтилъ пропажи. Я — въ полицію. Заявилъ все, какъ слѣдуетъ. И черезъ нѣсколько дней получаю часы назадъ... Снова иду съ ними въ церковь... И что же? Черезъ двѣ минуты ихъ нѣтъ. Украли опять, — вы подумайте! Вели-колѣпные воры въ Москвѣ...

Такое славянофильство, естественно, польстило моему національному чувству... Мистеръ Беркбекъ — человекъ образованный: былъ въ Оксфордѣ, слушалъ лекціи Рескина, учился вмѣстѣ съ Оскаромъ Уайльдомъ. Я узналъ отъ него немало занятнаго о знаменитомъ его школьномъ товарищѣ. Мистеръ Беркбекъ — крупный англійскій помѣщикъ, почетный мировой судья. Оба его сына на фронтѣ.

Теперь онъ взялъ съ собой въ Россію не золотые часы, а серебранные.

III.

ГЕГБЕРГЪ РАЙТЪ.

Мистеръ Гегбергъ Райтъ — ирландецъ, авторъ множества статей о Россіи.

Живетъ въ Лондонѣ. Библиотекарь „London Library“. Я пришелъ къ нему передъ отъѣздомъ попрощаться, и меня удивило, какое смертельно-усталое, замученное было у него въ тотъ вечеръ лицо.

— Что съ вами, мистеръ Райтъ? Вы здоровы?

— Ничего. Мнѣ нуженъ Кукулеско.

- Какой Кукулеско?
 — Не знаю.
 — Что такое „кукулеско“?
 — Смотрите.

И онъ показалъ мнѣ письмо:

„Книги ваши я, спасибо, получилъ. Вышлите, пожалуйста, русско-нѣмецкій словарь и „Элементарный курсъ химіи“ Кукулеско. Съ почтеніемъ военноплѣнный З. Брикъ“.

— Гдѣ же мнѣ достать Кукулеско? — озабоченно повторилъ мистеръ Райтъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что весь его огромный письменный столъ и нѣсколько маленькихъ столиковъ завалены такими же письмами. Мистеръ Райтъ — секретарь комитета по снабженію русскихъ плѣнныхъ книгами. Вмѣстѣ съ профессоромъ П. Виноградовымъ онъ собралъ среди англичанъ нѣсколько тысячъ рублей и 1.500 книгъ, завязалъ сношенія со всѣми 35-ю нѣмецкими лагерями, гдѣ содержатся русскіе плѣнные, и вотъ ежедневно рѣшаетъ задачу столь же трудную, какъ квадратура круга: гдѣ достать въ англійскомъ городѣ

Гегбергъ Райтъ.

Лондонъ русскій учебникъ химіи, „Русскую исторію“ Ключевского, „Русскую этимологию“ Смирновскаго? Не въ Лондонъ же Сытинъ и Вольфъ! Пушкина придется выписывать, напимѣрь, изъ Голландіи, Льва Толстого — почему-то изъ Норвегіи..

Каждый день мистеръ Райтъ получаетъ отъ нашихъ солдатъ около сотни писемъ; нужно всѣ эти письма прочесть, на каждое нужно отвѣтить, нужно разыскать тѣ учебники, самоучители, словари, буквари, руководства, которые въ письмахъ спрашиваются; нужно упаковать эти книги, послать, и, главное, нужно снова и снова доставать для этого откуда-то деньги.

Деньги собираются мистеромъ Райтомъ самыми разнообразными способами. Разъ онъ прочиталъ въ пользу этого общества лекцію,—конечно, о Россіи (о чемъ же и читаются теперь въ Лондонѣ лекціи!); сборъ былъ изрядный—830 рублей, но, конечно, этого убійственно мало: вѣдь въ одинъ только день иногда посылается до трехсотъ пакетовъ!

Хорошо еще, что мистеръ Райтъ стоитъ во главѣ „London Library“, и всѣ его служащія, милыя англійскія женщины, помогаютъ ему упаковывать книги. Это нудная и трудная работа, но онъ безвозмездно выполняютъ ее.

— Вы устали, мистеръ Райтъ. Вамъ прилечь бы.

— Ничего, я отдохну сегодня вечеромъ. Въ Лондонъ пріѣхали московскіе гости, члены земскаго союза, врачи. Сегодня я обѣдаю съ ними.

Быть среди русскихъ — для него отдыхъ и радость. Мистеръ Райтъ очень любитъ Россію, но не приторной, сентиментальной любовью, а застѣнчиво, безъ аффектаціи, безъ фразъ. У него суровое, дѣловое лицо. Онъ всегда о комъ-нибудь хлопочетъ. Будучи умопомрачительно занятъ, онъ все же выкроилъ какимъ-то образомъ время, чтобы повезти насъ троихъ — Вл. Д. Набокова, гр. Ал. Толстого и меня — въ деревню, къ знаменитому романисту Уэльсу, гдѣ мы провели цѣлый день; возилъ насъ на смотръ бойскоутовъ, доставалъ мнѣ нужныя книги, свелъ

меня съ двумя-тремя писателями, съ которыми я мечталъ познакомиться; словомъ, угадывалъ каждое наше желаніе,—и все это сурово, безъ комплиментовъ и нѣжностей...

Я надѣюсь, что онъ нашель Кукулеско.

IV.

ГАРОЛЬДЪ ВИЛЬЯМСЪ.

Вернувшись въ Петроградъ, я узналъ, что здѣсь основывается Англо-Русское Бюро.

Англо-Русское Бюро въ Петроградѣ? Но позвольте, у насъ уже давно въ Петроградѣ существуетъ Англо-Русское Бюро. Только до сихъ поръ оно называлось: „Мистеръ Вильямсъ“ и состояло изъ одного чело-вѣка—высокаго, сѣдого, черноброваго.

Этотъ сѣдой чело-вѣкъ мирно проживалъ на Пескахъ, и, если вамъ нужны были свѣдѣнія объ Англіи или о чемъ-нибудь англійскомъ—о лаунъ-теннисѣ, Ллойдъ-Джорджѣ, суффражисткахъ,—вы звонили къ нему на Пески, и онъ безъ интонацій, чуть-чуть заикаясь, глухимъ, невыразительнымъ голосомъ отвѣчалъ вамъ одно-сложно и кратко.

Вопросы бывали различные:

— Кто теперъ въ Англіи самый лучшій писатель?

— Носятъ ли шотландцы штаны?

— Когда родился Чемберленъ?

— Какая разница между бриджемъ и поккеромъ?

На всѣ эти вопросы мистеръ Вильямсъ отвѣчалъ изъ года въ годъ десять лѣтъ. Онъ былъ нашей британской энциклопедіей. Мы пользовались имъ, какъ слова-ремъ.

Правда, жили въ Питерѣ и другіе британцы, но все больше купцы и дѣльцы, а для насъ, для интеллиген-ціи,—для профессоровъ, для студентовъ, для писате-лей,—онъ былъ единственный знатокъ и указчикъ.

Быль, правда, мистеръ Вилтонъ изъ „Таймсъ“, но

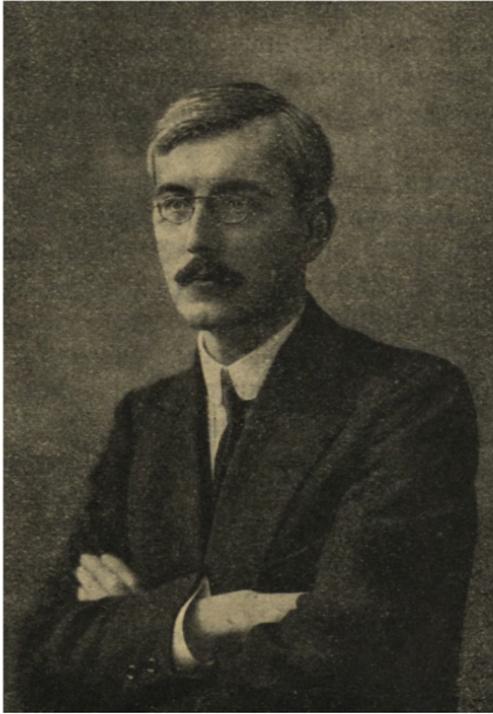
онъ принадлежалъ главнымъ образомъ къ сановнымъ и чиновнымъ кругамъ, вращался среди пословъ и министровъ; мы же, глотатели книгъ, разночинцы, студенческая и литературная вольница, люди съ Песковъ и съ Васильевского, знали одного только Вильямса, знали, что онъ съ нами, что онъ „нашъ“, хоть и прѣхалъ откуда-то изъ Новой Зеландіи, гдѣ страусы, кенгуру, людоѣды.

Хоть и новозеландецъ, да нашъ! Онъ—единственный (въ тѣ времена!) англичанинъ; который сдѣлался не просто русскимъ, а русскимъ интеллигентомъ, богемой, со всѣми нашими интеллигентскими навыками.

Всю катастрофическую нашу эпоху, съ девятьсотъ третьяго, девятьсотъ четвертаго года, со времени японской войны, онъ прожилъ именно съ нами, съ Васильевскимъ островомъ (а не съ Фурштадтской, не съ Сергѣевской), кипѣлъ съ нами въ одномъ и томъ же котлѣ и до самаго послѣдняго времени оставался единственнымъ у насъ представителемъ англійской науки и словесности.

Я думаю, ни одна диссертация, ни одна статья объ англійскихъ культурныхъ явленіяхъ не писалась безъ содѣйствія Вильямса. Мы, пишущіе, твердо запомнили номеръ его телефона.

Самъ онъ—человѣкъ необъятной учености: говорить на тридцати языкахъ. Біографія у него фантастическая. Учился у себя въ Новой Зеландіи, готовился къ карьерѣ пастора,—и вдругъ ему попался Левъ Толстой,—кажется, „Анна Каренина“ въ вульгарномъ, безпардонномъ переводѣ. Передъ нимъ открылся негаданный міръ духовной широты и свободы, его потянуло въ Россію. Онъ раздобылъ себѣ книги Толстого,—всѣ, какія были въ Австраліи,—бросилъ семинарію, отказался отъ мыслн о пасторствѣ и почти безъ копейки уѣхалъ въ Европу учиться. Въ германскихъ университетахъ онъ изучалъ филологію, получилъ тамъ ученую степень и, наконецъ, очутившись въ Россіи, почувствовалъ себя у пристани, дома.

Гарольд Вильямс.

V.

Чтобы лучше понять Россію, онъ предпринялъ неслы-
ханный подвигъ: изучилъ языки и нарѣчія всѣхъ ея
разнообразныхъ племень:

- Финскій.
- Татарскій.
- Латышскій.
- Армянскій.
- Грузинскій.
- Эстонскій.
- Литовскій.

Бѣлорусскій, малорусскій и такъ дальше. И не только языки, но и исторію, литературу, поэзію. Его бібліотека полна самыхъ диковинныхъ книгъ, напечатанныхъ какими-то кривульками, которыя и на буквы не похожи.

Вотъ татарскія сочиненія Гаяза Исакова, вотъ литовскія Игнаса, Шейнуса, Крево, вотъ грузинская „Барсова шкура“, вотъ армянскіе романы Эсайяна, Ширванзаде. Неужели одной человѣческой жизни достаточно, чтобы постичь это разнообразіе и множество!

Молдаване, башкиры, чеченцы, киргизы — для него раскрытая книга. Случись мистеръ Вильямсъ при столпотвореніи вавилонскомъ, башня была бы доведена до конца: его не запугаешь смѣшеніемъ языковъ. Я самъ слыхалъ, какъ въ ресторанѣ съ лакеемъ-татариномъ онъ всласть лопоталъ по-татарски, а потомъ, встрѣтивъ редактора „Uusi Suometar“, бодро заговорилъ по-чухонски.

Это всезнаніе даетъ ему возможность созерцать нашу Русь съ какой-то такой высоты, куда порою и намъ не взобраться. Горизонты передъ нимъ широчайшіе. Изъ его книги „Великорусская Русь“ („Russia of the Russians“), изданной два года назадъ, мы, русскіе, научились бы многому, о чемъ до сихъ поръ не догадываемся. Для англичанъ она была откровеніемъ. Ее восторженно привѣтствовалъ самъ Уэльсъ. Это книга обо всемъ, обо всѣхъ—о частушкахъ, о Мейерхольдѣ, о Святѣйшемъ Синодѣ, о Герценѣ, о Закаспійской желѣзной дорогѣ, о Мѣдномъ всадникѣ, о музыкѣ, о земствѣ, — цѣлая энциклопедія Россіи, достовѣрнѣйшій и подробнѣйшій справочникъ о самыхъ пестрыхъ россійскихъ вещахъ, которыя однако не свалены въ кучу, а разсортированы такъ гармонически, съ такимъ очаровательнымъ чувствомъ пропорцій, что грузная и массивная книга кажется изящной и легкой.

Вильямсъ говоритъ о Россіи съ тѣмъ интимнымъ, внутреннимъ знаніемъ, которое доступно лишь любя-

щему. Когда читаешь у него о священникахъ, думаешь: это пишетъ священникъ. Когда читаешь о модернистахъ-поэтахъ, думаешь: это пишетъ поэтъ. Его слова полновѣсны и точны, ибо онъ не только наблюдаетъ Россію, но и живетъ и мучится ею. Онъ не расточаетъ ей слюноточивыхъ похвалъ, его любовь осторожна и требовательна, и это опять-таки въ немъ интеллигентская, наша черта.

До войны онъ, вмѣстѣ съ Морисомъ Бэрингомъ и профессоромъ Пэрсомъ, редактировалъ ливерпульскій журналъ, посвященный Россіи, „The Russian Review“ („Русское Обзорѣніе“), гдѣ печатались переводы изъ русскихъ писателей и статьи, посвященные русской политикѣ, русской исторіи, промышленности...

АНГЛО-РУССКОЕ БЮРО.

Но наступила война, и въ Россіи проснулось внезапно такое жгучее любопытство къ Англій, что и десятка Вильямсовъ, кажется, мало.

Тормѣшатъ, обрываютъ телефонъ:

— Какъ произносится такое-то англійское слово?— Какой самоучитель самый лучший?— Не достанете ли вы намъ гувернантку?

Жажда обангличаниться страшная! Не хватаетъ ни учителей ни учебниковъ. Гостинодворцы щеголяютъ въ ватерпруфахъ и цѣдятъ сквозь зубы „оль-райтъ“. Картежники играютъ лишь въ вистъ, барышни читаютъ лишь Вильяма Локка, курильщики курятъ лишь „Navy Cut“.

Эту англоманію нужно направить въ надлежащее глубокое русло, чтобы она не истратилась зря, нужно использовать ее для духовно-плодотворныхъ цѣлей, чтобы она не выродилась въ ватерпруфъ и футболъ.

Вотъ и возникло теперь въ Петроградѣ цѣлое учреждение, лига, подъ названіемъ „Англо-Русское Бюро“,

для той же просвѣтительной работы, которую донныѣ дѣлалъ Вильямсъ.

Вмѣстѣ съ Вильямсомъ за работу взялись энергичный майоръ Торнхилль и романистъ Гюгъ Вальполь, участникъ галицкихъ боевъ, описавшій ихъ въ романѣ „Черный боръ“.

Майоръ Торнхилль. Рис. Е. А. Киселевой.

Къ нимъ примкнуло еще нѣсколько русскихъ и англійскихъ писателей. Они сняли небольшое помѣщеніе, выписали изъ Англій газеты и книги, накупили сахару, чаю, бисквитовъ, и отъ трехъ до шести ежедневно собираются тамъ, курятъ, читаютъ, поджидая къ себѣ русскихъ посѣтителей для всяческихъ бесѣдъ и консилиумовъ.

Приходятъ за соувѣтомъ и помощью журналисты, дѣльцы, обыватели, издатели, курсистки, военные:

- Гдѣ достать біографію Киплинга?
- Есть ли въ Англій университеты для женщинъ?
- Сколько стѣитъ билетъ до Ньюкасталя?
- Какія книги по канадской конституціи существуютъ на французскомъ языкѣ?

Получается множество писемъ. Какой-то русскій солдатъ умоляетъ прислать ему житія англійскихъ святыхъ. Директоръ гимназіи проситъ написать ему о „дѣвочкахъ-бойкоутахъ“. Профессоръ проситъ достать для

него какую-то рѣдкую книгу. Одна дама взволнованно спрашиваетъ:

— Кто кого написалъ: Шерлокъ ли Холмсъ—Конанъ-Дойля или Конанъ-Дойль—Шерлока Холмса?

Но, конечно, больше всего задается вопросовъ о войнѣ и военныхъ дѣлахъ. Чтò дѣлаетъ сейчасъ англійскій флотъ? Много ли ирландцевъ на фронтѣ? Есть ли у англичанъ дирижабли? Велика ли побѣда подъ Комблемъ?

Справки выдаются съ удовольствіемъ. Секретарь не утомимъ и радушенъ. Посѣтителямъ предлагается чай. Ломаная русская рѣчь смѣшивается съ ломаной англійской. Пожалуйста, если вамъ что-нибудь нужно, обращайтесь въ Англо-Русское Бюро. Адресъ: Петроградъ, Фонтанка, 15, кв. 11. Спрашивайте обо всемъ, чтò вамъ хочется знать. Чѣмъ больше будетъ вопросовъ, тѣмъ лучше: тогда англичане скорѣе поймутъ, чего отъ нихъ ожидаетъ Россія. Въ бюро имѣются англійскія книги: объ авіаціи, о сумбаринахъ, о Китченерѣ, о битвѣ подъ Монсомъ, о колоніальныхъ войскахъ,—все больше на батальныя темы.

Но есть предчувствіе, что по окончаніи войны бюро не прекратитъ своей работы, а преобразится въ литературно-научное.

АНГЛИЧАНЕ О НАСЪ.

I.

Снова повторился потопъ: всю Англию залило книгами о Россіи, о русскомъ народѣ!

Не сорокъ, а четыреста дней льетъ этотъ изумительный дождь,—не четыреста, а пятьсотъ, шестьсотъ, и кто скажетъ, что станется съ Лондономъ, если и впредь на него будутъ литься безостановочно, ночью и днемъ, потоки красненькихъ и синенькихъ томиковъ о Россіи, о Россіи, о Россіи... Не зальетъ ли его выше крышъ со всѣми клубами, отелями и банками?

Вотъ книга Годжетса „Славная Русь“, вотъ книга Фрэзера „Современная Русь“, вотъ книга Рустембека „Вооруженная Русь“, вотъ книга Гарстина „Дружелюбная Русь“,—такъ и сыплются одна на другую.

Нигдѣ во всемъ мірѣ никто не увлекался такъ пламенно нами, нашей жизнью и нашей душой, какъ увлекаются сейчасъ англичане. Все русское имъ страшно любопытно. Гдѣ въ Россіи вы прочтете о томъ, какъ русскій композиторъ Глазуновъ справляетъ свои именины? А въ этой очаровательной книжкѣ Дениса Гарстина „Дружелюбная Русь“ цѣлая глава посвящается описанію именинъ Глазунова!.. Безъ разбора поглощаютъ теперь англичане и Потапенко, и „Мимочку“ Микуличъ, и пьесу К. Р., и повѣсти Немировича-Данченко, и даже—увы!—Арцыбашева. Даже Арцыбашевъ не отбиваетъ у нихъ аппетита отъ русскихъ повѣстей и романовъ.

Въ такихъ роскошныхъ золоченыхъ переплетахъ появляются теперь въ Англіи книги Владиміра Соловьева, Чехова, Гончарова, Сологуба, Андреева, какихъ на родинѣ онѣ дождутся не скоро.

„Times“ посылаетъ англійскимъ солдатамъ въ окопы тургеневскія „Стихотворенія въ прозѣ“, а дублинскій архіепископъ благословляетъ Зинаиду Венгерову за то, что она въ своей лекціи рассказала ирландцамъ о „русскомъ бѣлоснѣжномъ Христѣ“.

Къ русскому Христу интересъ чрезвычайный. Появилась прелюбопытная книга мистера Стивена Грегема: „Путь Маріи и путь Марѳы“, гдѣ Россія оказалась Маріей, сидящей у ногъ Христа и внемлющей Его неизреченнымъ глаголамъ, а Европа и Америка—Марѳами, которыя пекутся о многомъ,—единого же на потребу не знаютъ.

Этотъ мистеръ Стивенъ Грегемъ уже написалъ о Россіи около полудюжины книгъ и до окончанія войны напишетъ еще дюжины двѣ. Судя по фотографіи, онъ любитъ носить русскую косоворотку и лапти. Прическа у него преувеличенно русская. Когда-то вмѣстѣ съ нашими паломниками онъ ходилъ въ Іерусалимъ на богомолье и съ тѣхъ поръ непрерывно вѣщаетъ о мистическомъ предназначеніи Россіи. Онъ мнитъ себя ученикомъ Достоевскаго, но, въ сущности, онъ—шустрый журналистъ, эксплуатирующій модную тему. Иногда онъ бываетъ талантливымъ. Если случится, я скажу о немъ больше, теперь же лишь укажу его книги: „Невѣдомая Русь“, „Мѣняющаяся Русь“, „Русь и міръ“, „Бродяга на Кавказѣ“ и такъ дальше, и такъ дальше, безъ конца. Онъ пишетъ о „Сатириконѣ“, о Купринѣ, о Хвостовѣ, и чувствуетъ себя Колумбомъ Россіи, ежедневно ее открывающимъ.

Даже „Слово о полку Игоревѣ“ понадобилось теперь англичанамъ. Въ Оксфордѣ только-что вышелъ ученѣйшій переводъ этой пѣсни съ кропотливѣйшими комментаріями Магнуса. Странно думать, что Джонсы и Джонсоны читаютъ теперь по-англійски:

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе...

И тебѣ, тмутараканскій бодванъ...

Легко ли англичанамъ выговаривать имена Ярославичей, Рюриковичей! Въдъ англійскій языкъ неподатливъ на иноплеменные, чуждые звуки. Впрочемъ, нынче въ англійскихъ журналахъ и книгахъ такъ часто мелькаютъ слова: *zdravsv'te, dobrovo utra, schtchi* (щи), *balalaika, datcha, Skriabin, Dostoievsky*, „*Khovanschina*“, что, если бы Байрону вновь случилось писать „Донъ-Жуана“, онъ не могъ бы уже забавляться коверканіемъ такихъ тарбарскихъ именъ, какъ Мускинъ - Пускинъ, Арсенью, Тшитшакоффъ. Эти звуки уже стали привычными. Въдъ каждая англійская газета, кишащая съ самага начала войны названіями русскихъ рѣкъ, крѣпостей, деревень, сдѣлалась волей-неволей самоучителемъ славянской фонетики.

Первые уроки шли туго.

— Дѣктора, дѣктора! Этотъ человекъ заболѣлъ!

— Что съ нимъ случилось?

— Онъ попробовалъ произнести: Пржемышль.

Такъ острили карикатуристы въ журналахъ. Одинъ высокопоставленный русскій, издавна проживающій въ Лондонѣ, объявилъ, что тому, кто жертвуетъ англійской арміи нѣсколько паръ рукавицъ, онъ самъ собственноручно напишетъ, какъ произносится по-русски Пржемышль. Рукавицы такъ и потекли къ нему въ домъ.

— „Долой *Virgiliya*, да здравствуетъ Пушкинъ! Скоро оксфордскіе студенты перестанутъ корпѣть надъ *Virgiliem* и примутся за изученіе Пушкина!“—возглашаетъ мистеръ Чарльзъ Сэроли въ своей нововышедшей книжкѣ „Заслуги Россіи передъ Европой“.— „Мѣсто Тита Ливія долженъ занять Карамзинъ, мѣсто Платона—Владиміръ Соловьевъ“... „Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Европы будетъ введенъ русскій языкъ на смѣну латыни и греческому“. „Война и миръ“—величайшій романъ изо всѣхъ когда-либо написанныхъ“... „Будущее

принадлежитъ только Россіи, а не Франціи и даже не Англій“.

Конечно, столь неистовый энтузіазмъ къ Россіи составляетъ исключеніе, а не правило, и сами русскіе врядь ли хотѣли бы, чтобы Ливія смѣнилъ Карамзинъ а Шекспира—Полевой или Кукольникъ.

Любить Россію для англичанъ—дѣло новое, они еще не знаютъ съ непривычки, какъ и за что насъ любить, но любить они хотятъ непременно, а это драгоцѣннѣе всего, и что за бѣда, если, вмѣсто Россіи-Маріи, они кинутся порою въ объятія къ Россіи-Федоръ, Федорушкѣ: они еще не вполне догадались, что есть нѣсколько Россій, а не одна, и что сама-то Марія страстно желаетъ быть Марѳой.

II.

Покуда я не читалъ этихъ англійскихъ книгъ, я и не зналъ, что мы такіе хорошіе.

Мы вѣдь, по русской привычкѣ, вѣчно брюзимъ на себя, вѣчно собой недовольны, а тутъ въ отраженіи англійскихъ зеркалъ мы вдругъ оказались такими красавцами, что даже совѣстно: неужто это мы?

Мы думали, что мы гораздо хуже.

Оказывается, мы, напримѣръ,—самые свободные жители самой свободной страны! Въ мірѣ нѣтъ свободнѣе насъ! Европейцы рядомъ съ нами—рабы, завидующіе нашей свободѣ.

Объ этомъ я сегодня узналъ изъ одной англійской книжки и, конечно, немало порадовался. Книжка чрезвычайно характерная. Называется „Дружелюбная Русь“. Авторъ ея—мистеръ Гарстинъ, ирландецъ, пріѣхалъ въ Россію, наслышавшись съ дѣтства о русскихъ тундрахъ, кнутахъ, кандалахъ, и вдругъ очутился въ Крыму, на горячемъ песочкѣ, у моря, въ легонькихъ купальныхъ штанишкахъ. Мудрено ли, что русская дачная жизнь показала ему апоѳеозомъ свободы? Воистину русскіе

дачники свободнѣе всѣхъ Гарибальди,—особенно, когда лежать на песочкѣ! Оглянувшись, ирландецъ увидѣлъ, что въ русскомъ домашнемъ быту столько восхитительныхъ вольностей, отношенія такія непринужденно-халатныя, что чужбина ему, иностранцу, показалась уютнѣе родины! Онъ почувствовалъ себя лучше, чѣмъ дома.

— Въ Европѣ мы всѣ накрахмаленные. Чтò съ того, что мы свободны въ политикѣ,—въ жизни мы связаны по рукамъ и ногамъ. А вотъ русскіе безъ всякихъ политическихъ вольностей живутъ, какъ хотятъ, своенравно.

Въ Европѣ всѣ отношенія людей давно регламентированы, скованы, и, Боже, какъ изумился ирландецъ, когда увидѣлъ, что потная баба-торговка облапила его знакомую даму, аристократку, супругу профессора, и смачно лобызается съ нею.

— Я кинулся къ профессоршѣ на помощь, я хотѣлъ спасти ее, выручить, но и самъ очутился въ объятіяхъ.

Бѣдный до того растерялся, что выронилъ горшочекъ со сливками...

Онъ любитъ на каждомъ шагу сравнивать Россію и Англію. Въ Англіи люди не занимаются тѣмъ, что изо дня въ день ходятъ въ гости, когда имъ вздумается, ночью и днемъ. Тамъ слуги не болтаютъ съ хозяевами о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Тамъ хозяева не приглашаютъ своихъ кучеровъ поиграть на балалайкѣ въ гостиной. Тамъ торговки, привозящія капусту, не цѣлуются со своими покупательницами, и если бы въ Англіи какая-нибудь болящая барышня приняла гостей въ своей комнатѣ, лежа подъ одѣяломъ въ постелѣ, ея репутація была бы непоправимо испорчена. А въ Россіи—тутъ свобода полнѣйшая,—это-то и нравится автору. Онъ весело, какъ школьникъ о каникулахъ, вспоминаетъ о своемъ свободномъ житьѣ въ нашей странно-свободной Россіи, гдѣ онъ словно скинулъ съ себя что-то сжимающе-тѣсное и бѣгалъ босикомъ по травѣ.

Замѣчательно стремленіе автора посрамить Европу Россіей, то-есть не то, чтобы совсѣмъ посрамить, а

чуть-чуть пристыдить, сконфузить. Онъ радъ указать на Марію своей слегка опостылѣвшей Марѣѣ. Нынче это такая манера у многихъ англійскихъ писателей, когда они говорятъ о Россіи. У мистера Гарстина это выходитъ прелестно, потому что всѣ свои хвалы и восторги онъ умѣетъ окрашивать юморомъ. Но и онъ хватаетъ иногда черезъ край.

Ну, можно ли серьезно утверждать, какъ утверждаетъ ирландецъ, что русскія желѣзныя дороги выше англійскихъ желѣзныхъ дорогъ? Даже то, что русскіе поѣзда такъ запаздываютъ, кажется ему восхитительнымъ.

— Англійскіе поѣзда ходятъ быстро, по 80 верстъ въ часъ, и почти безъ всякихъ опозданій, но все же я больше люблю русскія желѣзныя дороги.

— Почему?—изумляемся мы.

— Да вотъ недавно я проѣхалъ 400 миль изъ Эдинбурга въ Лондонъ; въ моемъ купѣ было восемь человѣкъ пассажировъ; за всѣ восемь часовъ пути мы не сказали другъ другу ни слова и хотъ прибыли въ Лондонъ минута въ минуту, но съ утомленной душой. Въ Россіи же пассажиры такъ радушны, общительны, что не жалко иногда и опоздать.

Такихъ сопоставленій очень много, и всѣ они въ пользу Россіи: пристрастіе мистера Гарстина нерѣдко ослѣпляетъ его.

Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что, хотя Россія бѣдна, но въ Англійи нищета лютѣе.

— Ваши бѣдные такъ чудовишно бѣдны, я никогда еще не видѣлъ такой нищеты! — восклицаетъ въ его книгѣ одинъ жалкій босякъ изъ Одессы, попавшій на мгновеніе въ Лондонъ.

И мистеръ Гарстинъ соглашается съ нимъ, и знаменитый романистъ мистеръ Уэлльсъ соглашается съ мистеромъ Гарстиномъ:

— Да,—подтверждаетъ Уэлльсъ, — русскія избы обширнѣе, чѣмъ жилища англійскихъ рабочихъ; обитатели ихъ бойчѣе, радушнѣе и не такъ придавлены нуждой...

(„Friendly Russia“, by Denis Garstin, with an Introduction by H. G. Wells).

Пусть это невѣрно, но это весьма показательно.

— Много въ Россіи плохого, но она вся человѣчна, а это главнѣе всего,—проницательно говоритъ мистеръ Гарстинъ.

Особенно остро онъ ощущаетъ ласковость, уютность Россіи. Можно подумать, что онъ всю жизнь мечталъ о такой пріятной странѣ, гдѣ души нещершавы и мягки. Съ улыбкой, какъ о чемъ-то родномъ, вспоминаетъ онъ, напримѣръ, о письмѣ, которое онъ написалъ подъ диктовку крестьянки-служанки Ольги:

— Еще кланяется тебѣ Аѳанасій Степановичъ, еще кланяется тебѣ Марья Филимоновна, еще кланяюсь Евгеньѣ Петровнѣ, еще кланяюсь Аринѣ Петровнѣ, еще кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

Онъ не хихикаетъ надъ этими поклонами: онъ чувствуетъ ихъ поэтическую прелесть. Скучная форма заученныхъ деревенскихъ привѣтовъ не скроетъ отъ него ихъ задушевности. Конечно, онъ тутъ же для контраста приводитъ бойкое американское письмо съ отрывисто жесткими фразами и, конечно, отдаетъ преферансъ російскимъ деревенскимъ каракулямъ. Американское написано Марѳой, а русское опять-таки—Маріей.

— Въ Россіи меня звали не мистеромъ Гарстиномъ, а по-батюшкѣ: Денисомъ Нормандовичемъ!—вспоминаетъ онъ какъ объ особенной ласкѣ.

— Здравствуйте, Денисъ Нормандовичъ!—говорили ему бородачи-мужики, и онъ отвѣчалъ имъ растроганно:

— Здравствуйте, Лукьянъ Аѳанасьевичъ! Здравствуйте, Трофимъ Аѳанасьевичъ!

А въ вагонѣ какой-то незнакомый мужикъ насыпалъ ему полную горсть подсолнуховъ.

Этого онъ не можетъ забыть.

„Нигдѣ люди не живутъ въ такой атмосферѣ содружества, простоты, благодушія. Я прожилъ съ ними всего нѣсколько мѣсяцевъ, а узналъ ихъ лучше, чѣмъ мно-

гихъ людей, съ которыми жилъ цѣлые годы. Они играютъ, какъ дѣти, и вспыхиваютъ, загораются, какъ дѣти, и въ гнѣвѣ говорятъ другъ другу невѣроятныя вещи, и вотъ уже опять улыбаются, даже раньше, чѣмъ признаки гнѣва исчезнуть у нихъ на лицѣ. Легкая, пріятная жизнь среди пріятныхъ, нетяжелыхъ людей!“

Я не говорю, что это мнѣніе вѣрное,—я говорю, что оно очень типичное и повторяется во множествѣ книгъ. Въ такомъ же стилѣ написаны проникновенныя повѣсти Гюга Вальполя, которыя я могъ бы формулировать тѣмъ же изреченіемъ Гарстина:

— Много въ Россіи плохого, но она вся человѣчна, а вѣдь это важнѣе всего.

Свое любованіе Россіей оба они, и Вальполь и Гарстинъ, приправляютъ легкимъ подтруниваніемъ, той ласковой, необходимой усмѣшкой, что создается атмосферой любви.

Но есть у Россіи и другіе поклонники, напыщеннѣе, выпреннѣе этихъ. Я ихъ назвалъ бы славянофилами.

III.

Британскіе славянофилы,—не странно ли?

Они воспѣваютъ византійскую Русь, бранятъ Петра за пристрастіе къ Западу, увлекаются монастырями и иконами и, кажется, будь ихъ воля, сбросили бы съ себя пиджаки и напялили бы допетровскіе охабни.

Умомъ Россію не понять,
Въ Россію можно только вѣрить,—

твердятъ они на разные лады. Подумаешь, они любятъ Россію сильнѣе, чѣмъ сами русскіе, если берутся ее защищать даже отъ такихъ русскихъ-перерусскихъ людей, какъ Максимъ Горькій, депутатъ Алексинскій и др. „Нельзя же порицать свое родное“,—пеняютъ они депутату Алексинскому за его безотрадную книгу: „Россія и великая война“, а про горьковское „Дѣтство“ выска-

зываютъ, будто это—клевета на Россію. (Теперь не время говорить объ этой сектѣ; укажу лишь, что по какой-то неслучайной случайности, вся ея романтически-славянофильская мистика процвѣтаетъ особенно пышно на столбцахъ торгово-промышленной прессы).

Но есть другіе славянофилы, премилые,—маленькіе Алисы и Джорджи. У нихъ славянофильство иное: поэтическое, очень красивое. Наши домовые и лѣшіе, и Коза-Дереза, и Конекъ-Горбунокъ, и Дѣдка-Морозъ, и Снѣгурочка оравой ворвались къ нимъ въ дѣтскую и стали тамъ распоряжаться, какъ дома. Трудно представить себѣ, что есть такой англійскій мальчикъ, которому въ минувшія Святки не подарили бы русскую книгу, такъ много появилось этихъ книгъ: и „Русскія народныя сказки“, изданныя Кеганомъ Полемъ, и „Русскія волшебныя сказки“, въ прекрасномъ изданіи Низбетта, и „Сказки великорусскихъ крестьянъ“, въ изданіи Макъ-Брайда и Наста, и „Книга русскихъ билинъ“, выпущенная фирмою Геффера. Есть даже лубочныя московскія книжки,—тѣ, что продавались офенями,—озаглавленныя: „Русская гирлянда“. Есть русскія сказки Валерія Каррика; ихъ цѣлыхъ три тома, и онѣ озаглавлены такъ:

— „Еще Русскія Сказки съ картинками“.

— „Вотъ еще Русскія Сказки съ картинками“.

Раскрываю рождественскій номеръ иллюстрированнаго еженедѣльника „Sphere“, и тамъ рядомъ съ картинами Савицкаго, Рѣпина, вижу раскрашенные рисунки Билибина, а подъ ними русскія народныя сказочки о Царѣ Салтанѣ, о Василисѣ Премудрой и о Царевнѣ-Лягушкѣ. Обрусѣлъ-таки „коварный Альбионъ!“ Старый Домби читаетъ сыну объ Иванушкѣ-Дурачкѣ и Жарь-Птицѣ, а маленькій лордъ Фонтлерой мечтаетъ о похожденияхъ Садко.

Но не однѣ только былины и сказки предназначаются для англійскихъ дѣтей. Мистеръ Джонъ Финиморъ напечаталъ для нихъ, на примѣръ, увлекательную дѣтскую

повѣсть „Бойскоутъ въ рядахъ русской арміи“, гдѣ русскій мужикъ-солдатъ окруженъ ореоломъ блистательнымъ. Такихъ повѣстей не одна и не двѣ,—неумолчно говорятъ англичане своимъ дѣтямъ о русскихъ союзникахъ.

IV.

Гдѣ же наши русскіе Грегемы, Гарстины, Вальполи?

Гдѣ хоть единая книга объ Англіи, вызванная этой войной,—не газетная замѣтка, а книга въ родѣ англійскихъ книгъ Джона Морза, Стэнли Уошберна, профессора Бернарда Пэrsa, въ которыхъ шагъ за шагомъ описаны самими очевидцами событій русскія военныя дѣла? Что дѣлаютъ сейчасъ англичане,—для насъ попрежнему тайна, легенда, и мы даже не пробуемъ ее разгадать. Если бы въ русской провинціи было прочтено объ англичанахъ столько лекцій, сколько прочтено о футуристахъ, русскій обыватель не спрашивалъ бы, что дѣлаютъ сейчасъ англичане. Словно подмога величайшей державы съ сверхдредноутами и миллионными арміями для насъ такой пустяковый пустякъ, о которомъ и говорить не годится! Право, ферейнъ германскаго флота дѣйствовалъ на Руси энергичнѣе, чѣмъ нынѣшнія русско-англійскія общества, которыя до сихъ поръ не собрались напечатать хотя бы брошюру объ Англіи для простонародья, для нашихъ солдатъ, не устроили ни единого публичнаго чтенія объ Англіи въ провинціальныхъ городахъ и захолустьяхъ. Да и въ столицахъ они работаютъ вяло. Извѣстная писательница миссисъ Роза Ньюмарчъ, написавшая „Исторію русской оперы“, другъ Шаляпина и покойнаго Стасова, заговорила какъ-то съ русскимъ солдатомъ объ Англіи и обнаружила, къ своему изумленію, что тотъ ни разу не слышалъ объ англичанахъ.

— Гдѣ вы живете? Въ Финляндіи?—спросилъ у нея русскій солдатъ.

— Нѣтъ, дальше. Я ваша союзница...

— А, знаю: француженка...

- Нѣтъ, не французенка, а англичанка...
 — Что это такое: „англичанка“? Никогда не слыхалъ...
 „Англи-чан-ка“!..

Другой освѣдомился у миссисъ Ньюмарчъ, гдѣ живутъ англичане въ Россіи.

— Они живутъ не въ Россіи, а дальше, за Сѣвернымъ моремъ.

— Ахъ, это тамъ, гдѣ подводныя лодки?

— Да.

— Ну, до свиданьяца. Храни васъ Господь! („Times“, янв. 4).

Такихъ разказовъ было напечатано множество, и, естественно, они англичанъ огорчили.

— Мы уже пожертвовали на общее дѣло больше полумилліона убитыхъ и раненыхъ, а русскіе и не слышали о насъ!—взволнованно повторяютъ газеты.

Неужели тотъ энтузіазмъ, съ которымъ въ первыя недѣли войны былъ встрѣченъ въ Россіи англо-русскій союзъ, уже безвозвратно разсѣялся, и русскіе махнули рукой на Англію, какъ утверждаетъ, на примѣръ, въ нашедшей статьѣ американскій журналистъ Стэнли Уошборнъ.

„Сердце русскаго народа, — пишетъ онъ, — равнодушно къ Западу, какъ камень“.

Конечно, все это — фантазія, миражъ. Англія по-прежнему для русскаго сердца—священная, обѣтованная земля, и нынѣшнее наше содружество съ нею есть для насъ предзнаменованіе счастья, и, конечно, американецъ ошибся, но почему же мы не сдѣлали до сихъ поръ ничего для закрѣпленія нашей драгоцѣннѣйшей дружбы? Почему наши русско-англійскія общества, вмѣсто будничной энергичной работы, лишь обмѣниваются комплимен-тами съ Англіей, отлынивая отъ настоящаго дѣла?*)

*) Эта замѣтка написана до возникновенія Англо-Русскаго Общества, руководимаго проф. П. Виноградовымъ.

БОРЬБА СЪ РОСКОШЬЮ.

I.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Даже обгорѣлыя спички не пропадаютъ въ Германіи даромъ.

Нѣмецъ, закуривъ папиросу, не выброситъ потухшей спички, а спрячетъ ее бережно въ коробочку, чтобы спичечныя фабрики снова придѣлали къ ней головку и пустили бы вторично въ оборотъ.

Въ результатъ экономія огромная. Сколько сберегается дерева!

Такое нѣмецкое плюшкинство взбудоражило англичанъ чрезвычайно. Англійская газета „Daily Mail“ даже снимокъ съ этой спички напечатала: „Вотъ урокъ, достойный подражанія“.

— У нѣмцевъ даже спички и тѣ сберегаются, а мы мотаемъ свое добро, какъ безумные,—подхватили другія газеты и стали наперебой приводить примѣры необузданныхъ тратъ.

Вотъ ужъ полгода какъ призывъ къ экономіи сдѣлался въ Англии лозунгомъ.

— Долой воротнички и манжеты!—призываетъ, напримеръ, „Daily Mail“.—Откажитесь отъ крахмального бѣлья! Вѣдь въ Англии еженедѣльно крахмалится пятьдесятъ милліоновъ штукъ манишекъ, воротничковъ и манжетъ! Въ годъ два съ половиной милліарда! Сколько

тратится крахмала и угля! На семьдесят миллионов рублей!

А какая-то матрона въ „Daily News“ съ энтузіазмомъ проповѣдуетъ фартукъ. Фартукъ съэкономитъ миллионы. Благоденствіе націи въ фартукъ. Купите самага простаго коленкора, сшейте фартуки дѣтямъ и взрослымъ, и пусть носятъ ихъ, не снимая, весь день. Это сказочно сохранить ихъ одежду.

А въ „Times“ какой-то идиллическій „Любитель утренняго солнца“ медовыми словами убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ пораньше ложиться въ постель, чтобы вставать вмѣстѣ съ солнцемъ; здѣсь такая экономія, сверхъестественная!

Начался любопытнѣйшій спортъ: кто кого превзойдетъ въ экономіи. Во всѣхъ газетахъ замелькали замѣтки:

— Какъ изъ старой шляпы сдѣлать новую.

— Какъ изъ газетной бумаги сшить себѣ матрацъ и одѣяло.

Вѣдь вотъ нѣмцы: сдѣлаютъ изъ газетной бумаги лапшу и подстилаютъ подъ коровъ, какъ солому! По сообщенію „Times“, гамбургскій профессоръ фонъ-Меннеръ придумалъ даже удивительный способъ превращать газетную бумагу въ кормъ для домашняго скота!

— Такимъ образомъ,—возвѣщаетъ профессоръ,—тѣ самые газетные листы, которые питали собою умы и сердца человѣческія, сдѣлаются кормомъ для коровъ и дадутъ намъ молоко и бифштексы.

Шустрый листокъ „Daily Mail“, захлебываясь, пропагандируетъ курицу. Если Римъ былъ спасенъ гусями, то Лондонъ спасутъ только куры. Устройте у себя на квартирѣ курятники и кушайте бесплатную яичницу. Лондонцы даже крыши домовъ превратили въ куриное царство. И стали похваляться въ газетахъ:

— Въ концѣ февраля я купилъ семь куръ и получилъ отъ нихъ къ октябрю 792 яйца. Кормъ стоилъ пустяки: 10 рублей,—пишетъ мистеръ Фромъ въ „Daily Mail“.

— А мои восемь курочекъ дали мнѣ за три мѣсяца 430 яичекъ, и какія свѣжія, крупныя!—подхватываетъ мистеръ Ланготокъ.

Въ продажѣ появилась модель какого-то волшебнаго курятника, который, въ сущности, и чистить не нужно. Поставь его хоть нѣ балконѣ, хоть въ комнатѣ! Въ

Борьба съ роскошью.

— Ахъ, сударыня, я такъ пострадалъ отъ войны... Вѣдь мои копеечныя чортки тоже считаются роскошью. (Изъ юмор. журнала «Punch»).

Англии почти при каждой квартирѣ имѣется микроскопическій садикъ; этотъ садикъ сталъ теперь огородомъ и птичникомъ.

Всѣ охвачены азартомъ бережливости. Экономія стала общей религіей. И пусть въ этихъ обывательскихъ планахъ о сбереженіи національныхъ богатствъ много наивнаго, анекдотически-страннаго, я все же чувствую въ

нихъ отраженіе геніальной англійской гражданственности, внушающей всякому Джонсу и Джонсону, будто они страшно отвѣтственны за судьбы Великобританской имперіи. Ничего, что въ экстазѣ благого порыва многое доведено до смѣшного! Самый этотъ экстазъ не смѣшонъ, самый порывъ патетиченъ. Обществу порою бываетъ полезно помѣшаться на какомъ-нибудь пунктѣ, сдѣлать его своей *idée fixe*, довести его почти до абсурда: тогда онъ и внѣдрится въ сознаніе самыхъ апатичныхъ и вялыхъ. Пусть экономія превратится въ манію; манія въ общественной жизни явленіе весьма драгоцѣнное.

Не смѣйтесь же надъ смѣшными проектами: въ Англии и изъ этого мусора умѣютъ извлекать драгоцѣнности.

Всякая, даже самая большая, реформа начинается въ Англии именно съ „писемъ въ редакцію“, съ наивнѣйшихъ, нелѣпѣйшихъ проектовъ.

Безъ обывательскихъ „писемъ въ редакцію“ англійскія газеты немислимы. Онѣ печатаютъ эти письма въ большомъ изобиліи, по десяти, по двадцати ежедневно, покуда взбудораженные ими читатели не устроятъ на какой-нибудь площади или въ какомъ-нибудь паркѣ подъ деревомъ митингъ, въ результатъ котораго—тутъ же на воздухѣ—возникнетъ многошумная лига.

Лига зашумитъ, загремитъ, засыплетъ всѣхъ памфлетами, воззваніями, и вотъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ въ парламентѣ уже засѣдаетъ комиссія, гдѣ лучшіе умы государства превращаютъ обывательскія бредни въ стройные и строгіе законы.

Сперва отдѣльныя личности, потомъ общественные союзы, потомъ правительство, законодательная власть,—таковы этапы, которые въ Англии чрезвычайно быстро проходитъ всякая общественно-полезная мысль.

Мысль о сбереженіи національныхъ богатствъ пошла по тому же пути.

Сначала умные и глупые совѣты, сочиняемые всякой мелкотой, и печатаемые въ видѣ „писемъ въ редакцію“. О чемъ только не говорилось въ этихъ письмахъ!

О томъ, что каминные уголья вдвое дольше горятъ и даютъ вдвое больше тепла, если ихъ обрызгать соленой водой.

О томъ, что картошку въ военное время выгоднѣе ѣсть со шелухой.

О томъ, что для удешевленія лѣкарствъ школьники должны собирать на каникулахъ цѣлебныя травы.

О томъ, что вечерней газетой съ успѣхомъ замѣняется пыльная тряпка для вытиранія картинъ и зеркалъ.

О томъ, что комнатное разведеніе кроликовъ—занятіе дешевое и прибыльное.

О томъ, что на прошлой недѣлѣ двѣ очень шикарныя дамы пріѣзжали изъ Бристоля въ Гэрроу лишь затѣмъ, чтобы купить собачонку! Ради этой собачонки онѣ проѣхали туда и обратно разстояніе въ 260 миль. Не позоръ ли это въ военное время, когда шины такъ дороги, а бензинъ такъ нуженъ для арміи! Не пора ли прекратить разъ навсегда это цинически-преступное безуміе! *).

И такъ дальше, и такъ дальше, и такъ дальше. Все чаще стали вспоминать поговорку: „когда нѣту мышей, кошка довольна и мухами“,—и вотъ двѣ дамы, Мэри и Джэнъ Файндлэтеръ, напечатали милую повѣсть подъ заглавіемъ: „Довольны и мухами“, гдѣ весело и подробно разсказывается, какъ экономно онѣ вели хозяйство въ Шотландіи, безъ прислуги, сами стряпали и мыли полы.

А нѣкто, скрывшійся подъ псевдонимомъ Survivor, обнародовалъ книжку „Какъ жить безъ прислуги. Вновь обрѣтенное семейное счастье“.

Эти письма, брошюры, статейки вызваны стихійнымъ порывомъ, не нашедшимъ еще широкаго выхода, не воплотившимся еще во всенародную волю.

Но скоро этотъ хаосъ оформился. Разрозненные вопли и жалобы начали сливаться въ общій хоръ. Появилась „Лига экономіи“, и не одна, а десятки.

*) См. „Times“, Dec. 8, May 24; „Daily News“, July 1.

II.

ЛИГИ.—ВЫСТАВКА ЭКОНОМИИ.

Жена пэра, богатѣйшая дама, лэди Джульетта Деффъ, заявила газетнымъ сотрудникамъ, что въ своемъ домѣ-дворцѣ она для сокращенія расходовъ почти совсѣмъ упраздняетъ обѣды: пожуетъ немного мяса и сыра,— вотъ и весь ея „военный обѣдъ“. Въ гости не ходитъ и къ себѣ не зоветъ, опять-таки во имя экономіи; платье носить старья, поношенныя и убѣждаетъ друзей придерживаться такой же системы *).

А лэди Корнелия Уимборнъ основала специальное общество—женскую лигу военной экономіи: Women's War Economy League. И въ это общество демонстративно вступили такія аристократки-богачки, какъ герцогиня Сутерлендъ, герцогиня Бьюфортъ, маркиза Рипонъ, княгиня Пемброкъ, виконтесса Ридли, лэди Айлингтонъ,— хотя имъ-то для чего экономить! Но каждой барынѣ, конечно, стало лестно примкнуть къ такой сіятельной лигѣ. Дамы ринулись туда цѣлыми толпами.

Вступающія въ лигу обязываются:

1. Носить старомодныя платья, не гоняясь за новѣйшими фасонами.

2. Ходить пѣшкомъ, отречься отъ автомобиля. (Прибѣгать къ таксомотору дозволяется только съ благотворительной цѣлью).

3. Не приглашать никого къ обѣду ни къ себѣ домой ни въ ресторанъ.

4. Не покупать заграничныхъ товаровъ, предметовъ комфорта и роскоши.

5. Разсчитать лакеевъ и дворецкихъ, доведя число прислуги до минимума.

Лига сразу приобрѣла популярность, и такъ какъ въ Англии средніе классы всегда подражали высшимъ, а

*) Aug. 7, 1915. „Daily Mail“.

низшіе тянулись за средними, то теперь, когда съ самыхъ верховъ раздался призывъ къ экономіи, всякая грошова скредность, получивъ великосвѣтскую санкцію, стала признакомъ хорошаго тона.

Обходиться безъ извозчика, безъ портного, безъ повара нынче высшій шикъ, щегольство.

Ежели маркиза Рипонъ не шьетъ себѣ моднаго платья, то какая-нибудь миссисъ Джонсъ или Джонсонъ съ радостью надѣнетъ прошлогоднее, видя въ этомъ верхъ фешенебельности.

Въ Англіи относятся къ костюму очень нетерпимо и требовательно. Эtiquette деспотически строгъ. Не только великосвѣтскія женщины, но всѣ даже самыя простенькія должны являться къ обѣду въ пышныхъ декольтированныхъ платьяхъ: иначе нельзя, неприлично.

Но даже на эту вѣковую традицію рѣшили англичане посягнуть. Въ „Times“ нѣкая дама, ссылаясь на военныя тяготы, обращается къ аристократической лигѣ съ мольбой отмѣнить хоть на время войны „сей разорительный и глупый обычай“. („Times“, Aug. 16).

А сокрушительный мистеръ Мьюгайръ выступаетъ съ болѣе революціоннымъ проектомъ:

— Къ чорту всякія дамскія тряпки! Намъ не нужно кокетокъ и модницъ! Ихъ бантики, пуговики, ленточки только разоряютъ страну. Теперь не до бабьихъ капризовъ! Всѣхъ женщинъ безъ различія возраста одѣть, какъ арестантокъ, одинаково: въ одинаковыя кофты и юбки изъ какой-нибудь дешевенькой матеріи,—ни шлейфовъ, ни декольте, ни корсетовъ!—вотъ и будетъ экономія величайшая,—не то, что отъ яицъ или спи-

Англійская карикатура на военную экономію въ нарядахъ.

чекъ! Милліардовъ сбережется безъ счета. („Times“, Aug. 10).

Поднялась невообразимая буря. Женщины всего королевства три дня предавали анаѳемѣ этого нелюбезнаго джентльмена. Его проектъ, конечно, провалился, но и модницамъ пришлось нелегко. Вскорѣ на тысячѣ фактовъ англійское общество могло убѣдиться, что этотъ призывъ къ экономіи не былъ газетной шумихой. Я съ изумленіемъ, напрімѣръ, прочиталъ въ „Daily Telegraph“, что даже фирма знаменитаго Ворта должна была, изъ-за недостатка кліентовъ, закрыть свое отдѣленіе въ Лондонѣ. Сказалась-таки экономія „тряпокъ“! Двѣсти служащихъ остались безъ мѣста. („D. Tel.“, Aug. 13). Лэди Чансъ, почти одновременно съ леди Корнеліей Уимборнъ, основала другую подобную лигу, „Національную лигу сбереженія провизіи“, устроивъ въ Лондонѣ и въ провинціи классы для обученія дамъ и дѣвицъ дешевой и вкусной стряпнѣ, а также издала руководство „Какъ вести хозяйство на 50 рублей въ мѣсяцъ“.

Для пропаганды своихъ завѣтныхъ идей эти общества-лиги, союзы придумали множество средствъ, и среди нихъ превосходнѣйшее—„Выставка бережливости“, выставка образцовъ экономіи. Такая выставка—очень помпезная—открылась въ концѣ іюня въ клубѣ конькобѣжцевъ на каткѣ, и чего только на этой выставкѣ не было.

Вольтеровское кресло изъ сахарныхъ ящичковъ! Сказочно дешевыя козы со сказочно дешевымъ молокомъ! Волшебныя кастрюли, въ которыхъ одновременно, сразу изготавливается нѣсколько разнообразнѣйшихъ блюдъ: и супъ, и котлеты, и сладкое! Волшебные сундуки, набитые кирпичами и сѣномъ, гдѣ безъ огня кипятятся всевозможные компоты и супы! Шикарныя дѣтскія курточки, сшитыя изъ старыхъ отцовскихъ штановъ!

Выставку въ первый же день соблаговолила посѣтить королева. Лордъ-мэръ, открывая выставку, произнесъ вдохновенное слово:

— Бережливость въ тылу это то же, что доблесть въ бою!

И тутъ же пожертвоваль пять фунтовъ стерлинговъ для выдачи приза тому, кто вкуснѣе изжарить картошку!

Какая-то графиня вслѣдъ за нимъ предложила призъ за лучшей фартукъ.

На выставкѣ имѣется книга, куда посѣтителы вписываютъ свои собственные продукты и планы удешевленія жизни. Кто выдумаетъ лучшей продуктъ, тотъ получить призъ.

Министерство боевого снабженія выставило въ нарядной витринѣ пулеметы, стальные шлемы, снаряды и надъ ними такую афишу:

ОТРЕЧЕМСЯ ОТЪ РОСКОШИ

РАДИ ПОБѢДЫ.

Цѣна новой шляпки	4 шлема.
Цѣна новаго платья	4 ружья.
Цѣна шубки	1 пулеметь.
Цѣна брильянтовъ	1 полевое орудіе.
Цѣна бутылки шампанскаго .	100 патроновъ.
Цѣна собачонки	20 снарядовъ.
Цѣна автомобиля	1 аэропланъ.

А рядомъ отдѣленіе почтовой конторы, гдѣ „отрекшіеся отъ роскоши ради побѣды“ могутъ тотчасъ же вложить сбереженные шиллинги въ бумаги военного займа.

Тутъ же каѳедра, съ которой популярны лекторы ежедневно по такимъ-то часамъ проклиняютъ мотовство. Выставка сдѣлалась истинной школой хозяекъ: тѣ такъ и являлись туда, какъ ученицы, съ тетрадочками—для записыванія всяческихъ рецептовъ.

Изъ Лондона выставка направилась въ Ливерпуль, изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, сдѣлалась „передвижной“,

въ родѣ нашей художественной, привлекая къ своей пропагандѣ все больше союзовъ и лигъ.

Словомъ, всюду безсильные, разрозненные обывательскіе вопли стали постепенно смѣняться организаціей общественныхъ силъ.

III.

Но зачѣмъ же англичанамъ экономить? Развѣ они обѣднѣли? Неужели ихъ фантастически-богатые лорды уже не въ силахъ наряжать своихъ женъ и нанять себѣ хоть тысячу лакеевъ?

Да и самый послѣдній бѣднякъ,—почему онъ долженъ сжиматься и ежиться, если именно теперь-то впервые завелись у него лишніе шиллинги?

Вѣдь, на угольныхъ копяхъ, на заводахъ, на фабрикахъ нынче платятъ рабочимъ отлично; у многихъ появились впервые шальные, непредвидѣнные деньги,—куда же ихъ, скажите, дѣвать?

Не только всяческіе купцы и подрядчики, но даже солдатскія жены, даже фабричныя дѣвушки, работающія надъ изготовленіемъ снарядовъ,—и тѣ дорвались до такихъ капиталовъ, какіе имъ дотолѣ и не снились *).

Имъ, конечно, хочется побаловаться сережками, леденцами, кинематографомъ, шляпкой, а ихъ за это клеймятъ, какъ преступницъ, и зовутъ измѣнницами родинѣ. Министры, журналисты, священники уговариваютъ ихъ не франтить, не тратить на глупыя прихоти, ибо въ этомъ для Англіи пагуба.

Когда же имъ и тратить, какъ не нынче!

Онѣ впервые за всю свою жизнь могли бы вдоволь наѣсться мясного, а ихъ призываютъ къ селедкѣ! „Селедка салатъ и сыръ вполнѣ замѣняютъ мясо,—увѣряетъ ихъ газета „Daily News“.—Вмѣсто масла можно употреблять

*) Въ Англіи паекъ, приходящійся на семью солдата-добровольца, часто превышаетъ ту сумму, которую солдатъ зарабатывалъ въ мирное время.

маргаринъ... Помните, что каждая рюмка, выпитая вами теперь, способствуетъ продленію войны“.

Министерство народнаго просвѣщенія пичкаетъ ихъ бесплатными книжками съ рецептиками дешевыхъ обѣдовъ.

Каждый, покупающій въ настоящее время серьги, драгоценные камни, мѣха, объявленъ врагомъ государства. Каждый, кто заботится теперь о комфортѣ, считается пособникомъ кайзера.

Откуда же такой ригоризмъ? Почему довольство и сытость признаются теперь, какъ безнравственность? Развѣ Англій грозитъ голоданіе? Вѣдь, хлѣба подвозится вдоволь: океаны въ рукахъ у англичанъ. Вѣдь, въ лавкахъ избытокъ товара. Вѣдь, изо всѣхъ нынѣ воюющихъ націй англичане меньше всего ощутили экономической гнеть. Цѣны растутъ, но не очень. Фунтъ превосходнаго чая—девяносто копеекъ, рубль. Сахаръ, по заявленію министра финансовъ, дешевле, чѣмъ гдѣ-нибудь въ мірѣ! О какихъ-нибудь хвостахъ и не слышали. Скажите англичанину, что въ Россіи овесъ вздорожалъ на 244 процента,—и онъ подумаетъ, что вы сумасшедшій. Въ Англій только на 30 процентовъ повысилась стоимость жизни.

У насъ бы ликовали и блаженствовали; англичане же кричатъ караулъ и основываютъ цѣлыя лиги для бойкота вздорожавшихъ товаровъ.

Гдѣ же основанія для такой чрезмѣрной тревоги?

Во-первыхъ, англичане надѣются уменьшеніемъ спроса добиться пониженія цѣнъ. Министръ финансовъ Макъ-Кенна, обращаясь къ англійскимъ рабочимъ, сказалъ:

— Нужно ли доказывать вамъ, что ваша расточительность во время войны опасна для всего государства. Усиленно покупая продукты отечественной и иностранной промышленности, вы содѣйствуете повышенію цѣнъ, способствуете дороговизнѣ предметовъ и тѣмъ обижаете своихъ бѣднѣйшихъ товарищей. Я согласенъ, что рабочій, у котораго увеличился заработокъ,

въ правѣ предоставить женѣ и ребятамъ немного больше комфорта и роскоши,—но не теперь же, не во время войны! А если вы будете тотчасъ же тратить всѣ излишки своего заработка, то цѣны будутъ расти и расти, и излишки перестанутъ быть излишками.

Но дѣло не въ одной дороговизнѣ. Есть и другія причины, побуждающія англійское общество проповѣдывать „святую экономію“.

Предвидятся огромные расходы. Согласно недавнему сообщенію премьера, англичане тратятъ на военныя нужды 50.000.000 въ день. Въ четыре дня война поглатываетъ у нихъ столько денегъ, сколько прежде они тратили въ годъ на просвѣщеніе страны. То, что наканунѣ войны составляло годовой бюджетъ королевства, расходуется нынче въ пять недѣль. На боевое снаряженіе арміи уходитъ въ день 10.000.000 рублей, и эти деньги никогда не вернутся.

Нужно покупать не предметы потребленія, а облигаціи военныхъ займовъ. Нужно черезъ посредство сберегательныхъ кассъ увеличить ресурсы страны. Къ концу войны національный долгъ возрастетъ на 20 миллиардовъ рублей. Однихъ процентовъ придется уплачивать ежегодно до 900 милліоновъ.

Страшное количество денегъ нужно будетъ выдавать въ видѣ пенсіи раненымъ и семьямъ убитыхъ. Въ годъ не меньше двухсотъ милліоновъ.

Словомъ, государству понадобятся всѣ даже мелкія деньги каждаго гражданина-плательщика. Особенно же для него нежелательно, чтобы деньги уплывали изъ страны. Націи въ военное время нуженъ весь имѣющійся у нея капиталъ и всѣ ея рабочія руки исключительно для веденія войны; тѣ же, кто для удовлетворенія собственныхъ прихотей отвлекаютъ отъ военнаго дѣла хоть малую долю ея труда и ея капитала, способствуютъ ея ослабленію.

— Каждый фунтъ стерлинговъ, который вы отложите до окончанія войны,—сказалъ рабочимъ министръ фи-

нансовъ,—обогащаетъ страну ровно вдвое, ибо на двадцать шиллинговъ увеличивается вашъ національный капиталъ да на двадцать шиллинговъ остается въ запасѣ непроданныхъ продуктовъ.

Изъ тѣхъ пятидесяти милліоновъ рублей, которые ежедневно тратятся Англіей на веденіе войны, большая доля остается въ странѣ и распредѣляется среди населенія, работающаго въ военной промышленности. Вотъ объ участи этихъ-то денегъ и беспокоится англійское общество. Нужно удержать эти деньги въ странѣ, нужно, чтобы, благодаря ихъ изобилію, не началась эпидемія дороговизны, и главное, нужно направить эти деньги въ сберегательныя кассы и въ банки, чтобы онѣ снова вернулись въ руки военныхъ властей для дальнѣйшаго веденія войны. Кромѣ того, отрекаясь отъ предметовъ комфорта и роскоши, вы освободите для военной работы множество поѣздовъ и судовъ, которые нынѣ заняты доставкой этихъ предметовъ.

IV.

Краснорѣчиво говорили министры, убѣждая рабочихъ, чтобы во время войны они не требовали повышенія платы и копили бы лишніе стерлинги.

Тѣ слушали не очень почтительно.

— А сами почему не экономите?!—вызывающе кричали они.—Небось, сами у лордъ-мэра объдаете, а рабочимъ проповѣдуете постъ!

Положеніе становилось неудобнымъ.

— Народу нуженъ примѣръ, а не проповѣдь,—ежедневно твердили газеты.—Народъ видитъ, какъ тратятся казенныя деньги, какое колоссальное жалованье платится министерскимъ чиновникамъ, и, естественно, не вѣрять министрамъ, призывающимъ его къ экономіи. Пусть правительство первое покажетъ народу примѣръ, пусть посократитъ свои траты въ департаментахъ и канцеляріяхъ, пусть министры на время войны откажутся отъ

своихъ огромныхъ окладовъ, и нація повѣритъ ихъ призывамъ и съ радостью послѣдуетъ за ними.

Въ парламентѣ недавно запросили премьера, „намѣрено ли правительство, путемъ уменьшенія жалованія членамъ кабинета и парламента, дать народу примѣръ экономіи въ общественномъ и домашнемъ быту,—экономіи, столь существенно важной для дальнѣйшаго веденія войны“.

И вотъ въ началѣ декабря всѣ министры собрались для обсуждения невѣроятнаго вопроса: какъ самимъ себѣ убавить жалованье?

Привѣтствуя этотъ починъ, газета „Morning Post“ говоритъ:

— Теперь у правительства будутъ чистыя руки, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что избранные народомъ министры, чуткіе къ волѣ народной, самоотверженно принесутъ эту жертву.

Въ департаментахъ наведена экономія ярая. Нѣкоторые члены парламента заранѣе заявляютъ въ газетахъ о своемъ отказѣ отъ жалованья, которое они сполна отдають на различныя военныя нужды.

Особенно сердили обывателя расходы по судебному вѣдомству.

— Въ то время, какъ правительство проповѣдуетъ намъ экономію, не стыдно ли, что казенный стряпчій получаетъ 180.000 рублей въ годъ, а повѣренный въ дѣлахъ казны—190.000?—спрашиваетъ нѣкто въ „Daily Mail“.

— Лордъ канцлеръ получаетъ 100.000 рублей ежегодно, а шестеро судей 360.000,—указываетъ укоризненно „Times“.

И чудо! Судебное вѣдомство обнародовало на-дняхъ „синю книгу“, въ которой само же указываетъ, какіе ущербы, лишенія и тягости согласно оно претерпѣть.

Но, конечно, сильнѣе всего волновали страну расходы по военному вѣдомству. Соблюдаетъ ли оно экономію? Много ходило легендъ объ его гомерическихъ тратахъ.

Еще въ іюлѣ въ верхней палатѣ раздалися голоса, чтобы особая комиссія наблюдала за расходами военнаго вѣдомства, ибо, — какъ заявилъ лордъ Миддлтонъ, — со всѣхъ сторонъ поступаютъ протесты противъ излишнихъ военныхъ расходовъ, допускаемыхъ въ казармахъ и въ лагеряхъ.

Военное министерство отклонило контроль надъ собой: „это можетъ парализовать нашу дѣятельность“.

Тогда народъ безъ помощи комиссій учредилъ свой собственный контроль надъ расходами военнаго вѣдомства при посредствѣ свободной печати.

Газета „Daily Mail“ напечатала слѣдующее обращеніе къ публикѣ:

„Среди миллионѣвъ нашихъ читателей есть, конечно, такіе, кому довелось быть свидѣтелями тѣхъ необузданныхъ тратъ, которыя, по слухамъ, наблюдаются нынѣ въ морскомъ и военномъ вѣдомствахъ. Всякое письмо съ указаніемъ на подобные факты будетъ нами принято къ свѣдѣнію. Имя автора останется въ секретѣ“.

Читатели съ готовностью откликнулись. Посыпалось множество писемъ съ изобличеніемъ „возмутительныхъ“ случаевъ, но такъ какъ эти случаи оказались пустячными, мелкими, далекими отъ всякой уголовщины, то всенародный контроль не только не скомпрометировалъ вѣдомства, а, напротивъ, возвысилъ его.

Одинъ анонимъ сердился, что солдатамъ выдается много хлѣба. Солдаты всего не съѣдятъ, остаются лишнія корки. Другого сердило, что солдатскія жены получаютъ иногда больше, чѣмъ слѣдуетъ, — но, вѣдь, это не грѣхъ министерства, а его великая слава!

Третій рекомендовалъ для экономіи замѣнить поставщиковъ интендантства (даже странно сказать!) суффражистками! Суффражистки хоть воровать-то не стануть...

Какъ жаль, что у насъ нѣтъ суффражистокъ!

Словомъ, экономія проникла во всѣ области національнаго быта, — даже въ церковную жизнь. Бангорскій епископъ, по словамъ „Daily Mail“, предложилъ, напр.,

священникамъ не тратить денегъ на церковное убранство. Никто не имѣетъ права заказать для своей церкви органъ до прекращенія войны.

V.

„МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИИ“.

Къ пропагандѣ былъ, конечно, привлеченъ и могучій трибунъ городской черни—кинематографъ!

По заказу Министерства Финансовъ изготовили особую фильму подъ заглавіемъ: „Для блага Имперіи“, которая наглядно демонстрировала выгоду (и героическую красоту!) спартанскаго отреченія отъ разныхъ житейскихъ усладъ.

И вотъ когда всевозможные „письма въ редакцію“, митинги, выставки, лиги, плакаты, парламентскіе спичи, памфлеты, кинематографы и проч., и проч., и проч. внушили всѣмъ, даже маленькимъ дѣтямъ, что въ бережливости спасеніе страны,—на сцену выступили власти, правительство, наступила третья послѣдняя стадія организациі общественныхъ силъ.

Возникъ особый Комитетъ Военныхъ Сбереженій, нѣчто въ родѣ Министерства Экономіи, и повель затѣянное обывателемъ дѣло размашисто, широко, по-министерски.

Дѣло очутилось въ рукахъ у городскихъ самоуправленій, у лордъ-мэра и мэровъ, и тѣ объединили, сконцентрировали всю дотолѣ разсѣянную энергію лигъ и союзовъ.

Экономія стала государственнымъ дѣломъ. Во всей странѣ появились въ продажѣ особые билетки-сертификаты. Заплатите за этотъ билетикъ семь съ полтиной—и послѣ войны вы получите десять рублей. За 15½ шиллинговъ вы покупаете 20!.. Но если у васъ нѣту серебряныхъ шиллинговъ, а есть только мѣдные пенсы, неужели вамъ стоять въ сторонѣ, нѣтъ—вы покупаете

клочокъ сертификата—хоть за четыре копейки!—и послѣ войны вамъ достанется пять.

Всякому пріятно купить себѣ гривенникъ за восемь копеекъ,—а государству отъ этого грандіозная польза. Еженедѣльно оно получаетъ отъ самыхъ неимущихъ слоевъ населенія, по мелочамъ, по грошамъ, нѣсколько милліоновъ рублей.

Съ каждой недѣлей количество вкладчиковъ не убываетъ, а все растетъ и растетъ. Каждую недѣлю Комитетъ Сбереженій печатаетъ подробный отчетъ о количествахъ купленныхъ „сертификатовъ“:

Такъ,

въ понедѣльникъ	3-го іюля	было	куплено	253.697
во вторникъ	4-го іюля	„	„	252.946
въ среду	5-го іюля	„	„	262.102
въ четвергъ	6-го іюля	„	„	246.364
въ пятницу	7-го іюля	„	„	261.949
въ субботу	8-го іюля	„	„	341.807

Итого . 1.618.875

Помножьте эту цифру на семь съ половиной, вы получите изрядную сумму.

Населеніе со спортсменскимъ азартомъ слѣдитъ за результатомъ своей экономіи,—а правительство, чтобы этотъ жаръ не остылъ, распаляетъ его всякими средствами.

Въ срединѣ іюля оно, на примѣръ, объявило особую „Недѣлю воздержанія“, недѣлю поста,—предлагая гражданамъ, насколько возможно, воздержаться отъ всякихъ покупокъ, отъ театровъ, отъ пива, отъ сладостей, и ссудить государству всѣ деньги, какія имъ удастся сберечь. Успѣхъ этого „спорта“ былъ чрезмѣрный. Солдаты присылали изъ окоповъ, а матросы изъ дальнихъ морей свои кровные пенсы и шиллинги. Школьники, къ которымъ Министръ Финансовъ обратился съ горячимъ воззваніемъ, отказались отъ любимыхъ леденцовъ.

Вообще, благодаря Комитету, усиленное потребление всяких нужных и ненужных продуктов значительно сократилось, оттого и цѣны остались невзвинченными, хотя, конечно, экономія—не единственный способъ для борьбы съ дороговизной продуктовъ.

— Никто не требуетъ,—сказалъ на-дняхъ „Министръ Экономіи“,—чтобы бѣдные люди, у которыхъ впервые появилась возможность освободиться отъ тисковъ нищеты, отказывали себѣ въ самомъ насущномъ. Нѣтъ, пусть покупаютъ своимъ дѣтямъ башмаки и кровати, но къ чему же покупать граммофоны, піанино, мѣха, зачѣмъ ходить въ кинематографъ ежедневно! Достаточно — и одного раза въ недѣлю. Вѣдь по окончаніи войны за каждый фунтъ стерлинговъ вы купите больше, чѣмъ теперь: все будетъ стоить дешевле. Иначе у правительства не будетъ возможности тратить на веденіе войны 160 миллиардовъ.

Авторъ этой книжки въ стальномъ шлемѣ на англо-французскихъ позиціяхъ. Снимокъ Р. А. Вильтона.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе	VII
Англія во время войны	9
Канада въ Бельгіи	33
Авіація	49
Австралійцы	69
Ирландцы	85
Англичане и сіонская дружина	94
Плѣнные Россіей	104
Англичане о насъ	118
Борьба съ роскошью.	129

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОЭЗИЯ ГРЯДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Цѣна 1 р.

ЛИЦА И МАСКИ. Критическіе этюды (Игорь Сѣверянинъ. — Футуристы. — Новыя слова. — Джэкъ Лондонъ. — Леонидъ Андреевъ. — Оскаръ Уайльдъ. — З. Гиппиусъ. — Борисъ Зайцевъ. — Гр. Ал. Н. Толстой. — Вс. Гаршинъ. — Мы и они. — Шевченко. — Некрасовъ и модернисты. — Лидія Чарская). Изд. „Шиповника“. Цѣна 1 руб. 50 коп.

КНИГА О СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ. 2-е изд. „Шиповника“. Критич. этюды (М. Горькій. — Вл. Короленко, какъ художникъ. — Ѳ. Сологубъ. — Ал. Ремизовъ. — С. Сергѣевъ-Ценскій. — Ал. Бенуа. — В. В. Розановъ. — А. Вербицкая. — Натъ Пинкертонъ и современная литература и т. д.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОТЪ ЧЕХОВА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. 3-е изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Мережковский. — Бальмонтъ. — Брюсовъ. — Блокъ. — Арцыбашевъ. — Купринъ. — Семень Юшкевичъ. — Осипъ Дымовъ. — Георгій Чулковъ. — Леонидъ Андреевъ и др. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШЕ. Англичане и война. 3-е изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Цѣна 1 р.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

НЕКРАСОВЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПОЭТЪ.

МОИ ПРИСТРАСТІЯ. Тайна Мережковского. — Чеховъ и чеховщина. — Ив. Вунинъ. — Редъярдъ Киплингъ и др.

Изданія Г. В. А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ
КАРМАННЫЙ АТЛАСЪ

проф. А. Л. Гикмана и А. Ф. Маркса,

состоящій изъ 68 таблицъ съ картами и діаграммами и изъ 81 стр. объяснительнаго текста.

Новое 4-е изд., значительно исправленное и дополненное.

Атласъ допущенъ Учен. Комит. Мин. Нар. Пр., Учебн. Ком. Мин. Фин. и рекомендованъ Гл. Упр. военно-учебн. заведеній.

Цѣна атласа въ изящномъ коленкоровомъ перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 80 к.

БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ
АТЛАСЪ МАРКСА.

подъ редакціей проф. **Э. Ю. ПЕТРИ** и проф. **Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.**
2-е ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ 62 главнѣхъ, 160 дополнит. картъ и 17 фигуръ на 55 большихъ двойнѣхъ таблицахъ in folio. Съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 130.000) географич. названій, помѣщен. въ Атласъ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ каждой странѣ географическіе Атласы приспособлены для мѣстныхъ надобностей, почему мы и задались цѣлью дать такой же Атласъ, но обработанный съ русской точки зрѣнія, и, воспользовавшись для иностранныхъ картъ оригиналами одного изъ лучшихъ европейскихъ Атласовъ, отвели первенствующее мѣсто въ Атласъ картамъ Россіи. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 1:2.000.000 (или около 48 в. въ дюймѣ), являющаяся подробнымъ и точнымъ изображеніемъ поверхности страны, значительно усовершенствована какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по своему содержанию, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Все, что было сдѣлано въ Россіи новаго по картографіи страны за 4 года, протекшихъ отъ перваго изданія, принято во вниманіе, при чемъ использованы многіе матеріалы, еще не изданные ко времени печати карты.

На картѣ нанесены: *вся населенная мѣста съ числомъ жителей до 1000 чел., форты, колоды, порогы, водопады, болота, озера, минеральные источники и курорты, таможи, монастыри, желѣзныя, шоссейныя и почтовые дороги, каналы, порты, маяки, почтовые и телеграфныя станціи, телеграфныя кабели, пароходныя рейсы на моряхъ и т. п.*

Всѣ безъ исключенія карты Атласа, относящіяся къ другимъ странамъ, подверглись такому же изученію, исправленію и дополненію, какъ и карты Россіи. Кромѣ того, добавлено два совершенно новыхъ листа: одинъ, дающій изображеніе разныхъ небесныхъ явленій, а другой—карту Сѣвернаго полярнаго пространства.

Цѣна Атласа — 15 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—16 р.; въ перепл.—20 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—21 р.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КАРТА ФРАНЦУЗСКО - ГЕРМАНСКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Франція, Бельгія, Люксембургъ, Нидерланды и Германія).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 9.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ,
съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.
Въ масштабѣ 1:1.000.000 (около 24 версты въ дюймѣ).

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цѣна съ пересылкой одинъ рубль.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СРЕДНЕ-ЕВРОПЕЙСКАГО И ЮЖНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Австро-Венгрія, Германія, Турція, Італія, Греція, Болгарія, Румынія, Албанія и Швейцарія).

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (болѣе 18.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на
картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 112×134 сант., въ масштабѣ 50 версты въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цѣна съ пересылкой ДВА рубля

Требованія и деньги просимъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, № 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ И. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магаз. „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

